Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Коротков Василий Олегович

Командиры полков «иноземного строя» в России во второй половине XVII в.

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Сергей Иванович Реснянский

Мытищи – 2022

Оглавление

Введение ... 3
Глава 1. Формирование офицерского корпуса Русского государства ... 32
1.1. Развитие русского военного дела в XVII веке ... 32
1.2. Формирование командного состава полков «иноземного строя» ... 44
1.2.1. Источники комплектования командного состава ... 44
1.2.2. Этапы формирования командного состава полков «иноземного строя» ... 50
Глава 2. Полковники в полках «иноземного строя» ... 56
2.1. Поступление офицеров на русскую службу ... 56
2.2. Прохождение службы полковниками в полках «иноземного строя» 68
2.3. Денежное, поместное и иное жалование полковников ... 90
Глава 3. Полковники в русском обществе ... 99
3.1. Полковники в служилой иерархии Русского государства ... 99
3.2. Служба полковников вне полков «иноземного строя» ... 107
3.3. Вероисповедание офицеров-иноземцев ... 113
3.4. Нравы и быт иноземных офицеров. ... 120
Заключение ... 129
Список источников и литературы ... 134
Приложения ... 151

Введение

Актуальность. Вооруженные силы всегда являлись важнейшим институтом любого общества. Особо высокую роль армия традиционно играла в истории России – особенно в XV-XVII в., когда от успешного военного строительства зависело само существование государства. И в настоящий момент, несмотря на все гуманистические устремления, армия продолжает оставаться неотъемлемой государственной структурой. Постоянная необходимость совершенствования вооруженных сил требует и всестороннего изучения исторического опыта модернизации армии.

XVI-XVII века стали временем революционных изменений в европейском военном деле. На смену средневековым рыцарским и городским ополчениям пришла профессиональная армия. Многие принципы и традиции вооруженных сил, существующие по сей день, были заложены именно в то время, отсюда объяснимо и внимание историков к этому периоду.

В этом отношении военная история России в XVII в. долгое время оставалась Terra Incognita. Развитие вооруженных сил, не менее значимое, нежели происходившее в начале XVIII в., воспринималось скорее как предисловие к бурным петровским преобразованием, чем как явление, имеющее самостоятельное значение. В последнее время эта тенденция изменилась, к военной, и не только военной истории допетровской Руси проявляется устойчивый интерес. Появление множества новых исследований, основанных на широком круге архивных источников, ставит вопрос о пересмотре «петровской легенды». Однако общественное сознание, учебники истории и даже научные работы, не касающиеся впрямую истории XVII в., в массе своей остаются в русле старых представлений.

Одной из важнейших частей вооруженных сил является их офицерский корпус. Офицеры являются стержнем и душой армии, носителям воинских традиций и передового военного опыта. Фактически офицеры – это лицо армии.

Офицерство как военное и социальное явление начинает формироваться в западной Европе с XVI в.. Согласно популярной в западноевропейской историографии концепции военной или пороховой революции, изменения в военном деле XVI-XVII в. повлекли и изменения в социальной сфере, ярким примером чему является появление офицерства – новой для традиционного общества социальной страты.

В России же, двинувшейся по пути перенятия западноевропейского военного искусства, офицерство появляется со второй трети-середины XVII в. Новая социальная страта Русского государства характеризуется рядом уникальных черт, обусловленных особенностями положения и развития России.

Среди офицерского корпуса допетровской России более всего выделялись полковники полков «иноземного строя». Их статус был довольно уникальным. С одной стороны, положение командиров полков было достаточно высоким и заметно отличалось даже от своих заместителей – они возглавляли самые крупные тактические соединения, существовавшие в русской армии[1], подчинялись непосредственно воеводам, фигурировали в документах как непосредственные представители оных и даже жалованье получали непосредственно в приказах. Они, в особенности иноземцы, во многом являлись проводниками передового военного искусства. Материальное положение полковников также довольно значительно выделялось среди офицерства. С другой – полковникам редко приходилось действовать самостоятельно, независимо от воевод, а полковничий чин для большинства из них становился венцом карьеры – в особенности для иноземцев.

В русской армии в. п. XVII в. полковники являлись одними из младших представителей старшего командного звена. Изучение этой части

[1] Ещё более крупными соединениями являлись генеральские полки, возглавляемые генералами, но в них сводилось меньшинство существовавших полков «нового строя».

офицерского корпуса позволит внести новое знание в историю как вооруженных сил, так и социальных процессов Русского государства XVII в.

Изучение военной истории XVII в. также позволит уточнить роль и значение Петра I в развитии России. Новое знание о предшествующих его реформам преобразованиях позволит внести новые черты в его образ и характеристику. Вообще, вопрос о роли петровских реформ, их «эволюционности» или «революционности», является одним из ключевых и актуальных не только для русской истории, но и философии и публицистики, начиная с дискуссий слафянофилов и западников. С этой точки зрения исследование актуально и для современной общественной мысли.

Просопографический анализ биографий полковников также может представлять интерес для генеалогических и биографических исследований.

Степень разработанности темы. Как уже отмечалось, изучение военной истории допетровской России долгое время оставалось ограниченным. Отечественная военная историография XIX в., создававшаяся в первую очередь как средство воспитания высшего офицерства, долгое время развивалась в фарватере историографии общей, не привнося новых сведений в собственно историческую науку.

Первые работы, затрагивавшие русскую военную историю XVII в., носили достаточно общий характер, на них сильно влиял «петровский миф», их источниковая база, как правило, не основывалась на русских документах XVII в.. Приводимые сведения о численности русских войск были иногда откровенно фантастичны. Значительную роль в оценке допетровской армии сыграли нарративные источники иностранного происхождения, воспринимавшиеся историками недостаточно критично[2]. Серьёзного внимания командному составу полков «иноземного строя» в этих работах не уделялось. Так можно охарактеризовать появившиеся в конце XVIII – п. п.

[2] Об особенностях исторических источников войн XVI-XVII вв. см.: Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656-1658: проблема критики военно-исторических источников // Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 201-219.

XIX в. работы Н.Г. Устрялова, И.Д. Беляева и Р.М. Зотова, а также ряд «записок» неизвестных авторов[3]. Несмотря на то, что ещё Пётр I отмечал, что «отец наш в 1647 году начал регулярное войско употреблять. И таково войско в таком добром порядке учреждено было, что дела в Польше показаны»[4], в историографии, как общей, так и специализированной, надолго возобладало мнение, совпадавшее со словами публициста И. Посошкова: «Иной дворянин и пищали зарядить не умеет»[5].

С развитием архивного дела и активной публикацией многочисленных сборников источников XVII в. историография вышла на новый уровень. В 1880-х в научном сообществе развернулась дискуссия между «академической» и «русской» школами военного искусства, обсуждавшими степень влияния западноевропейского военного дела на отечественное[6]. «Русская школа» утверждала, что «ещё до Петра I вооруженные силы России начали изменяться»[7]. Дискуссия способствовала повышению интереса к русской истории XVII в., был подвергнут критике и «тезис Посошкова»[8].

Первой и единственной дореволюционной работой, посвященной офицерству XVII в., стал очерк А.З. Мышлаевского «Офицерский вопрос в XVII веке»[9], где автором были впервые приведены сведения об офицерском корпусе, такие, как источники происхождения, численный состав, жалованье, условия службы и иные. Критикуя идеализацию Петра I, Мышлаевский

---

[3] Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярных войск, о ново и славяносербских поселениях, о полках гусарских и пандурских, и о военных школах // Сборник военно-исторических материалов Т. 16, СПб, 1904; Зотов Р.М. Военная история Российского государства. Ч. I. СПб., 1839; Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846; Устрялов Н.Г. Русское войско до Петра Великого. СПб., 1856.

[4] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. В 50 т. – СПб, 1830. Т. 5, с. 203-204.

[5] Посошков И.Т. О ратном поведении // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1911. С.126

[6] См.: Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 217-218, 270-271.

[7] Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России: Выпуск II. СПб, 1891. С. 57.

[8] Масловский Д.Ф. Ук. соч. С. 24-25.

[9] Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899.

первым в отечественной историографии сделал вывод о принципиально новом характере командного состава полков «иноземного строя». При этом в «Офицерском вопросе…» прослеживаются те же черты, что и в более ранних работах – чрезмерное доверие к источникам западноевропейского происхождения и невысокая оценка качества служилых иноземцев (что частично объясняется очерковым характером работы). Несмотря на это, работа Мышлаевского вывела изучение «офицерского вопроса» на качественно новый уровень. Автор подчеркивал необходимость дальнейшего изучения русских документов.

Ещё одной значительной работой стал труд Е.Д. Сташевского, посвященный подготовке к Смоленской войне[10]. Это исследование стало первым, в котором на широком применении архивных материалов, в том числе дел о выезде иноземцев в Россию, были подробно проанализированы процессы формирования полков и назначение их командного состава, структура полков, биографии ряда офицеров и механизмы их чинопроизводства. Рамки исследования ограничены Смоленской войной, тем не менее, для настоящего исследования работа ценна возможностью проследить изменения в условиях службы и правовом положении офицерства на протяжении XVII в. Дальнейшей деятельности Сташевского помешали революционные события.

Помимо описанных исследований, посвященных общей истории вооруженных сил, в этот период появился ряд работ, изучавших биографию и деятельность отдельных полковников и генералов – П. Гордона, Ф. Лефорта, Н. Баумана и ряда иных[11]. Несмотря на ряд присущих этим трудам недостатков (к примеру, использование А. Брикнером перевода дневника

---

[10] Сташевский Е.Д. Смоленская война. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.

[11] Брикнер А.Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878; Мышлаевский А.З. Выезд в Россию Франца Лефорта. (Современная переписка) // Русская старина, № 3. 1898. С. 640-645; Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637-1694), СПб., 1906; Цветаев Д.В. Генерал Николай Бауман и его дело: Из жизни Моск. Ново-инозем. слободы в 17 в. М., 1884.

П. Гордона, содержавшего множество ошибок[12]), они дают возможность проследить процесс их службы и взаимоотношения друг с другом и с русскими властями.

Кроме того, следует отметить крупное исследование Д.В. Цветаева «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований»[13]. Не являясь специализированным исследованием по военному делу, эта работа раскрывает некоторые аспекты правового положения полковников-иноземцев в России, их внутренние конфликты и особенности мировоззрения. Этого же вопроса касается другая работа того же автора, затрагивавшая группу офицеров-католиков[14].

Можно констатировать, что дореволюционная историография, преодолев традиционные стереотипы о допетровской армии, начала полноценные исследования русского военного дела XVII в. на основе массы архивных документов и вплотную подошла к постановке вопроса о командирах полков «иноземного строя».

В советский период изучение военной истории XVII в. не получило достаточного развития. Под влиянием идеологических установок основное внимание историографии уделялось социальным и экономическим факторам, тогда как военное дело как таковое значительное время оставалось на втором плане. Несмотря на наличие ряда крупных работ, посвященных русской военной истории XVII в., оная в значительной степени оставалась малоизученной. Практически отсутствовали также глубокие исследования боевых действий и боеспособности русской армии того периода.

Характерной чертой советского периода при этом стала оценка русского военного дела как превосходящего западноевропейское (что, видимо, являлось следствием не только идеологических установок, но и

---

[12] Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник 1659-1667. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2003. С. 262

[13] Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890

[14] Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886

оторванности советских исследователей от западноевропейской историографии). Офицеры-иноземцы же практически всегда характеризовались как некомпетентные и склонные к измене – как и в дореволюционной историографии, но из иных причин. На отсутствии полноценных трудов, посвященных командному составу полков «иноземного строя», вероятно, сказалось и то обстоятельство, что офицерство в СССР считалось «классово чуждым» слоем.

Крупнейшей работой советского периода, затрагивающей русское военное дело XVII в., стала монография А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв.»[15], основанная на защищенной ранее диссертации. В этой работе Чернов, основываясь на массе материалов Разрядного приказа, подробно описал новые войска, их вооружение и особенности службы и впервые предложил периодизацию реформ. Чернов отметил ряд положительных тенденций в военном строительстве XVII в. В частности, был отмечен рост удельной численности полков «иноземного строя» и их роли в вооруженных конфликтах. Отдельная глава была посвящена обучению войск. Также Черновым была выдвинута концепция военно-окружной реформы.

Согласно выводам Чернова, вероятно, находившимся в русле послевоенных идеологических тенденций, в XVII в. в России была создана регулярная армия, «гораздо раньше, чем в государствах Западной Европы, где такая армия известна с конца XVIII в. (?! – В. К.)»[16]. Несмотря на явно преувеличенные оценки и ряд допущенных ошибок, таких, как восприятие гусар как лёгкую конницу[17], монография Чернова в значительной степени остаётся актуальным трудом.

Командному составу полков «иноземного строя» в исследовании Чернова посвящена небольшая глава, в которой автор приводит сведения о поступлении на службу, о численности офицерского корпуса в некоторые

[15] Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954.
[16] Чернов А.В. Ук. соч. С. 155.
[17] Там же. С. 148-149.

моменты и о жаловании офицеров. Также впервые поименно названы первые русские генералы, получившие чины в 1670 гг.. Во многом эта глава повторяет данные и выводы А. Мышлаевского. Офицеров-иноземцев Чернов в том же русле характеризует исключительно отрицательно: «Большинство иноземцев оказалось невежественными в военное деле»[18]. При этом Чернов отметил рост численности русской части офицерства.

Общие выводы Чернова оказались слишком смелыми для современной ему исторической науки. В результате монография не была оценена по достоинству и не оказала должное влияние на историографию. Дальнейшие военно-исторические труды, в особенности не посвященные непосредственно военной истории XVII в., в массе своей продолжали отстаивать тезис о невысокой боеспособности допетровской армии.

Ещё одной крупной работой того же времени стала монография Ф.И. Калинычева «Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века»[19]. Калинычев также считал русское военное дело превосходившим западноевропейское. Он оказался, пожалуй, первым исследователем, предложившим рассматривать русские вооруженные силы XVII в. в контексте стоявших перед ними задач, отказавшись от сравнения их с петровской армией.

Относительно офицерского корпуса автор сделал вывод о появлении «некоторых» принципов производства в чины, также привёл новые сведения о военном обучении ратников. Иноземные офицеры же традиционно удостоились невысокой оценки[20].

При этом работа не лишена недостатков. Не приводя каких-либо данных, подтверждающих этот тезис, автор заявил, что офицерский корпус полков «иноземного строя» состоял из «господствующего класса дворян и

---

[18] Там же. С. 149.
[19] Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954.
[20] Калинычев Ф.И. Ук. соч. С. 116.

помещиков»[21], хотя насыщенность его иноземцами (которые, разумеется, «господствующим классом» быть никак не могли) давно оставалась историографическим стереотипом.

Как видно, по ряду вопросов Калинычев в общем оказался солидарен с мнением Чернова. Следует также отметить, что влияние идеологических установок в этой работе заметно более, чем в трудах Чернова и нижеописанного Епифанова. Несмотря на недостатки, монография имеет определенную ценность для изучения правовых отношений допетровской Руси. Однако в области изучения офицерского корпуса «Правовые вопросы…» привнесли мало нового.

Оппонентом взглядов Чернова стал П.П. Епифанов. В своей работе «Войско»[22] он также отметил «важные структурные изменения», произошедшие в русском войске во второй половине XVII в., но тем не менее, отказывал полкам «иноземного строя» в регулярстве[23], характеризуя их как ещё менее боеспособные, чем стрелецкие приказы. Отличительной чертой труда Епифанова стало постоянное сравнение вооруженных сил XVII в. с позднепетровской армией, с принятием за «эталон» последней. Подобное сравнение позволяло сделать вывод о подготовительном, переходном характере преобразований XVII в.

В своем труде Епифанов попытался оценить качество исполнения офицерским корпусом своих обязанностей по обучению солдат. Согласно его выводам, регулярное обучение «ратному строю» было налажено лишь в Москве, в других же городах оно оставалось недостаточным. Некоторые аргументы в пользу этого тезиса выглядят странно – так, приказы обустраивать укрепленные лагеря во время походов трактуются Епифановым

---

[21] Там же. С. 84.
[22] Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. I / Отв. ред. А.М. Сахаров. М., 1979.
[23] Там же. С. 247.

как свидетельство недостаточной обученности ратников[24], хотя укрепленные лагеря возводили все развитые армии мира со времён римских легионов.

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на появление нескольких крупных работ, посвященных военной истории XVII в., за советский период изучение офицерского корпуса полков «иноземного строя» недалеко ушло от «Офицерского вопроса…» Мышлаевского.

Для современной историографии характерен заметный рост интереса к военной истории XVII в. За последние десятилетия было издано множество крупных работ, посвященных полкам «иноземного строя», в том числе и их командному составу. Накопленный за советское время опыт архивной работы вкупе с отсутствием идеологического контроля и доступностью западной историографии позволили опровергнуть некоторые стереотипы с научных позиций, осветить многие неизученные вопросы и выдвинуть ряд интересных концепций.

Среди новейших исследований, затрагивающих командный состав полков «иноземного строя», можно выделить следующие направления: общие исследования офицерства; исследования жизни и деятельности отдельных лиц или групп лиц; исследования, посвященные иноземцам как слою в русском обществе.

Первым крупным постсоветским исследованием, касающимся вопроса офицерства полков «иноземного строя», стала опубликованная в 1993 г. монография С.В. Волкова «Русский офицерский корпус»[25]. Это было первое комплексное исследование дореволюционного офицерства, его происхождения, подготовки, социального статуса, условий службы и т.д..

Командирам полков «иноземного строя» в этой работе посвящена глава «Офицеры в России до создания регулярной армии». Поскольку офицерство XVII в. не являлось предметом исследования С.В. Волкова и задачи изучения его даже и не ставилось, эта глава изложена кратко и фактически

[24] Епифанов П.П. Ук соч. С. 249.
[25] Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М.: Центрполиграф, 2003.

основывается не на архивных источниках, а на сочинении А. Мейерберга и «Офицерском вопросе» Мышлаевского. Как и последний, С.В. Волков также невысоко оценил систему чинопроизводства, а также знания и лояльность иноземных офицеров, но отметил, что «постепенное введение новой, чисто военной иерархии чинов и отмена местничества совершили тот переворот в российском обществе, без которого было бы немыслимым существование офицерства как костяка регулярной армии»[26].

Одним из крупнейших современных исследований русского военного дела XVII в. стала монография А.В. Малова, посвященная двум московским выборным полкам солдатского строя[27] – старейшим полкам русской армии, просуществовавшим до 1917 г. В работе на привлечении широкой массы архивных документов были исследованы формирование, организация, состав, боевые действия, содержание и обмундирование этих полков. Интерес вызывают также рассуждения автора о понятии «регулярства» применительно к XVII в.[28]. По оценке О.А. Курбатова, Малов впервые в историографии реформ XVII в. сосредоточился на сугубо военно-исторических вопросах[29]

Командирам выборных полков посвящена отдельная глава. Малов выяснил персональный состав командиров этих полков, выявил сведения об их предшествующей деятельности, время их службы и боевые отличия, а также опроверг ряд устоявшихся с XIX в. заблуждений, таких, как время формирования полков, «датское» происхождение М. Кровкова и присутствие среди командиров Первого выборного полка генерала Т. Далейля.

---

[26] Там же. С. 35.
[27] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006.
[28] Малов А.В. Ук. соч. С. 11.
[29] Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг. Дис. … кан. ист. наук. М., 2002. С. 27.

Следует также отметить монографию С.Т. Минакова о первом русском генерале[30]. Будучи посвященным в основном незаурядной личности В. Змеева, исследование также содержит интересные сведения о рейтарском полке И. Фанбуковена. Минаков приводит частичный персональный состав этого полка, что позволяет проследить историю карьеры ряда русских полковников, начинавших службу рядовыми рейтарами в этом полку. В дальнейшем изучение полка Фанбуковена было развито А.А. Рогожиным[31]. Работа Минакова также интересна с точки зрения взаимоотношения иноземных и русских офицеров (на примере Ф. Лефорта). Из недостатков работы следует отметить постулирование некоторых устаревших и опровергнутых тезисов (как, например, тезис о снятии осады Риги в 1656 вследствие удачной вылазки шведов 2 октября[32]) и недостаточное применение архивных источников.

Ряд исследований офицерства полков «иноземного строя» принадлежит Н.Н. Петрухинцеву[33]. В одном из них исследуется персональный состав командиров полков на 1663 г. и их денежный «корм», а также общий вопрос финансирования новой армии. В другом Петрухинцев проанализировал личный состав офицеров, сделав вывод о появлении в России офицерских династий из постепенно обрусевавших иноземцев и их значительном влиянии в военной среде, что показывает возрастающее желание выходцев из западной Европы связать судьбу с Россией.

---

[30] Минаков С.Т. Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной армии. М., 2017.

[31] Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командирских кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 21-25.

[32] Минаков С.Т. Первый русский генерал…, С. 42-44.

[33] Петрухинцев Н.Н. "Финансы войны" и офицерский корпус полков "нового строя" в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263-292; Он же. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18-20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. II. С. 219-240

Следует также отметить исследование О.А. Курбатова «Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654-1667 гг.»[34]. В статье собраны сведения о солдатских и драгунских полках русской армии, времени их формирования и о некоторых из командиров. Вкупе с другой работой автора, посвященной коннице «иноземного строя»[35], эта статья показывает состав формирований «иноземного строя» и его офицерского корпуса в 1654 г.

Наконец, одной из важнейших работ недавнего времени стала диссертация уже упомянутого А.А. Рогожина, посвященная русскому генералитету полков «иноземного строя» в. п. XVII в.[36]. В данном исследовании генералитет был впервые исследован как целостная структура. Был установлен персональный список генералитета, происхождение и особенности службы генералов, их участие в боевых действиях и иные «службы», имущественное и социальное положение, взаимоотношения с властью и сослуживцами, особенности культуры и идеологии. Автор справедливо отмечает, что генералитет «не только деятельно способствовал реформированию русских вооруженных сил, но и оказывал заметное влияние на государственно-политические институты»[37]. Многие выводы, касающиеся генералитета, являются актуальными и для полковников как предшествующей им ступени карьерной лестницы.

Среди исследований, посвященных иноземцам как слою, следует отметить в первую очередь монографию С.П. Орленко[38], в которой

---

[34] Курбатов О.А. Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654-67 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2 — Москва: Квадрига, 2011. С. 502-510.

[35] Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656 – 1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 90-136.

[36] Рогожин А.А. Генералитет полков «Нового строя» в россии второй половины XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2014.

[37] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 190.

[38] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004

иноземным служилым людям посвящена отдельная глава. В работе проанализированы особенности взаимоотношения западноевропейских служилых людей с правительством, друг с другом и с населением, их права, привилегии и обязанности в сравнении как с русскими, так и с выходцами из иных стран.

Монография Т.А. Опариной, также посвященная иноземцам в России[39], исследует взаимоотношения иноземцев и русской власти, в основном в религиозной сфере. Форма подачи материала довольно необычна – каждая глава представляет собой биографию иноземца (или целого семейства), перешедшего в православие. Для настоящего исследования работа Опариной представляет ценность как источник сведений о религиозной политике Русского государства по отношению к иноземцам.

Следует также упомянуть отдельную статью Опариной «Полковник Александр Лесли и православие»[40], где исследовательница проанализировала «дело Лесли» и пришла к выводу, что оно послужило поводом для заметного ограничения иноземцев в правах – владения поместьями, ношения русской одежды, выселения в Немецкую слободу и т.д. Следствием этого стало увеличение числа «новокрещенов», желавших сохранить положение.

Роль иноземного офицерства в реформировании русской конницы описывал О.А. Курбатов[41]. Он обратил внимание на рейтарский полк И. Фанбуковена, охарактеризовав его как первую в России офицерскую школу[42], в которой начинали службу многие русские дворяне, дослужившиеся до высоких чинов. Однако начиная с 1660 гг., в руководстве рейтарскими полками русские потеснили иноземцев. При этом последние

---

[39] Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI-XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

[40] Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 141-166.

[41] Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 274-288.

[42] Там же. С. 282-283.

сохранили доминирование в солдатских и драгунских полках, а также в частях из казаков, даточных и т.д.

Следует также отметить ряд исследований, посвященных «солдатскому строю» в Заонежье и его командному составу. Прежде всего это работа А.С. Рыжкова «Офицер-иноземец: проблема адаптации в местном крестьянском сообществе»[43]. В ней автор проанализировал национальный состав и особенности взаимоотношения «заонежского» офицерства с населением и местной властью, ограничившись, однако, периодом 1649-51 гг.

Значительное число работ о заонежских полках было написано Д.В. Брусницыной. В основном они затрагивают службы и социальное положение пашенных солдат, но среди них имеется статья о «начальных людях» олонецких полков[44]. Исследование рассматривает офицерский быт, конфликты с подчиненными и населением, переход иноземцев в православие и появление русских офицеров.

Непосредственно офицерам посвящены также две работы М.Е. Проскуряковой. В первой из них[45] автор выявляет биографии иноземцев, оставшихся в России после Смоленской войны и в 1649 назначенных офицерами в полки А. Гамолтона и М. Кормихеля. Изучение «заонежского» офицерского корпуса получило развитие в крупном просопографическом исследовании «служб» офицеров полка А. Гамолтона[46]. Автор на основании широкого массива архивных источников исследовала биографии и карьеры 55 офицеров, назначенных в 1649 г. в полк А. Гамолтона. При всех

---

[43] Рыжков А.С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. Электрон, ст. URL: http://illmik/petrsu/ru/2006news3/ Ryzhkov2.html. Дата обращения: 05.11.2014

[44] Брусницына Д.В. «Начальные люди» Олонецких полков пашенных солдат (1649—1666) // CARELiCA [Научный электронный журнал] — 2013, — № 1(10). — С. 170-185.

[45] Проскурякова М.Е. Избранные для службы в Олонецком уезде: Иноземцы в полках пашенных солдат в 1640-е — 1650-е гг.. // Петербургский исторический журнал. СПб, 2018. № 4. С. 7-25.

[46] Проскурякова М. Е. «…На твоей государеве службе на Олонце … для ратного салдатцкого строю»: Биографии иноземцев полка Александра Гамильтона // CARELiCA. 2020. № 1(23). С. 62–91.

достоинствах работы следует, однако, отметить, что вне внимания Проскуряковой остались дальнейшие детали биографий некоторых офицеров, впоследствии занявших весьма высокие чины. Среди таковых можно выделить Я. Билса, И. Кемена, М. Лицкина, А. Форота, впоследствии произведенных в полковники (а Я. Билс дослужился и до генеральского чина).

Взаимоотношения заонежских солдат с офицерством также исследованы в работе А.С. Бочкарёва, посвященной бунту в полку Я. Трейдена в 1662 г.[47].

Значительное число современных исследований посвящено жизни и службе конкретных офицеров – В. Змеева[48], Г. Косагова[49], П. Гордона[50], Н. Баумана[51], А. Грановского[52], Ф. Лефорта[53], И. фон Друшке[54], Т. Далейля[55], А. Кроуфорда[56] и представителей клана Драммондов[57]. Эти работы раскрывают

---

[47] Бочкарев А.С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года. // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42. № 8. Петрозаводск. 2020. С. 93-101.

[48] Минаков С.Т. Первый русский генерал…

[49] Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. Брянск, 2001; Рогожин А.А. Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 132-141.

[50] Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник 1659-1667 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2003; Он же. Полковник и инженер против блистательной порты // Гордон П. Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005; Он же. От Киева до Преображенского // Гордон П. Дневник 1684-1689. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2009.

[51] Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века. // Рейтар. 2005. №7(19). С. 57-88; Лобин А.Н. "Против недругов стоял и бился мужественно...". Датский офицер на службе у русского царя // Родина. 2006. № 11. С. 90-93.

[52] Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иностранных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006

[53] Павленко Н.И. Лефорт. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 316-335.

[54] Бабулин И.Б. От Лондона до Смоленска. Боевой путь генерал-майора фон Друшке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. IV. С. 1-38. <http://www.milhist.info/2013/03/29/babylin_2> (14.05.2015)

[55] Бабулин И.Б. Генерал из Шотландии // Армии и битвы. 2004. № 3. С. 46-48.

[56] Ноздрин О.Я. Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16-18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 434-440

механизмы службы и чинопроизводства в полках «иноземного строя» на конкретных примерах.

Помимо отмеченных исследований, общие вопросы войн и военного строительства России в XVII в. были раскрыты в работах О.А. Курбатова[58], И.Б. Бабулина[59], В.В. Пенского[60], А.Н. Лобина[61], В.С. Великанова[62], А.В. Дмитриева[63], О.В. Скобелкина[64] и в ряде иных. Следует отметить, что работы

---

[57] Ноздрин О.Я. «Против недругов стоял и бился мужественно…» Клан Драммондов на службе царю и отечеству // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12-14 мая 2010 года. СПб., 2010. Ч. II. С. 154-163.

[58] См.: Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. 304-327; Он же. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656 – 1658 годов // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 157-197; Он же. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей. СПб., 2013. С. 231-249; Он же. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017, и др.

[59] См.: Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века // Рейтар. 2004. № 9(12). С. 27-44. Он же. Состав русской армии в Чудновском походе 1660 г. // Рейтар. 2006. № 4(28) С. 22-41. Он же. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015; Он же. Смоленский поход и битва при Шепелевичах. М: Русские витязи, 2018; Он же. Война за возвращение Украины 1668-1669. М.: Русские витязи, 2021.

[60] См.: Пенской В.В. Военная революция в Европе XV-XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194-206. Он же. От лука к мушкету: Вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008. Он же. Великая огнестрельная революция. М., 2010.

[61] См.: Лобин А.Н. Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672-1681 годов // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12-14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 29-42; Он же. «Большой голландский наряд» во второй половине XVII века: опыт организации артиллерии по иностранному образцу // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13-17 сентября 2006 года. СПб., 2006. Ч. 3. С. 10-14.

[62] См.: Великанов В.С. К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Великой Северной войны. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции, 14-16 мая 2014 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 338-354; Он же. Российский гарнизон в Гадяче 1664-1668 гг. (эпизод становления российского военно-административного присутствия на Украине). // Славяноведение. № 4. 2018 г. С. 40-48.

[63] См.: Дмитриев А.В. Войска "нового строя" в Сибири во второй половине XVII века Новосибирск, 2008.

О.В. Скобелкина, хотя и ограничены периодом 1500-1620 гг., содержат ценные сведения о персональном составе служилых иноземцев, что позволяет выявить происхождение значительного числа полковников более позднего времени.

Что касается зарубежной историографии, то она обращается к военной истории России, рассматривая её в контексте общеевропейских процессов, но обычно она использует российскую историографию (зачастую устаревшую) или массивы опубликованных источников и в целом, несмотря на ряд интересных наблюдений[65], в области исследования офицерского корпуса полков «иноземного строя» привносит мало нового, зачастую ограничиваясь констатированием помощи иноземных офицеров в формировании таковых[66]. Так, Б. Дэвис указывает численность офицерского корпуса полков «иноземного строя», ссылаясь на «Войско» П. Епифанова[67], причём на данные ошибочные. Впрочем, там же автор замечает стремление правительства насытить полки офицерами для более качественного управления и обучения солдат – что весьма интересно, особенно в свете финансовых проблем Русского царства.

Феномен шотландского наемничества XVI-XVII вв. давно стал объектом интереса английской и шотландской историографии. Ярким примером тому является коллективная монография «The Scottish soldier abroad, 1247-1967»[68], в которой две главы посвящены шотландцам в России. В основном, однако, монография мало касается периода 1645-1689 гг.,

---

[64] См.: Скобелкин О.В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. № 4-1. С. 212-216; Он же. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Дис. … док. ист. наук. Воронеж, 2015

[65] См., напр., Dunning C. Were Muscovy and Castile the first fiscal-military states? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191-197.

[66] См., напр.: Agoston G. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500-1800 // Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 2. P. 283-284, 300-301.

[67] Davies B. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500-1700 Lnd & NY, 2007. P. 135.

[68] Simpson Grant G. (ed.). The Scottish soldier abroad, 1247-1967. Edinburgh & Maryland, USA, 1992.

ограничиваясь краткой биографией полковника Вилима Брюса и его сыновей. При этом приводятся ошибочные сведения о присвоении В. Брюсу чина генерал-майора в 1676 г.[69], что противоречит русским источникам – в 1677 г. В. Брюс оставался полковником[70].

Среди иностранных исследований следует выделить англоязычную электронную базу данных The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE)[71], основанную University of St. Andrew, в которой собраны сведения о выходцах из Англии и Шотландии, служивших в том числе в России. База ценна тем, что позволяет проследить службы офицеров до приезда в Россию. В целом, впрочем подробности службы этих людей в России, как правило, остаются малоизученными, что несколько снижает их ценность для настоящего исследования.

Можно констатировать, что современная историография совершила прорыв в изучении отечественного военного дела XVII в., вместе с тем многие вопросы остаются недостаточно изученными, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

Объектом настоящего исследования являются командиры полков «иноземного строя». Выражения «полки «иноземного» или «нового» строя» являются историографическими терминами, не характерными для XVII в. В изучаемый период эти части не имели обобщающего названия, фигурируя в документах как «полк рейтарского (солдатского, драгунского, копейного, гусарского) строя».

Командиры полков в массе своей носили чин полковника. Начиная с середины XVII в., некоторые полки возглавлялись генералами. Известны также случаи, когда полки возглавляли более младшие офицеры (подполковники, майоры), но они не являются характерными, и эти

---

[69] Simpson, Grant G. (ed). The Scottish soldier abroad…, P. 56.

[70] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. Л. 127 об.

[71] The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE): [Электронный ресурс]. URL: https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/. Дата обращения: 12.08.2020.

командиры не учтены как «полноценные», хотя их изучение имеет определенную ценность. Допетровскому же генералитету посвящено подробное и актуальное исследование А. А. Рогожина[72].

Предметом исследования является личный состав полковников «иноземного строя», их деятельность на русской службе и социокультурный облик. **Хронологические рамки** исследования ограничены 1645-1689 гг.. Нижняя временная граница обусловлена восшествием на престол царя Алексея Михайловича и последовавшей вскоре активизацией военных реформ. Верхняя временная граница обусловлена приходом к власти Петра I, что оказало значительное влияние на состав офицерского корпуса и его положение в России.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию, входившую в состав Русского государства во второй половине XVII в., присоединенные и подконтрольные ему территории.

Целью настоящей работы является изучение состава командиров полков «иноземного строя», его роли и места в Русском государстве и социального и культурного положения. Для выполнения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- Выявление персонального состава полковников «иноземного строя», их службы и продвижения в чинах;
- Анализ происхождения и сроков службы полковников;
- Изучение процессов их служебной деятельности – поступления на службу, выполняемых задач как в полках, так и вне полков «иноземного строя».
- Выявление положения полковников в русской служилой иерархии и отношения к ним государства, высшей знати и сослуживцев;
- Изучение особенностей мировоззрения и нравов полковников.

[72] Рогожин А.А. Генералитет полков «Нового строя» в россии второй половины XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2014.

Имена полковников достаточно часто встречаются в русских документах – не только в полковых росписях и «книгах раздач жалованья», но и при упоминании полков в отписках воевод, росписях «посольских стоек» и различных сметах вооруженных сил, поэтому сведений о них сохранилось относительно много, даже несмотря на утрату большей части материалов Иноземского приказа, в котором ведались полки «иноземного строя». **Исторические источники**, на которых основывается настоящее исследование, можно разделить на три группы.

Первой такой группой являются законодательные акты Русского государства. Они позволяют выявить правовое поле, в котором существовало иноземное офицерство – порядок найма, требования к службе, условия выдачи «корма» и выплат, а также место полковников в служилой иерархии. Массивы законодательных актов были опубликованы в XIX в.[73].

Среди законодательных актов особую важность имеет «Соборное деяние» об отмене местничества[74], не только значительно меняющее русское общество, но и позволяющее делать выводы о расстановке политических сил в русском государстве и как следствие – о роли полковников «иноземного строя».

Также следует выделить «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»[75] – перевод известного учебника И.Я. фон Вальгаузена. Хотя фактически неизвестно о его широком применении, он позволяет, по крайней мере, соотнести западноевропейскую теорию и русскую практику.

Второй и наиболее обширной группой источников являются делопроизводственные материалы Русского государства. В неё входят царские грамоты, полковые росписи, акты о выдаче жалованья, дела о

---

[73] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). – в 5 томах. М., 1813-1826; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. (далее – ПСЗРИ). – в 50 томах. М., 1830.

[74] СГГД. Т. IV. М., 1828. № 130. С. 396-410.

[75] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904

выездах иноземцев в Россию, боярские книги и списки, донесения воевод и ряд других документов, как хранящихся в архивах, так и опубликованных.

Для настоящей работы были задействованы материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), хранящиеся в фондах № 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), № 210 (Разрядный приказ), № 233 (Печатный приказ).

В фонде Разрядного приказа были задействованы в первую очередь книги раздачи жалованья и полковые смотренные списки, наиболее важные для формирования списка полковников и их жалования и служебных карьер. Среди материалов было обнаружено несколько офицерских патентов, дающих информацию о службе иноземцев за границей. Помимо этого, важное значение для настоящей работы имеют челобитные офицеров о повышении в чине, назначении жалования, различных вопросах полкового управления, и связанные с ними выписки.

В указанном фонде также были исследованы боярские книги, содержащие информацию о службе, придворных чинах, поместном и денежном окладе русских полковников. Боярские книги дают возможность проследить карьеры некоторых русских полковников после службы в полках «иноземного строя».

В фонде Печатного приказа содержатся многочисленные сведения о назначении офицеров на посты и производстве в чины. В фонде № 150 содержатся сведения о въезде и выезде иноземцев в Россию, их «расспросные речи», а также об отпуске их за рубеж, что позволяет уточнить время начала и конца их службы, опыт службы за рубежом и чин, с которого они начинали службу. Также некоторые дела содержат сведения о принятии иноземцами православия и о поручениях, исполняемых ими в других странах.

Значительная часть материалов Разрядного приказа была опубликована в XIX в. как в крупных, но довольно слабо систематизированных сборниках, таких, как «Акты Московского государства», «Акты исторические…», «Дополнения к актам историческим»,

«Русская историческая библиотека»[76], так и по отдельности. Множество примечательных документов публикуется и в настоящее время.

Особенный интерес представляют «сметы воинских сил» 1661-1663 гг., «Роспись перечневая» 1681 г. и роспись полков, участвовавших в Крымском походе 1689 г.[77], позволяющие представить численность русской армии и поименный состав командиров полков «иноземного строя» на конкретный момент, а также, в первом случае, денежное жалованье офицеров.

Ещё одним важным источником стали послужные списки некоторых офицеров, опубликованные в конце XVIII в.[78]. Целостные аутентичные биографии полковников XVII в. достаточно редки, сведения о большинстве из них требовали восстановления по разрозненным документам. Указанные же послужные списки характеризуют время службы полковников, производство в чинах и участие в боевых действиях.

Важное значение имеют также т.н. «Дворцовые разряды»[79]. Они позволяют как определить назначения и службы полковников в конкретный момент, так и путём анализа дворцовых церемоний уточнить их место в

---

[76] Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ). В 3 т. / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Тип-ия Императорской Академии Наук, 1890-1901; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией (далее – АИ). В 5 т. СПб., 1841-1842; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (далее – ДАИ). В 12 т. СПб., 1846-1872; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). В 39 т. СПб., 1872-1927; Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды). В 5 томах. СПб., 1850-1855.

[77] См.: Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1911. Кн. 3. С. 4-53; Роспись перечневая ратным людем, которые во 189-м году росписаны в полки по розрядам // Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива, с присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов / Приложения. М., 1842. С.71-92; Ведомость войскам, бывшим в Крымском походе 1689 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858 / Приложения. № XI. С. 385-389.

[78] Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строю, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинен в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Ч. 1. Кострома, 1793-1794 гг.

[79] Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды). В 5 томах. СПб., 1850-1855.

служилой иерархии Русского государства. Полковники исправно упоминаются в «Разрядах» уже в 1646 г.

Интерес для исследования также представляют «Дневальные записи Приказа Тайных дел»[80]. Оные записи ежедневно фиксируют деятельность царя Алексея Михайловича, а также данные о погоде и о карауле Кремля. К сожалению, записи за ряд годов не сохранились. «Дневальные записи» содержат сведения о царских смотрах некоторым полкам, описания придворных церемоний и ряд иных. В «Записях» приводится также несколько интересных фактов о воинском обучении солдат и стрельцов.

Среди приказных документов можно выделить отдельную подгруппу – «сказки» и «расспросные речи» офицеров, в массе своей иноземных, которые в определенной степени являются и источниками личного происхождения. Очевидно, что в своих «сказках» офицеры могли ошибаться или целенаправленно сообщать недостоверные сведения, что не могло быть проконтролировано властью. Так, в 1677 г. Рофайло Корсак сообщил, что получил чин полковника в 1649/50 г. «за выезд»[81], хотя из документов того времени известно, что Корсак выехал в Россию в чине ротмистра, а чин полковника получил только в 1653 г.[82].

Наконец, третью группу источников составляют источники личного происхождения. К ним следует отнести в первую очередь письма, сочинения и записки иноземцев С. Коллинза, А. Мейерберга, Ф. де ла Невилля, Я. Рейтенфельса, И. де Родеса, Я. Стрейса, Д. Бутлера[83] и ряда других. Из

---

[80] Белокуров С.А. Дневальные записи приказа Тайных дел 7165-7183 гг. М.: Тип-ия Штаба Московского военного округа, 1908. 346 с.

[81] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. Л. 124 об.

[82] Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в 1654 г.: особенности формирования русского офицерского корпуса // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 40 - 51. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36230 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36230

[83] Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М. 1846; Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею

названных авторов наибольшее внимание русскому войску уделял имперский посол А. Мейерберг, подробно расписавший царское жалованье и обстоятельства его выплаты, ряд условий службы офицеров и отметив низкую компетентность иноземных полковников. Сведения и оценки Мейерберга, будучи более доступными и понятными историкам XIX в., чем русские делопроизводственные материалы XVII в., уже более ста лет переходят из сочинения в сочинение, не всегда будучи воспринимаемы критически.

Следует, однако, отметить, что в некоторых случаях сведения, сообщаемые иностранцами, значительно расходятся с документальными материалами, причём не в субъективных оценках, а в конкретных фактах. Примером этому может служить сочинение Л. Фабрициуса, в котором он «произвёл» своего отчима Пауля Рудольфа Бема в полковники[84]. В известных документах, однако, оный отчим (названный как Павел Рудольф) именуется капитаном солдатского полка генерала Н. Баумана (на 1663 г.) или гранатного дела мастером (1670 г.)[85]. Д. Бутлер и Я. Стрейс, капитан и парусный мастер корабля «Орел», называют П. Рудольфа не полковником, а капитаном и фейервекером[86], каковой чин более уместен для назначения на данную службу. Путаницу в исследования вносит присутствие в том же полку полковника Самойло Беина, брата Пауля Рудольфа[87].

Важнейшим для данной работы источником личного происхождения является дневник Патрика Гордона[88], который шотландец исправно вёл на

Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М. 1874; Стрейс Ян. Три путешествия. М., 1935. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М. Фонд Сергея Дубова. 1997; де ла Невилль. Записки о Московии. М., 1996; Роде А. Описание второго посольства в Россию датского Посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М. Международные отношения. 1991.

[84] Фабрициус Л. Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т1. Л.: Наука. 1968. С. 46.

[85] РИБ. Т. 23. С. 407; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Том III. С января 1671. М.: Изд. Академии наук СССР, 1962. С. 355.

[86] Стрейс Ян. Три путешествия. М., 1935. С. 207, 353.

[87] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 34. Л. 1.

[88] Гордон П. Дневник: В 5 т. – Ред. М. Р. Рыженков, М., «Наука», 2000-2014.

протяжении всей жизни. Дневник не только позволяет практически подённо изучить жизнь, аспекты службы и мировоззрение полковника, а затем и генерала, с его собственной точки зрения, но также содержит массу сведений как о мире иноземцев и их взаимоотношениях, так и о конкретных лицах, их происхождении, службе и служебных отличиях, родственных связях и прочих сторонах жизни. Важной особенностью дневника является то, что автор, более тридцати лет прослуживший в России, лучше понимал русскую жизнь, нежели путешественники и дипломаты, а также отсутствие какой-либо публицистичности. Как отмечал по этому поводу А. Брикнер, «Сочинения Петрея, Олеария, Мейерберга, Коллинса, Витсена, Невилля, Пери, Вебера, Страленберга, Фокеродта и пр., были литературными трудами, писанными для публики […]. Гордон, напротив того, писал только для себя и не думал о приведении в систематический порядок и издание в свет своих наблюдений»[89]. В последнее время дневник Гордона был переиздан в новом, академическом переводе с научными комментариями и сопровождающими материалами.

Некоторые общие с дневником П. Гордона черты имеют донесения шведских резидентов И. Родеса и К. Поммеренинга[90]. Эти документы, хотя и содержат личные взгляды и оценки их авторов, несут в первую очередь относительно беспристрастные факты, не разбавленные пересказами трудов Олеария и Герберштейна. Для настоящего исследования интерес представляют описание взаимоотношений между русскими воинами и иностранными офицерами, а также история Ж. де Грона, интересная в контексте принятия православия иноземцами.

Ещё одним важным источником является сочинение Г. Котошихина[91]. Сообщаемые им сведения о военном и государственном устройстве России

[89] Брикнер А.Г. Ук. соч. С. 140.
[90] Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 г.г. по донесениям Родеса. М., 1914; 1647 — 1650 гг. Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897.
[91] Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1884.

важны для выявления организации, задач и условий службы офицеров. Сочинение ценно, пожалуй, единственным в своём роде взглядом изнутри системы.

Методологическую основу исследования составляют основополагающие принципы историзма и исторического познания. При работе с источниковой базой использовался сравнительный и системно-структурный методы. В работе также использовались различные специальные исторические методы, в первую очередь хронологический и сравнительно-исторический.

Научная новизна диссертации состоит в первом анализе полковников русского офицерского корпуса как единого целого на основе широкого архивного материала и новейших исторических исследований. Были выявлены механизмы принятия полковников на службу, их функционирования в полках и особенности социального положения. В процессе исследования был сформирован поименный список полковников изучаемого периода и выявлены основные сведения служебных биографий большинства из них – происхождение, время и место службы, в том числе участие в военных действиях, и др. Это предоставляет базу для дальнейшего просопографического анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. В рассматриваемый период в России был создан офицерский корпус, характерный для современных ему армий регулярного типа.
2. Одной из основных задач полковников было обучение русских ратных людей, в том числе стрельцов и офицеров. Русские власти придавали обучению ратных людей важнейшее значение.
3. Иноземные офицеры в старших чинах, составлявшие значительную долю полковников, являлись в основном достаточно компетентными и лояльными Русскому государству.
4. Иноземные офицеры воспринимались русским правительством в первую очередь как носители передового военного опыта и активно использовались в военных преобразованиях и связанных с военным делом проектах.

5. Корпус полковников к концу изучаемого периода включал в себя значительную долю русских (около 25-30%), а также обрусевших иноземцев, что, на наш взгляд, позволяет говорить о его национальном характере.
6. Офицерский корпус стал новой в Русском государстве социальной стратой, существование которой и активное взаимодействие с традиционной служилой иерархией оказало значительное влияние не только на военное дело, но и на общественные институты России.
7. На протяжении XVII в. шло улучшение отношения русских (как властей, так и населения) к иноземцам, на что, на наш взгляд, значительное влияние оказала длительная совместная служба русских и иноземных офицеров.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что по его итогам были получены новые знания об офицерстве полков «иноземного строя» как целостной структуре и как конкретных его представителях. Кроме того, удалось обосновать и расширить знания о военном деле Русского государства во второй половине XVII в.

Практическая значимость диссертации выражается в том, что материалы данного диссертационного исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по общей и военной истории России XVII в., а также написании научных работ на соответствующие темы. Выявленные биографические сведения также могут представлять интерес для генеалогических и просопографических исследований.

Достоверность выводов исследования обеспечена репрезентативной источниковой базой, привлечением большого количества как опубликованных, так и архивных материалов, общенаучными методами исследования, междисциплинарным подходом, а также тщательной верификацией фактологического материала. Апробация исследования. Основные положения настоящего исследования были изложены в 6 научных статьях, в том числе в 4 ведущих научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Структурно настоящая работа состоит из введения, трёх глав, разбитых на параграфы, заключения, двух приложений и списка источников и литературы.

Автор выражает благодарность к.и.н. О.А. Курбатову, к.и.н. И.Б. Бабулину, к.и.н. В.С. Великанову, А.В. Чалмаеву.

Глава 1. Формирование офицерского корпуса Русского государства

И над теми надо всеми устроены начальные люди: генералы, и полковники, и подполковники, и мойоры, и всякие начальные люди по чинам

И.И. Чемоданов, русский посол в Венеции, 1656 г.

1.1. Развитие русского военного дела в XVII веке

Находясь в сложных политических и географических условиях между западноевропейскими странами и кочевниками Великой степи, Русское государство XV-XVII в. было подвержено влиянию как востока, так и запада. Наложение культурного влияния извне на русскую традицию порождало иногда довольно оригинальные формы.

Основными военными силами русских князей были немногочисленные отряды дружинников, которые во многих аспектах были подобны западноевропейским рыцарям – в первую очередь комплексом наступательного вооружения. Однако борьба с осколками Золотой орды и потребность противостоять постоянным татарским набегам вызвала в середине XV в. ориентализацию русского войска, включавшую кардинальную смену принципов комплектования, организации, комплекса наступательного и защитного вооружения, и как следствие – тактики и стратегии.

Поместное войско времён Ивана Грозного выступало в поход единой служилой корпорацией – «городом» и разделялось на сотни воеводами уже в походе. Из лучших дворян формировались отборные сотни – «подъезжая», «выборная», «ертоул»[92]. Командиром каждой сотни являлся сотенный голова,

[92] Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы XVII века // Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 251-252; Он же. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы XVII века

как правило – выходец из нижних московских чинов. Других чинов в сотне не имелось. Сотни не являлись постоянными формированиями, распускались каждую осень и формировались заново уже следующей весной. Должность сотенного головы была временной, говорить о какой-либо системе прохождения службы здесь не приходится.

Похожим образом были устроены части из казаков. Отличительной особенностью казачьих отрядов была высокая доля выборности командиров. Присягнувшее России в 1653 г. Войско Запорожское также имело собственное устройство и собственных полковников.

Особым элементом русского войска, появившимся в ходе Тринадцатилетней войны, были части из польской и западнорусской «присяжной» шляхты, имевшие собственную структуру, командный состав и даже собственных генералов – например, в 1687 г. на царской службе находился генерал-майор В. Швыйковский[93]. В целом, служба присяжной шляхты остаётся малоизученной.

Более твёрдую структуру имели стрелецкие приказы. Распространение в конце XV в. В России ручного огнестрельного оружия привело к появлению на рубеже веков отрядов пищальников. Технические характеристики массового огнестрельного оружия оставались довольно низкими даже в XVIII в., что требовало компенсации на тактическом уровне – уровне отряда. В 1550 г. из пищальников были сформированы шесть приказов стрельцов, ставших первыми постоянными частями русского войска. Опыт оказался удачным, и в течение XVI-XVII вв. численность стрельцов регулярно росла[94].

// Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 275.

[93] Курбатов О.А. Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654-67гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 152-156

[94] Пенской В.В. От лука к мушкету: Вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития Белгород, 2008. С. 229.

Новые воинские части получили и постоянный командный состав. Приказ насчитывал около 500 человек и делился на пять сотен. Приказом командовал голова, в подчинении у него находились полуголова и пять сотников. На уровне сотни выделялись также пятидесятник и десятники. Головы и сотники назначались из дворян, тогда как пятидесятники и десятники – из рядовых стрельцов[95].

Новые войска позволили Ивану Грозному одержать ряд крупных побед над татарскими ханствами (Казань 1552 г., Молоди 1572 г.) и присоединить обширные территории, добиться успехов в начале Ливонской войны. Однако истощение от длительных войн и столкновение с реформированной польской армией Стефана Батория привели к неудаче. Особенно явно необходимость дальнейших военных реформ продемонстрировало столкновение с польско-литовскими и шведскими войсками в ходе Смутного времени. Осознание этой необходимости привело к нескольким этапам реформирования русской армии и созданию полков «иноземного строя».

Отряды из служилых «немцев» состояли на службе Русского государства как минимум с середины XVI в. Вооруженные на привычный западноевропейский манер, они воевали в рейтарском строю. Несмотря на их немногочисленность, роты «немцев» весьма эффективно использовались русскими воеводами. Противостоявшие им татары, по всей видимости, испытывали культурный шок при виде стройных рядов закованных в воронёные латы всадников, ведущих огневой бой.

Роты иноземцев имели собственную организацию, никак не соотносившуюся с организацией поместной конницы, и не влияли на устройство русских войск. Русские же воеводы не пытались перенять у «немцев» тактику и организацию, ограничиваясь использованием наличных сил. В XVI в. этого было достаточно.

Всё изменилось в начале XVII в. Смутное время сильно ударило по военной организации Русского государства. Многие помещики разорились,

---

[95] Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 89-90.

боевой дух других был низок, боеспособность поместного войска упала. Правительство Бориса Годунова, а затем Василия Шуйского не имело собственных сил, чтобы справится с польско-литовскими отрядами и мятежниками. Шуйский попытался выйти из положения, обратившись за помощью к Швеции. В обмен на уступку Корелы с уездом Швеция предоставила России крупные воинские силы под командованием Я. Делагарди. В апреле 1609 г. русские войска под командованием талантливого полководца М. В. Скопина-Шуйского соединились со шведами под Новгородом и выступили в поход на Москву.

Корпус Делагарди состоял как из шведов, так и из наёмников, собранных с доброй половины Европы: «немецких людей... из Выбора, Свейския земли, и шкотцких, и дацких, и фрянцовских, и аглинских, и голанских, и борабанских и иных земель… француз и шкотцких немец»[96]. В массе своей это были ветераны испано-голландской войны, вооруженные и обученные по нидерландской военной системе. В первых же столкновениях с войсками Сапеги и Лисовского «немцы» проявили свои силы и слабости. Поляки, обладавшие лучшей конницей в Европе, легко опрокидывали как русскую, так и «немецкую» конницу. Однако вымуштрованная немецкая пехота, вооруженная длинными пиками, успешно выдерживала все атаки и давала разбитой коннице возможность собраться и контратаковать.

Успешные действия пикинеров привлекли внимание Скопина-Шуйского. В лагере под Калязиным воевода начал обучение русских ратников на голландский манер. Обученные таким образом части, опиравшиеся на дерево-земляные городки, показали высокую боеспособность против «воров» и польско-литовских войск, постоянно испытывающих недостаток в качественной пехоте и артиллерии. В ходе дальнейшей кампании Тушинский лагерь развалился, и в марте 1610 г. Скопин-Шуйский и Делагарди вступили в деблокированную Москву.

---

[96] Курбатов О.А. Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского // Журнал “Цейгхауз” № 19 (3/2002). С. 6.

Однако в дальнейшем последовали смерть Скопина-Шуйского и Клушинская катастрофа, в которой обученные на западноевропейский манер части были разбиты. Тем не менее, успешное применение иноземной тактики не было забыто – в 1620 гг. на русской службе состояло несколько рот иноземцев.

Тем временем назревала новая война с Польшей. Стратегическая обстановка была достаточно удачной – в Европе бушевала Тридцатилетняя война, и польское государство не могло рассчитывать на помощь извне. К войне Россию подталкивал и шведский король Густав II Адольф. Он направил в Москву генерала А. Лесли, впоследствии оказавшего значительное влияние на русскую историю.

Россия ещё раньше начала подготовку к войне. В конце 1620 гг. был произведен разбор ратных людей. Выяснилось, что наличными силами одержать победу будет невозможно. В данной ситуации русское правительство обратилось к опыту Смутного времени. В 1630 г. была предпринята попытка сформировать два двухтысячных пехотных полка из обедневших дворян, однако в них записалось всего 60 человек.

Следующим шагом правительства стала попытка найма пехоты за границей. С этой целью в протестантские страны был направлен «старшой полковник» А. Лесли, получивший приказ набрать «сколько пригоже» войск. Однако в разгар Тридцатилетней войны спрос на солдат и офицеров был высок, и желающих ехать в далёкую Московию нашлось немного – Лесли удалось навербовать менее 4 т.ч., из которых сформировали 4 пехотных полка. Офицеров пришлось привлекать сверхвысоким жалованием – в месяц полковник получал 250-400 рублей, а капитан – 75-100[97].

В итоге было принято решение формировать солдатские полки из гулящих людей, казаков, татар и т.д. Таким образом было сформировано 8 русских полков. Старшими офицерами в них были назначены иноземцы.

---

[97] Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. СПб., 1899. С. 36.

Помимо солдатских полков, французский офицер Шарль д'Эберт предложил сформировать рейтарский полк. Это вызвало у дворян значительный интерес – дворяне считали конную службу более соответствующей статусу. Вскоре дело дошло и до драгунского полка и даже до гусарской шквадроны, состоявшей из уроженцев Литвы.

Командный состав новых полков был аналогичен принятому в западноевропейских странах. Полк возглавляли полковник, подполковник и майор, в каждой роте имелось 20 «начальных людей». Весь старший командный состав как «немецких», так и русских полков составлял из иноземцев. Отличия между русскими и «немецкими» полками состояли в полномочиях «начальных людей». В «немецких» полках полковники, как и в западноевропейских странах, обладали всей полнотой власти, от выдачи жалования до суда над солдатами. Вообще, одним из условий найма «немцев» стала их неподсудность русским властям в лучших традициях ландскнехтов – «немецким людям за их воровство… чинити всякое наказание по своему праву, как к какой вине их право принадлежит»[98]. Существует мнение, что отказ от суда над иноземцами отрицательно сказался на лояльности последних.

В русских же полках полковники оставались боевыми командирами, но административные вопросы решали дьяки, что в значительной мере сокращало злоупотребления. Эта практика впоследствии перешла и в полки, сформированные при Алексее Михайловиче, что сильно поражало иноземцев.

В 1632 г. русская армия, включавшая войска как «старой», так и «новой модели», осадила Смоленск. Полки «нового строя» успешно противостояли польской армии, однако из-за ряда ошибок и общей пассивности Шеина осада завершилась неудачей.

---

[98] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 54.

Армия «новой модели» обходилась казне в огромные суммы. На содержание только одного полка уходило от 3 до 5,5 тысяч рублей в месяц[99]. Вскоре после заключения Поляновского мира армия была распущена, а большинство офицеров уехало в Европу.

Таким образом, в 1630-х полки «иноземного строя» и их командиры в силу своей немногочисленности и недолгого времени существования не составили ни системы, ни какого-либо социального явления.

Наиболее важным в социальном отношении стало то, что впервые русские ратные люди массово оказались под командованием иноземцев. Пусть это были представители низших сословий и наиболее бедные дворяне, но этот прецедент, давший на техническом уровне успешный результат, не мог не повлиять на дальнейшее реформирование армии.

Потребность в собственном офицерском корпусе была осознана уже в конце войны. В 1634 г. стряпчий И.А. Бутурлин подал «скаску», в которой, раскритиковав действия М.Б. Шеина и других воевод, отметил: «Да все ратныя люди и всякия сетуют о том, что исходит немцам казны много и начальных людей много не к делу». Далее Бутурлин предлагал «отставить из [не]мецкова ученья у всякой роты по пяти человек начальных людей, два человека подзнамешиков, трех человек копранов (капралов), а у 12 рот убудет тех начальных людей 60 ч[еловек]», а также «взять из городов молодых воевод […] и всяких приказных людей, которыя избывают от службы, и мошна теми людьми устроить райтарской полк без жалованья, опричь начальных людей 48 ч[еловек]. А прибавить к тому старых человек со ста райтар для ученья тем новым ненавычным людем»[100]. Интересно, что, несмотря на наложенную царём резолюцию «он Иван не в целом уме», некоторые предложения Бутурлина были реализованы в следующее царствование.

---

[99] Пенской В.В. От лука к мушкету…, С. 141.

[100] «Что в государстве делаетца дурно... »: «Государево дело» стряпчего И. А. Бутурлина. 1634 г. / Публ. подгот. Т. А. Лаптева // Исторический архив. 1993. № 4. С. 178-186.

Вербовка наемников также выявила следующую закономерность. «Немецкие» рядовые солдаты отличились высоким уровнем дезертирства, тогда как наёмные офицеры, напротив, в массе своей сохранили верность присяге (чему наверняка способствовало крайне высокое жалование). «Лесли более удался наем начальных людей, чем рядовых» - характеризовал эту ситуацию Е. Сташевский[101]. Это явление явно было замечено и оценено русским правительством, и в дальнейшем найм рядовых солдат практически прекратился. «Наемных солдат держать… большого убытка», - высказался позднее Алексей Михайлович[102]

После Смоленской войны основные усилия русского правительства сосредоточились на юге России. Постоянные татарские набеги требовали укрепления границ. С 1637 г., после взятия Азова донскими казаками, резко осложнились отношения с Османской империей.

В этих условиях правительство прибегло к новейшему опыту военной организации. С 1636 г. в южных уездах формируются кормовые солдатские и драгунские полки, для чего был создан Приказ сбора ратных людей. Предпочтение отдавалось ветеранам Смоленской войны, что нашло отражение в положенном воинам жаловании[103].

В этих полках прошло службу множество русских солдат и урядников, ставших кадровым резервом для формирования новых полков в 1653 г.[104].

Пожалуй, последней попыткой русского правительства опереться на традиционную служилую организацию стал период Азовского сиденья. На созванный в 1642 г. по вопросу участи занятого казаками Азова Земский собор были выдвинуты предложения по мобилизации стрельцов, солдат, даточных и охочих людей, а также по сбору денежных средств. Однако

---

[101] Сташевский Е.Д. Смоленская война…, С. 105.

[102] Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества (далее – ЗОРСАРАО). Т. 2. СПб., 1861. С. 376.

[103] Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ). Т. 2. М., 1894. Т. II. С. 54.

[104] Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 29.

мобилизационные возможности Русского государства были признаны неудовлетворительными[105].

Новый этап развития вооруженных сил России начался со вступлением на престол Алексея Михайловича. В отличие от отца, молодой царь, по свидетельству современников, имел «дух воинственный»[106] и «в военном деле он сведущ и неустрашим» [107]. Алексей Михайлович проявлял большой интерес к военному делу, в частности, неплохо разбирался в тактике действия рейтар на поле боя. Уже в начале своего правления царь составил записку об обороне южных рубежей, в которой подчеркивал необходимость назначить в «украинные города» «учителей» и наладить обучение ратных людей, а из неспособных к самостоятельной конной службе сформировать драгунские полки[108].

Среди документов Алексея Михайловича фигурировали лично составленная роспись рейтарского полка[109], «чертеж как стояли полки», «чертеж как поставить полки к бою против неприятеля по немецки», несколько чертежей пушкам, бомбам и гранатам[110]. Похоже, у царя были и инженерные способности – как сообщает А. Роде, «Полковник показал нам тоже чертеж пушки, которую изобрел сам великий князь [т.е., Алексей Михайлович. – В. К.]» [111].

---

[105] Малов А.В. Земский собор 1642 года и записка Алексея Михайловича о ратном деле в контексте военного строительства в России в 40-х годах XVII века // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество "Ратник"». Белгород, 2020. С. 202, 206-210.

[106] Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М. 1846. С. 13.

[107] Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 288.

[108] ЗОРСАРАО. Т. 2. С. 374-376.

[109] Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 78-79

[110] ЗОРСАРАО. Т. 2. С. 27-28.

[111] Роде А. Описание второго посольства в Россию датского Посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М. Международные отношения. 1991. С. 301.

В сложных политических условиях середины XVII века воинственный дух молодого царя был весьма актуален. Перед Россией, оправившейся от «литовского разорения», стояло множество задач. Под властью Польши оставались не только западнорусские и украинские земли, но и великорусский Смоленск. Православное население этих земель подвергалось гонениям польской шляхты.

В борьбе против Польши естественными союзниками России могли стать Польша и Турция, однако с этими странами у России были свои противоречия. Швеция, вышедшая победительницей из Тридцатилетней войны, стремилась сохранить положение балтийского гегемона. Она продолжала удерживать Прибалтику и устья крупных рек, впадавших в Балтийское море, по которым в западную Европу вывозилось зерно. В ходе Тридцатилетней войны Россия и Швеция выступили союзниками, однако противоречия между странами никуда не делись. Шведским владычеством на Балтике были недовольны и Польша, и Дания. Однако союз с Польшей откладывал возвращение Украины и Белоруссии на неопределенный срок.

Южные границы России продолжали регулярно разорять крымские татары, за которыми стояла Османская империя. Русское же дворянство с большим интересом присматривалось к обширным незаселённым землям Дикого поля. Кроме того, на Кавказе имело место столкновение с Персией, а в Сибири начались стычки с Китаем, служилые люди отправлялись и на восточный фронтир.

Для разрешения всех этих противоречий России требовалась качественно новая армия.

После 1646 г. вместо старых отрядов кормовых солдат и драгун на Белгородской черте были сформированы крупные отряды поселенных драгун[112]. Опыт был признан удачным, и к концу 1640 гг. он был распространён на шведскую границу.

---

[112] См.: Курбатов О.А. Драгунский строй…, С. 31-32.

Тем временем в Европе завершились Тридцатилетняя и Восьмидесятилетняя войны. Большие армии воюющих сторон были демобилизованы, и масса солдат и офицеров осталась без работы и без жалования. В Англии окончилась гражданская война, многие видные роялисты, вплоть до генералов, были вынуждены эмигрировать. Многие офицеры выехали в Россию – если в 1643 г. в Иноземском приказе числилось 685 иноземцев, то в 1651 г. – уже 2707[113]. Иноземцы сыграли значительную роль в реформировании русской армии.

Итогом осмысления опыта Смуты и Смоленской войны стал отказ от полностью наёмных контингентов, обходившихся казне слишком дорого. Россия стала первой из европейских стран, прекратившей эту практику. Использование наемников ограничилось привлечением офицеров.

Начиная с 1653 г., правительство приступает к массовому формированию полков рейтарского, солдатского, гусарского и драгунского строя. Дворянская конница постепенно переводится в рейтарский строй, поскольку выяснилось, что «рейтары на боях крепче сотенных людей». В 1654-1658 гг. реформированная армия одержала ряд побед над поляками и шведами, русские войска заняли практически всю Литву. Однако в 1659-1660 гг. из-за несколько недальновидной стратегии, измены гетмана И. Выговского и активного вмешательства крымских татар последовало несколько поражений, самым тяжелым из которых была Чудновская катастрофа.

Для продолжения войны правительству пришлось прибегнуть к массовым наборам даточных людей и денежной реформе, что не замедлило сказаться на боеспособности армии, а также привело к многочисленным восстаниям. Затягивание войны надорвало финансы России, и правительству пришлось изыскивать способы экономии. После окончания войны часть армии была распущена, а часть – переведена на поселенное положение.

[113] Пенской В.В. От лука к мушкету…, С. 195.

Жалованье начальным людям, составлявшее значительную часть военных расходов, было значительно урезано.

В дальнейшем армия «новой модели» получила новое развитие. Уже в ходе войны 1654-1667 гг. исчезло деление войск на титульные полки. Вместо этого было сформировано несколько разрядных полков, включавших в себя части как «старого», так и «нового» строя. Опыт оказался удачным, и в 1680 г. была проведена военно-окружная реформа, разделившая все войска на девять территориальных разрядов. Полки были прикреплены к местностям и комплектовались в основном за счёт местных уроженцев.

Существование армии «новой модели» не могло не затронуть и войска старой службы. Стрелецкие приказы, имея более качественный, чем солдаты, личный состав, оказались при этом достаточно восприимчивыми к нововведениям. В XVII веке сложилась практика назначения служилых иноземцев для обучения стрельцов и их командиров[114]. Теперь же приказы были слиты в тысячные полки, а начальному составу быть «из голов в стольники и полковники, из полуголов в полуполковники, из сотников в капитанах».

Реформы затронули даже такую консервативную организация, как поместная конница. В 1681 г. сотни поместной конницы были переформированы в роты по 60 человек, а сотенные головы стали ротмистрами. Служить в поместном войске теперь могли только дворяне, имевшие не менее 24 дворов. В итоге численность поместной конницы сократилась до 16 тыс. дворян при 11 тыс. послужильцев, что составляло 17% от общей численности русских вооруженных сил без учёта гетманского войска[115].

---

[114] Белокуров С.А. Дневальные записи приказа Тайных дел 7165-7183 гг. М., 1908. С. 119; Гордон П. Дневник 1659-1667. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2003. С. 111; Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ). Т. 2. М., 1894. № 157. С. 101.

[115] Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 189.

Таким образом, можно говорить о формировании в России регулярной армии. Вместе с тем, к концу XVII века процесс был далёк от завершения.

1.2. Формирование командного состава полков «иноземного строя»

1.2.1. Источники комплектования командного состава

Вторая половина XVI века в западноевропейском военном искусстве стала временем коренных изменений в военном деле – ряд западных исследователей характеризует этот период как время «военной революции»[116]. Вместо тяжелой рыцарской конницы и глубоких колонн пикинеров, использующих ударную тактику, основной силой стали мушкетеры и рейтары. Вследствие этого значительно возросли требования к солдатам и соответственно – к обучению и дисциплине.

Швейцарскому пикинеру эпохи Бургундских войн, как и его немецкому собрату времен Шмалькальденской войны, достаточно было освоить несколько несложных приёмов строевой подготовки и работы пикой, чтобы действовать с максимальной эффективностью. Действия баталии пикинеров на поле боя не отличались тактическим разнообразием. Иначе обстояло дело с мушкетерами. В условиях несовершенства мушкетов XVI-XVII в. эффективной могла быть только слаженная залповая стрельба. Соответственно, от мушкетеров требовалось быстрое и чёткое исполнение более сотни приемов заряжания и стрельбы из мушкетов, а на тактическом уровне – исполнение таких сложных маневров, как стрельба на контрмарше и взаимодействие с отрядами пикинеров[117]. Аналогичные требования

---

[116] См.: Пенской В.В. Военная революция в Европе XV-XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194-206.

[117] «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» приводит 21 приём работы с пикой и 143 приёмов стрельбы из мушкета.

выдвигались к рейтарам – караколирование требовало высокой выучки рядовых, офицеров и конского состава.

Добиться эффективности действий мушкетеров и рейтар было возможно исключительно за счет постоянной муштры, доводящей действия солдат до автоматизма, высокого уровня дисциплины и развитого управления отрядами на поле боя. Эти потребности привели к значительному росту роли офицеров всех уровней. Как отмечает отечественный исследователь В. Пенской, «командный состав армий Нового времени тем и отличался от средневекового капитана наемников, что он был не просто передовым и самым искусным бойцом, но прежде всего воспитателем и учителем. Прежде чем вести своих подчиненных в бой, он должен был подготовить их, обучить, внушить им уверенность в своих силах»[118].

Начиная с XVII в., в западной Европе появились офицерские школы, хотя на первых порах и немногочисленные и неспособные охватить всё офицерство[119]. Большинство офицеров постигало военную науку на практике.

При формировании командного состава русскому правительству приходилось учитывать, во-первых, постоянную нехватку денежных средств (особенно с учётом огромных расходов на жалованье иноземцам в 1630-х), и во-вторых, нежелание русских, в особенности дворян, формировавших кавалерию, служить под началом «некрещеных» иноземцев. Анализ офицерского корпуса полков «иноземного строя» показывает четыре основных группы, из которых происходили полковники[120]. Распределение основано на происхождении офицеров и опыте службы в западноевропейских странах.

Общее количество учтенных полковников составило 305 человек. Разделение на группы основано на происхождении полковника и на высоте чина, в котором он начал службу в русской армии. «Учение и хитрость

[118] Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 109.
[119] Там же. С. 109.
[120] Персональный список полковников полков «иноземного строя» см. в Приложении 1.

ратного строения пехотных людей» выделяет три «статьи» чинов – высокие, средние и низкие. К высоким относились чины, имевшие власть над всем полком – полковник, подполковник и майор (в терминологии «Учения…» – «полковой сторожеставец», но в приказных документах этот термин не использовался), а также ряд иных чинов, не прижившихся в русской армии. К средним чинам относились ротные командиры – капитан, поручик и прапорщик[121].

Старшие офицеры также командовали ротами. В некоторых полках усиленного состава могло быть по 2-3 подполковника и майора. В первой роте полка существовал чин капитан-поручика, который командовал ротой при отсутствии полковника. Чин стоял выше поручика, но ниже капитана.

Майор в полку отвечал за полковое имущество и выставление караулов[122]. Каким-либо соединением выше своей роты он, как правило, не командовал, поэтому чин был не очень престижным. Нередкими были ситуации, когда офицер производился из капитанов сразу в подполковники, минуя майорский чин.

Чин подполковника, напротив, был связан с командованием отдельных подразделений полка («шквадрон»), подполковнику зачастую приходилось «ведать» весь полк. Иногда подполковники возглавляли небольшой полк или самостоятельную шквадрону – в частности, с этого началась самостоятельная служба ряда русских полковников[123]. В связи с этим чин подполковника считался более престижным. Ситуации, когда в производстве чин подполковника пропускался, были довольно редкими.

Первая группа офицеров – это иноземцы высоких чинов, вплоть до генеральских. Это были опытные ветераны многочисленных западноевропейских войн, в основном Тридцатилетней и английской гражданской, обладатели солидного послужного списка. По приезде в

---

[121] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 179-180.
[122] Там же. С. 223.
[123] Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. С. 337-339.

Россию они начинали службу сразу со звания полковника или, как минимум, подполковника. Нередко назначению предшествовали затяжные споры с Иноземским приказом о «честном» чине. Так, Дэвид Грэм потребовал для себя сразу генеральский чин. После длительных споров, растянувшихся на весь 1682 г., Грэм всё же получил чин генерал-майора, правда, с полковничьим окладом[124]. Основной приток таких иноземцев случился в конце 1640-1650 гг.

Ко второй группе относились иноземцы в «средних» и «низших» чинах. Как правило, их опыта не хватало для командования полком, и они начинали службу в более низких чинах. В процессе службы в русской армии, зачастую весьма длительной, они росли в чинах и в конечном счете производились в полковники, а некоторые в дальнейшем – и в генералы. Впрочем, известны и довольно быстрые карьеры – как, например, Я. Тура и Ф. Лефорта.

К третьей группе относились русские, выслужившиеся в полках «иноземного строя» из «унтер-офицерских» чинов. Многие из них начинали службу рядовыми рейтарами в полку И. Фанбуковена. Начиная с 1660 гг., русские составляли значительную часть полковников «иноземного строя», основное большинство их служило в кавалерии. Доля русских полковников за 1645-1689 гг. составляла примерно 22%, однако с учётом того, что до 1660 г. полковниками являлись почти исключительно иноземцы[125], реальное присутствие русских среди полковников значительно выше в 1660-1680 гг., составляя около 30%[126]. К этой же группе отнесены совершенно обрусевшие потомки иноземцев.

К четвертой группе следует отнести иноземцев, начавших военную карьеру в России и никогда не служивших офицерами в иностранных армиях.

---

[124] Рогожин А.А. Генералитет полков «Нового строя» в россии второй половины XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2014. С. 52.

[125] К 1659 чин полковника носили всего 4-5 русских: В. Голохвастов (1650-1653), В. Змеев (с 1655), А. Шепелев (с 1656) и Я. Колюбакин (с 1657/58), возможно, В. Кречетников (до 1649-до 1658), причём служба всех их, кроме Змеева, была довольно специфичной.

[126] См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 85. Лл. 1-2, 58-62.

Как правило, к ним относятся иноземцы «старого выезду» (точное значение этого термина является предметом дискуссий современной историографии). Эти люди в той или иной степени успели обрусеть и принять русскую культуру. Хотя они в силу происхождения и жизни в специфичной культурной среде и могли быть носителями западноевропейской военной традиции, но сами они, в отличие от представителей первых двух групп, явились в первую очередь продуктом военных реформ в России. Всего было выявлено 53 полковника из старовыезжих иноземцев – около четверти от всех полковников, чьё происхождение было точно установлено (см. таблицу 2). Примечательно, что доля их, как и доля русских начальных людей, достаточно невелика в начале исследуемого периода – в 1654 г. таких насчитывалось всего двое или трое из 37 человек[127]. Но в 1663 таковых насчитывалось уже 14.

К небольшой дополнительной группе можно отнести русских начальных людей, служивших в каких-либо иных войсках и произведенных в полковники или подполковники войск «иноземного строя» без прохождения всей системы чинов. Эта группа насчитывает менее 10 человек.

Среди иноземцев «нового выезду» можно выделить несколько национальных групп (см. приложение 2). В первую очередь это выходцы из различных германских земель, от Прибалтики до Вестфалии. В основном они характеризовали себя как выходцы из «цесарской земли», также выделяются Бранденбург и Ливония. Точно установлено германское происхождение 34 человек, однако следует предполагать, что эта цифра занижена – количество явно немецких имён среди полковников весьма велико.

Второй крупной национальной группой стали англичане и шотландцы – в массе своей роялисты, покинувшие Англию после победы

---

[127] И.Ю. Ниротморцев, заменивший умершего ещё до начала войны Ю. Вена, А.С. Фамендин, возможно, В.В. Кречетников. См.: Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в 1654 г.: особенности формирования русского офицерского корпуса // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 40 - 51. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36230 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=362

«круглоголовых». Шотландцы, впрочем, с давних пор часто покидали родину и нанимались на службу во многие европейские армии. «Королевство шкоцкое немцы, купеческих людей мало, все воинские» – гласила одна из отечественных космографий. В России, особенно в 1650 гг., шотландцы были настолько влиятельны, что составляли едва ли не четверть высшего офицерства. Так, в 1654 г. из 28 командиров полков, о национальности которых имеются точные сведения, 11 были шотландцами. Всего из 214 полковников, чья национальность известна, шотландцев выявлено 40. Шотландцы преобладали и в генералитете 1650-1660 гг.– из 6 человек, носивших генеральские чины, 4 были шотландцами. Всего же из 21 генерала, состоявшего на русской службе в рассматриваемый период, выходцев из Шотландии насчитывалось семь. Значительное число англичан и шотландцев покинуло русскую службу с реставрацией Стюартов и окончанием русско-польской войны.

Небольшую группу офицеров составляли поляки и литовцы, как выехавшие на государево имя (как, например, Р. Корсак, выехавший в 1640-х), так и пленные, так и оказавшиеся подданными России после присоединения земель Речи Посполитой. С точки зрения правового положения они несколько отличались от «немцев». Обыкновенно шляхтичи предпочитали служить собственными формированиями, но некоторые поступали в полки «иноземного строя».

Среди представителей иных национальностей встречались также голландцы, французы и скандинавы, единично – ирландцы, итальянцы, швейцарцы и сербы. Полностью отсутствуют венгры и испанцы. Это в принципе отражает национальный состав «немцев», состоявших на русской службе. Иноземцы в массе своей были носителями протестантской военной школы, каковая, по мнению исследователей, отвечала русским условиям наилучшим образом.

Иноземцы «старого выезду» в массе своей были потомками служилых «немцев», оказавшихся в России после Смуты. Говорить о принадлежности

этих людей к конкретной западноевропейской национальности видится затруднительным.

1.2.2. Этапы формирования командного состава полков «иноземного строя»

Основной рост численности полков «иноземного строя» и, соответственно, их офицерского корпуса приходится на 1650 и начало 1660 гг. Если на 1651 г. в Иноземском приказе числилось 277 офицеров, из них 7 полковников, то на 1663 г. – 2352, причём в документах перестали учитываться подпрапорщики, появились генералы, а полковников насчитывалось 73[128].

В дальнейшем численность офицерского корпуса оставалась на этом уровне – роспись 1681 г. насчитывает 63 полковника и 7 генералов[129]. Роспись явно неполная – в частности, в ней отсутствует генерал П. Гордон. Спустя 15 лет, в 1696 г. в России насчитывалось 133 полковника (при реальной потребности в 85) и 7 генералов, общая численность офицерского корпуса (без генералов) составляла 2250 человек при потребности в 2805[130].

Первый этап формирования командного состава, который можно охарактеризовать как подготовительный, датируется 1645-1653 гг.. К середине 1640 гг. в России существует несколько полков поселенных солдат и драгун и возглавляющих их полковников, но говорить о них как о некой единой системе не приходится.

---

[128] Петрухинцев Н.Н. "Финансы войны" и офицерский корпус полков "нового строя" в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 271;

[129] Роспись перечневая ратным людем, которые во 189-м году росписаны в полки по розрядам // Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива, с присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов / Приложения. М., 1842. С.71-92

[130] Великанов В.С. К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Великой Северной войны. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции, 14-16 мая 2014 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 339.

По мере необходимости на южной границе формировались немногочисленные солдатские, рейтарские и драгунские полки. Нескольких находившихся в России полковников (на 1651 их насчитывалось 10[131]) было достаточно, чтобы реагировать на татарские набеги. Среди служивших в это время полковников в источниках упомянуты А. и Я. Краферты, М. Кормихель, М. Эткин, Х. Рыльский и А. Гамолтон, в 1647 г. к ним присоединился А. Лесли.

В 1638 г. был создан приказ Тульского драгунского строя, к 1651 организационно состоявший из четырёх рот, причём одной рейтарской. В 1644-1646 гг. Тульский драгунский строй возглавлял Василий Васильев сын Кречетников[132], позднее назначенный полковником (в этом чине он упоминается уже в 1649 г.[133]). Национальное происхождение его не вполне ясно. В историографии он назван иноземцем старого выезду[134], но в боярских книгах за 1629, 1636, 1640 и 1658 гг. он указан в чине дворянина московского[135]. В пользу русского происхождения говорит и донесение Поммеренинга, в котором он противопоставляется иностранным офицерам. Если эта гипотеза верна, Кречетникова следует считать первым русским полковником.

После Кречетникова тульскими драгунами командовали иноземцы в чине майора (в частности, упомянут Савва Долматов), но 28 августа 1649 г. командиром приказа впервые был назначен полковник. Им стал В.Я. Голохвастов[136], если не первый, то второй русский полковник. Чин

---

[131] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 325. Лл. 234, 235, 239, 241.
[132] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 3.
[133] 1647 —1650 гг. Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 457-458.
[134] Напр.: Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте…, С. 28.
[135] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-ом отделении московского архива министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния, в занимаемых должностях. М., Типогр: С. Селивановского. 1853 г. С. 212.
[136] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 52. Л. 574.

полковника ему был присвоен, видимо, для поднятия среди русских людей престижа драгунской службы. В 1653 г. его сменил Рофайло Корсак[137].

В Заонежье в 1649 г. были развернуты три поселенных солдатских полка. Двумя из них командовали нововыезжие шотландцы А. Краферт и М. Кармихель, третий из-за низкой численности возглавлялся подполковниками[138].

С подготовкой к грядущей войне с Польшей начинается массовая вербовка иноземных офицеров. В 1647 г. в Россию выехал майор Исаак фон Бокховен. Опытный офицер быстро завоевал авторитет у правительства, в особенности у И. Милославского. Спустя два года, после создания Рейтарского приказа, Бокховен и Милославский формирует из дворян двухтысячный рейтарский полк. По мысли правительства, рейтары должны были обучиться ратному строю с тем, чтобы в дальнейшем занять командные должности. Этот полк, по оценке А. Рогожина, становится первой русской военной школой. Рейтары обучались не только конному, но и пешему «строю», упражнялись с пиками и мушкетами – исключительно пехотным вооружением.

В отличие от рейтарского полка д'Эберта, сформированного в 1632 г., в полку Бокховена служили в основном «лучшие» дворяне, в том числе значительное число московских чинов. Такой состав должен был поднять престиж рейтарской службы. Элитное положение полка подчеркивалось его участием в различных «посольских стойках».

Дворяне, впрочем, не горели особым желанием служить в непривычной для себя службе (в особенности, видимо, работать пикой и мушкетом), носить незнакомый чин и подчиняться «некрещеному» иноземцу. Рейтары периодически подавали Алексею Михайловичу челобитные «не быть в

---

[137] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 54. Л. 568.

[138] Курбатов О.А. Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654-67 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2 — Москва: Квадрига, 2011, с. 502-510. С. 507-508.

рейтарах». Царь отреагировал на одно из таких прошений производством челобитчиков в стольники и указанием служить в рейтарах[139].

В 1653 г. полк прошёл смотр, лучших из рейтар (400-500 человек) определили в офицеры формировавшихся 23 солдатских и драгунских полков в чины от подполковника до прапорщика[140]. На базе оставшихся рядовых было сформировано ещё 5 рейтарских полков.

Второй этап ограничивается 1653-1660 гг., это период первого массового формирования рейтарских, солдатских и драгунских полков и победоносных войн с Польшей и Швецией.

В 1653-1654 гг. было сформировано 6 рейтарских, 24 солдатских и 5 драгунских полков, составивших четыре полевые армии, действовавшие против Речи Посполитой. Командирами почти всех этих полков были назначены иноземцы, в основном нововыезжие, как имеющие боевой опыт, однако младший командный состав был укомплектован русскими, в основном выходцами из полка Бокховена. Общее их количество можно примерно оценить в не менее чем 550-700 человек (400-500 в 23 солдатских и драгунских полках и 150-200 в 6 рейтарских, кроме того, некоторое количество русских офицеров должно было числиться ещё в четырёх полках, которые не получили офицеров из полка Бокховена). При общей потребности армии в примерно 1300 офицеров (37 полков, по примерно 35 офицеров на полк) доля русских в офицерском корпусе полков «иноземного строя» должна была составить не менее 40%. Окончательное обучение они должны были пройти в бою.

Ещё одной особенностью командного состава полков этого периода является высокая доля иноземцев, въехавших в Россию, будучи обладателями высоких чинов.

---

[139] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. 10. СПб., 1872. С. 484.

[140] Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656 – 1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014 Вып. 3. С. 102.

В этот период практически все полковники остаются иноземцами, русских полковников появляется всего трое или четверо. Тем не менее, во многих полках присутствуют русские подполковники, зачастую командующие полками или отдельными шквадронами[141].

Первым русским полковником, если не учитывать Голохвастова и Кречетникова, стал Венедикт Змеев. Выходец из полка Фанбуковена, в 1654 г. он был назначен подполковником в рейтарский полк В. Фандроцкого (фон Друшке)[142]. После гибели фон Друшке при штурме Смоленска Змеев возглавил полк. Звание полковника было присвоено ему не позднее 1655 г., хотя ещё некоторое время в документах Змеев продолжал именоваться просто стольником. Это позволило С. Минакову сделать ошибочный вывод о том, что Змеев получил чин полковника только в 1656 г., после взятия Кокенгаузена[143].

С учётом опыта русско-шведской войны в 1656 и 1658 гг. были сформированы два выборных солдатских полка, их командирам, А. Шепелеву и Я. Колюбакину также были присвоены чины полковников.

Третий этап охватывает 1658-1667 гг. С 1658 г., в ожидании возобновления войны с Польшей, началось массовое формирование новых полков. Так, если в 1654 г. насчитывалось 37 полков рейтарского, солдатского, драгунского и гусарского строя, то в 1659 – не менее 56. В это время русские войска потерпели ряд крупных поражений при Конотопе (1659 г.), Чуднове и Полонке (1660 г.). Некоторые части были полностью разбиты, однако формирование новых полков продолжилось, и в 1663 г. их насчитывалось более 70[144].

---

[141] Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом..., С. 337-339.

[142] Бабулин И.Б. От Лондона до Смоленска. Боевой путь генерал-майора фон Друшке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. IV. С. 1-38. <http://www.milhist.info/2013/03/29/babylin_2> (14.05.2015).

[143] Минаков С.Т. Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной армии. М., 2017. С. 39-40.

[144] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656 – 1658 годов // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 171;

Часть иноземных полковников погибла, попала в плен или состарилась. Но к этому времени выходцы из полка Бокховена, как русские, так и иноземцы, успели послужить, побывали в боях и набрались опыта. К началу 1660 гг. относится массовое производство русских начальных людей в полковники. Согласно росписи 1663 г., доля русских полковников уже составляет около 20%, причём в рейтарах русских – треть[145].

После окончания войны с Польшей наступил краткий период мира. Часть войск была распущена. «Уже уволено так много храбрых кавалеров» – сетует Патрик Гордон[146]. И действительно, многие из иноземцев в 1673 г. уже не числятся в документах Иноземского приказа.

Четвертый этап охватил период русско-турецких войн XVII в. На этом этапе развитие офицерского корпуса продолжалось в русле предыдущих этапов. Доля русских полковников продолжает расти, более того, появляются и русские генералы. Среди полковников-иноземцев растёт доля иноземцев «старого выезду». Заметна тенденция к массовому производству в полковники русских начальных людей. На 1687 г. из девяти генералов четверо – русские. Доля русских полковников в среднем составляет 30%.

Резкий контраст с данной тенденцией составляет офицерский корпус в 1696 г.. Генералитет, полностью состоит из иноземцев, а доля русских полковников составляет менее 10%[147]. Опытные генералы В. Змеев и Г. Косагов были отстранены от службы[148], значительную долю в русской армии Северной войны составил саксонский генералитет. В отличии от предшествующего периода, где из соображений экономии четко прослеживалось стремление выдерживать штаты, количество полковников превышало потребности армии более чем в полтора раза.

Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом…, С. 337-339; Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1911. Кн. 3. С. 4-53.

[145] Веселовский С.Б. Сметы военных сил…, С. 20-21.

[146] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 205, 206

[147] Великанов В.С. К вопросу об офицерском корпусе…, С. 339.

[148] Де ла Невилль. Записки о Московии. М., 1996. С. 157.

Глава 2. Полковники в полках «иноземного строя»

2.1. Поступление офицеров на русскую службу

В условиях недостаточной централизации власти в западноевропейских странах XVI и первой половины XVII вв. наиболее распространенной формой вооруженных сил стали наёмные армии[149]. В этих армиях полки зачастую являлись независимой от каких-либо внешних сил структурой. Высшая власть принадлежала полковнику, с которым наниматель заключал договор о найме. В договоре оговаривалась численность и устройство подразделения, месячное жалованье солдат, характер службы и иные условия. Помимо командования полком, полковник набирал солдат и офицеров, выплачивал жалованье, имел право судебной власти вплоть до казни провинившихся. В полку при этом существовали выборные низовые должности офицеров и чиновников, представлявших интересы рядовых солдат[150].

В таких условиях найм полка зачастую превращался в выгодное дело. Пример подобного предприятия приводит П. Гордон: «Мы вчетвером [старшие офицеры] вступили в договор для найма полка из 800 рейтар; […] Я обязался набрать две полные роты и должен был получить за каждого рейтара по 40 рейхсталеров»[151]. 40 рейхсталеров примерно соответствовали

---

[149] О переходе к регулярству возможно говорить при рассмотрении некоторых национальных армий – в первую очередь знаменитых испанских терций (впрочем, испанский опыт не оказал прямого влияния на русское военное искусство), однако и эти армии включали значительную долю наёмных региментов. Так, армия Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне состояла в основном из наёмников; Карл X Густав же перед вторжением в Польшу в 1655 навербовал 15-20 т. рейтар к уже имеющимся 6 т. (Пенской В.В. Великая огнестрельная революция…, С. 83; Курбатов О. А. Военные реформы…, С. 74)

[150] Пенской В.В. Великая огнестрельная революция…, С. 51-52; Miller D. The Landsknechts. London, 1994. P. 4, 5.

[151] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 94.

20 рублям – более чем месячному жалованью рейтарского подполковника в России.

Подобная независимость была немыслима для сверхцентрализованного Русского государства, обладавшего высокоразвитым бюрократическим аппаратом[152] и строившего вооруженные силы на иных принципах, нежели западноевропейские наемные армии.

Во второй половине XVII в. существовало два основных пути попадания иноземцев на русскую службу – выезд «на Государево имя» и вербовка за рубежом.

Как правило, вербовку вели торговые или, реже, служилые иноземцы, выезжавшие за рубеж. О завербованных офицерах сообщалось в приграничные города, местные власти в которых должны были пропустить въезжающих к Москве. Иногда из-за отсутствия распоряжений из Москвы иноземцам приходилось надолго задержаться. Так, в 1653 г. А. Виниус и П. Марсов, выполняя торговую миссию, пригласили на русскую службу группу офицеров во главе с подполковником К. Яндером. Офицеры должны были проехать через Новгород, но по какой-то причине выбрали другой маршрут и в результате два месяца провели в Пскове, ожидая пропуска[153].

В 1660 гг. главными агентами России в западной Европе стали «комиссариус» И. Гебдон и торговый человек И. Фанторн, коим было велено «приговаривать и высылать в службу всяких чинов служилых иноземцов и мастеровых людей»[154]. И. Фанторн в 1660 нанял в Любеке 50 офицеров во главе с полковником Г. Фаншеином[155]. Менее впечатляли успехи полковника

[152] Dunning C. Were Muscovy and Castile the first fiscal-military states? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191-197.
[153] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 81, 94-95.
[154] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 34. Л. 1.
[155] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 17. Л. 259.

А. Форота. В 1662 г., будучи переводчиком в посольстве князя Прозоровского в Англию, он пригласил на русскую службу 5 шотландцев[156].

Другим способом поступления на русскую службу был выезд «на государево имя», как выразился полковник Х. Мынгаус, «слыша царского величества великую милость к своей братье иноземцам»[157]. Иногда мотивацией становилось приглашение от родственников, служивших в России. Так, в 1661 г. в Россию выехали Марко Траурнихт, брат полковника Афанасия Траурнихта, и Пауль Рудольф Бем, также брат полковника Самойлы Бема[158]. Очевидно, именно таким путём оказались в России многочисленные Краферты, Гамолтоны и Гулицы.

Офицеры могли выехать «на время» или «на вечную службу», что оговаривалось в документах.

Создавая национальный офицерский корпус, русское правительство осознавало задачи офицеров как в первую очередь учителей, обучавших солдат ратному строю и владению оружием. В отличие от найма 1630 г., когда А. Лесли был волен набирать офицеров на собственное усмотрение[159], с середины XVII в. принятием офицеров на службу занимался Иноземский приказ. Теперь во главу угла ставился профессионализм: «хто тово не знает, и тому в таком болшом чину не подобает быт»[160].

---

[156] FORAT, ANDREW: [электронный ресурс] // The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE). URL: https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/item.php?id=3883. Дата обращения: 12.08.2020.

[157] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1. Лл. 8-9.

[158] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 34. Лл. 1-2. Следует отметить, что точная степень родства иноземцев уточнялась не всегда либо же опускалась в документах – так, упомянутый сын П.Р. Бема, Л. Фабрициус, автор известных записок о восстании С. Разина, фактически был его пасынком.

[159] Фактически требования к Лесли сводились к запрету нанимать католиков и кавалерию – сказалось впечатление от невысокой боеспособности таковой против лихих атак польской гусарии. См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). Т. 3. М., 1822. С. 317, 319.

[160] Перевод с галансково письма... что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов — ответ / Публ. А.В. Малова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 7.

Масштабы въезда иноземных офицеров в Россию разнились в зависимости от потребностей государства. В мирном 1647 г., после некоторого роста числа выездов, связанных с укреплением южных границ[161], последовал царский указ принимать на службу только офицеров в чинах до прапорщиков и «простых солдат самых добрых», причём только выезжающих «на вечную службу»[162]. В следующие два года заметного количества выездов иноземных офицеров не наблюдалось. Полковник Яган Тилор, попытавшийся поступить на русскую службу в 1648, был выслан «за ненадобностью»[163]. Следует предположить, что правительство ставило целью «закрыть» потребность в офицерском корпусе за счёт обучения И. Фанбуковеном русских дворян, планы о чём существовали, по меньшей мере, с начала 1649 г.[164].

Однако уже в 1650 г., в связи с восстанием Хмельницкого, русское правительство начало более активную подготовку к грядущей войне с Польшей, выезды иноземцев учащаются[165]..

Масштабы выезда иноземцев в это время можно оценить следующим образом. На 1651 г. в России насчитывалось не более 276 офицеров-иноземцев[166]. В 1654 в русской армии существовало 37 полков «иноземного строя», потребность которых в офицерском корпусе составляла не менее 1300 человек (в среднем не менее 30 офицеров на полк, с учётом того, что некоторые полки (А. Лесли, А. Краферта) имели усиленный состав). Часть офицерских должностей заняли русские люди, прошедшие обучение в полку И. Фанбуковена, по оценке О.А. Курбатова – 400-500 человек в солдатских и

---

[161] В 1646-1647 в Россию выехали Я. Краферт, генерал А. Лесли, майор И. Фанбуковен со свитой из пяти капитанов и около 20 солдат, поручики А. Гамолтон и Т. Бойт (РГАДА. Ф. 150. 1646. № 2. Л. 1; Там же. 1647. № 27. Лл. 1-6; Там же. Оп. 1. Л. 42).
[162] РГАДА. Ф. 150. 1647. № 27. Лл. 7-8.
[163] РГАДА. Ф. 150. 1648. № 14. Л. 1-5.
[164] Поммеренинг К. Донесения…, С. 442.
[165] Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 г.г. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 65.
[166] Петрухинцев Н.Н. К характеристике формирований "нового строя" накануне военных реформ Алексея Михайловича // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15-17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. III. С. 502-523. С. 515.

драгунских полках[167], а также до 100 человек в рейтарских полках[168]. Следовательно, в течение 2-3 лет на русскую службу должно было выехать около 400 офицеров. Наиболее чётко это проявилось при формировании старшего командного состава полков – из 37 офицеров, назначенных командирами полков, 27 выехали в Россию в 1646-54 гг.. Ещё 7 человек служили в России с начала 1630 гг., а 3 человека являлись иноземцами старого выезду или русскими людьми[169].

Столь же многочисленным был въезд иноземцев в начале 1660 гг. Этот момент стал временем совпадения трёх факторов. Во-первых, завершились польско-шведская и датско-шведская войны, и значительное количество офицеров в шведской и датской армиях остались без нанимателей. Уволенные со шведской службы шотландские офицеры говорили, что не знают «ничего лучшего в те времена, когда большинством [держав] заключён всеобщий мир»[170]. Во-вторых, офицерский корпус России понёс значительные потери после ряда крупных поражений 1659-1660 гг.. В-третьих, в этот момент Россия разворачивала значительное количество новых полков – так, если в 1659 г. в Иноземском приказе числилось 55 полков[171], то в 1662-1663 гг. – уже 75[172]. При этом из 55 человек, возглавлявших полки в 1659 г., лишь 31 (в т.ч. 6 русских) продолжал нести действительную службу в 1663 г.. Русское правительство возложило задачу срочной вербовки офицеров на торговых иноземцев – И. Гебдона и И. Фанторна, которые блестяще справились с задачей. Один только полковник Г. Фаншеин, завербованный Фанторном в Любеке, привёз с собой 50 офицеров[173]. Не менее шести полков возглавили нововыезжие полковники (К. Любенов, Ф. Ершов, Х. Мыгаус, К.

---

[167] Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя»…, с. 102.
[168] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 907. Лл. 45-89.
[169] Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в 1654 г.: особенности формирования русского офицерского корпуса // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 40 - 51. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36230 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36230
[170] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 100.
[171] Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом…, С. 337-339.
[172] Веселовский С.Б. Сметы воинских сил…, С. 14-20.
[173] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 17. Л. 259.

Фанблументрост, Г. Фаншеин, Я. Тур[174]). Обилие нововыезжих иноземцев в начале 1660 гг. отмечали А. Мейерберг и П. Гордон[175].

После окончания же русско-польской войны въезд иноземцев в Россию был затруднён – так, группе офицеров во главе с полковником Н. Фанфростеном (в числе которых был Ф. Лефорт), первоначально было отказано в службе. Проведя в Архангельске пять месяцев, Фанфростен «со товарищи» всё же добились своего[176].

Нередким явлением был выезд целых групп офицеров, зачастую старых сослуживцев, часто с женами и детьми. Так, в 1653 г. в Россию выехало 23 офицера во главе с полковником В. Джонстоном[177], 5 офицеров во главе с подполковником К. Яндером[178]. В 1661 П. Гордон, собираясь поступить на русскую службу, пригласил в Россию около 30 офицеров, в основном шотландцев[179]. Тогда же в Россию выехало 15 офицеров во главе с полковником Х. Мынгаузом, пятеро из которых во главе с Ф. Ершовым служили в одной роте[180].

В редких случаях офицер мог быть завербован на русскую службу из плена. Для рассматриваемого периода такие случаи единичны. Так, в 1654 или начале 1655 г. в русский плен попал немецкий офицер Юрья Закс. Уже летом 1655 г. он упоминается как солдатский полковник[181]. Мотивация его

---

[174] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1. Лл. 1-2, 9-10; Там же. № 7. Лл. 1-2; Там же. № 10. Л. 1;Там же. Оп. 1. Л. Там же. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 17. Л. 259.

[175] Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М. 1874. С. 159; Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 123.

[176] Мышлаевский А.З. Выезд в Россию Франца Лефорта. (Современная переписка) // Русская старина, № 3. 1898. С. 640-645.

[177] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 54. Л. 562.

[178] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 94.

[179] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 107.

[180] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1. Лл. 8-13.

[181] АМГ. Т. 2. С. 431.

была проста – он поступил на русскую службу, чтобы избежать высылки в Сибирь, поскольку «ему было всё равно, кому служить»[182].

Ещё одним перевербованным пленным стал выходец из Речи Посполитой Никифор Грушевской, в 1665 г. бывший подполковником в драгунском полку А. Форота. По его «скаске», он попал в русский плен в 1633/34 г. под Смоленском и перешёл на русскую службу. Примечательно, что, попав уже в польский плен после Чудновской битвы, Грушевской сохранил верность России[183].

Приезжающие в Россию офицеры, как правило, принимались лично царём. Так, в 1651 г. «были у государя… у руки приезжие иноземцы» - капитаны К. Карл, Ю. Лесли, И. Гулиц и поручик А. Кинкет[184]. П. Гордон сообщил, что 5 сентября 1661 г. он получил аудиенцию у Алексея Михайловича, 7 сентября демонстрировал свои навыки владения пикой и мушкетом, а 9 был записан майором[185].

Приезжая в Москву, иноземцы подробно рассказывали о своих службах и предъявляли офицерские патенты и рекомендации (в терминологии XVII века – «свидетельственные листы», «пасы»), Отсутствие «пасов» могло привести к ограничениям. Так, выехавший в 1653/54 г. прапорщик Клаус Мерлер не получил жалования за выезд, так как «свидетельственных листов о себе не подал»[186]. К 1660 гг., впрочем, доверие правительства к рекомендательным письмам иноземцев заметно снизилось, и об обладателях «пасов», подписанных не государями, а полковниками и генералами, требовалось устраивать «сыск, кто их в тех землях знал»[187].

---

[182] Прудовский П.И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Ковно от польско-литовских войск в конце 1658 – начале 1659 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2 — Москва: Квадрига, 2011. С. 342-247.
[183] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 17. Л. 294 об. – 295.
[184] РГАДА. Ф. 150. 1652. № 6. Л. 11.
[185] Гордон П. Дневник 1659-1667, с. 103, 105; Белокуров С. А. Дневальные записи…, С. 19, 108, 114.
[186] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 58.
[187] АМГ. Т. 3. СПб., 1901. № 685. С. 567

Как подлинность документов, так и общую компетентность и благонадежность нововыезжих дьяки старались проверить с помощью других иноземцев, уже состоявших на службе[188]. Так, капитан И. Гулиц в 1654 г. засвидетельствовал компетентность сержанта И. Эткена и способствовал его производству в поручики[189]. Я. Ульфесу же было отказано в русской службе из-за измены его отца[190].

Офицеры также были обязаны выдержать экзамен по тому, «что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать»[191], по управлению подразделением, а также по владению пикой и мушкетом. В 1650-1660 гг. подобный экзамен принимали боярин И.Д. Милославский, фактически бывший военным министром, и старшие офицеры-иноземцы. Патрика Гордона и, видимо, не его одного такая система сильно удивила[192].

Интересное свидетельство такого экзамена, относящееся к 1647 г., приводит С.В. Соловьёв: «Майор Исак фон-Буковен, капитаны и солдаты пришли на посольский двор к смотру: Филипп Алберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру добр добре. Вилам Алим по досмотру добр, Ефим вахмистр по смотру умеет, Яков Рокарт умеет, Юрий Гариох по смотру середний, и майор фон-Буковен говорил, что Гариоха с капитанской чин не будет: как ему неученых людей солдатской справке выучить и к бою привесть? Он и сам ратного строя ничего не знает. Послы майоровы речи велели записать и ему, майору, к тем речам велели руку приложить. Яков Стюарт выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую приняться и штурмовать не умел и по

---

[188] РИБ. Т. 8. С. 147-149; Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос…, С. 40.
[189] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 78.
[190] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 53. Л. 564.
[191] Перевод с галансково письма…, С. 7.
[192] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 105; Пенской В.В. Великая огнестрельная революция…, С. 389.

смотру худ добре, а майор фон-Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится»[193].

Упомянутые капитаны В. Алим (Алент), Я. Ронарт и Ф. А. Фанбуковен, прослужив несколько лет, в 1654-55 гг. были назначены полковниками в новосформированные полки. Я. Стюарт и Ю. Гариох, напротив, ничем не отличились.

Проверка способностей поступающего в русскую службу иноземца к командованию подразделением выглядела следующим образом: «И для свидетелства, что умеет ли он рейтарскому строю, и для ученья дана ему рейтарская Давыдова рота Дромонта... И он тою ротою ворочал двожды, а иного никакого учения не оказал, а сказал, что де в свейской земле болши того ученя, что поворачивают в коло ротами не бывает. А полковники […] сказали […] что он добр и рейтарскому строю достаточно умеет. А полковник Исак фан Буковен той Давыдове роте Дромонта и иным рейтарским ротам своего полку в учене и к стрелбе оказывал в многие стати чево, — сказали они, Александр Лесли с товарыщи, и не видали»[194]. Поступая на службу, Н. Фанфростен, будучи инженером, расписал собственное инженерное искусство[195], вскоре после чего был отправлен укреплять Чигирин.

После успешного освидетельствования полковники получали награды «за выезд»[196], приводились к присяге и назначались в полки[197]. Как правило, при назначении иноземные офицеры получали тот же чин, в котором въезжали в Россию, или, в зависимости от потребностей в офицерах, производились в чин выше. В частности, 5 подполковников, выехавших в

---

[193] Соловьев С.М. История России с древнейших времён // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 167.
[194] Перевод с галансково письма…, С. 9.
[195] Мышлаевский А.З. Выезд в Россию Франца Лефорта…, С. 646-647.
[196] Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 92; Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 150
[197] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 111.

Россию в 1653-1654 гг., быстро получили повышение в чинах и получили под начало собственные полки[198].

Исключение здесь составляли немногочисленные генералы. До 1654 г. в России не существовало генеральских чинов, и выехавшие к этому времени генералы А. Лесли, И. фон Друшке (в крещении В. Фандроцкий) и Р. Гипсон начали службу в России в чинах полковников – хотя Лесли и назывался «старшим полковником»[199], а рейтары полка фон Друшке уважительно называли его «енералом». В первый год русско-польской войны Лесли всё же получил генеральский чин. Вероятно, это же ожидало и Друшке, однако он погиб при штурме Смоленска. Р. Гипсон же, видимо, не проявив себя, остался полковником. В дальнейшем приехавшие в Россию в 1656 г. генералы Т. Далейль и У. Драммонд некоторое время числились полковниками, но в том же году получили генеральские чины. И только в 1681 г. Д. Грэму после полугода прений с Иноземским приказом удалось получить генеральский чин, хотя и с полковничьим окладом – «покамест он службу свою покажет»[200].

До начала 1650 гг. дети иноземцев, выбиравшие военную карьеру, начинали службу или в иноземских ротах, или в немногочисленных полках «иноземного строя». В 1653 г. иноземские роты были фактически упразднены, а служившие в них были назначены в новообразованные полки[201].

Иным был путь русских офицеров. Основным вариантом начала карьеры многих полковников была служба в рейтарском полку И. Фанбуковена, существовавшего в 1649-54 гг.. Помимо навыков рейтарской службы, они обучались также владению пикой и мушкетом (видимо, к их

---

[198] Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в 1654 г.: особенности формирования русского офицерского корпуса // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 40 - 51. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36230 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36230

[199] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 51.

[200] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 52.

[201] Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя»…, С. 103.

явному неудовольствию) – сугубо пехотным вооружением, и действиям в пешем строю, что давало им возможность командовать не только кавалерийскими, но и пехотными подразделениями. «Ежедневно упражняются 200 рейтар из числа упомянутых 2000, чтобы они могли потом обучать своих товарищей и командовать ими» – свидетельствует К. Поммеренинг, добавляя в другом донесении, что «среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника»[202]. Русское правительство, впрочем, было не столь оптимистично – в 1653-1654 гг. при формировании полков ученики Фанбуковена были произведены в чины от прапорщика до подполковника. 400-500 человек получило назначения в солдатские и драгунские полки, на базе оставшихся было сформировано ещё 5 полков.

Из рядов полка Фанбуковена вышло не менее двадцати русских полковых командиров (В. Змеев, М. Кровков, Г. Тарбеев, И. Шепелев, С. Скорняков-Писарев, В. Волжинский, Ф.А. Зыков, Ф.Т. Зыков, С.А. Зубов, К. Нарышкин, С. Уваров, Г. Ушаков, И. Елчанинов[203], С. Петикрут, Д. Зыбин, И. Лукин, М. Беклемишев, И. Полуэхтов, А. Чубаров, Д. Бердяев[204]), а также несколько иноземцев и новокрещенов. К этому списку относятся 9 из 16 русских полковников на 1663 г.[205].

Рост численности русской армии в конце 1650 – начале 1660 гг., в особенности рейтарских полков, потребовал значительного числа офицеров. Ветеранов полка И. Фанбуковена явно было недостаточно. Поэтому другим вариантом карьеры для русских офицеров был перевод из поместной конницы на достаточно высокие чины. Исследования старшего командного состава Новгородского разрядного полка в 1660 гг. показали, что русские офицеры здесь в массе своей переводились из поместной конницы в конце 1650 гг. Обнаружилось лишь два старших офицера из русских, служивших в

---

[202] Поммеренинг К. Донесения…, с. 458; Курц Б. Г. Состояние России…, С. 110.
[203] Минаков С. Т. Первый русский генерал Венедикт Змеёв…, С. 321-326.
[204] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 907. Лл.46, 49, 56, 77, 78, 87
[205] Веселовский С. Б. Сметы военных сил…, С. 16-20.

полку И. Фанбуковена – подполковник А. Бердяев и майор А. Ладыженской, служившие в солдатском полку И. Кемена. Так, гусарский полковник М. Караулов был назначен в чин в 1662 г. после тридцати лет сотенной службы. Подполковник А. Нащокин, служивший с 1649, был назначен подполковником в 1662. Другие офицеры переводились из поместной конницы на чины от прапорщиков до ротмистров[206].

К концу XVII века ситуация изменилась. К 1696 г. русские офицеры в основном начинали службу рядовыми рейтарами (или, реже, прапорщиками). Переведены из поместной конницы были лишь 2 полковника из 8, 3 подполковника из 16 и 2 майора из 24, о которых есть сведения[207]. Можно констатировать, что к концу XVII в. практика прохождения офицерами службы практически устоялась.

Насыщенность полков русским командным составом была неравномерной – если в полку А. Грановского русских начальных людей практически не было (что объясняется специфической организации его полка как инженерной части), то К. Яндер, не владевший русским языком, жаловался: «даны мне в полк урядники все русские люди» и просил перевести в его полк офицеров, знающих немецкий. После челобитной в полк Яндера назначили несколько иноземцев старого выезду[208].

За «службы» офицерам, при наличии вакансий, указывалось «быть в полковниках». Один из подполковников, В. Змеев, назначенный в рейтарский полк И. фон Друшке, возглавил полк уже в августе того же года, после гибели фон Друшке на стенах Смоленска. Чин полковника он получил, скорее всего, уже в 1655 г.. Другие выходцы из полка Фанбуковена начали получать чины полковников в начале 1660 г., отслужив несколько лет. До

---

[206] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 в. Д. 17. Лл. 231-231 об., 240 об. – 242, 276, 311, 321 об. – 322.

[207] Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строю, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинен в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Ч. 1. Кострома, 1793-1794 гг. С. 1-48.

[208] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 867. Л. 354, 56-57.

этого периода, впрочем, зафиксированы случаи, когда полки возглавляли подполковники, как из русских, так и из иноземцев[209][210].

Известно несколько случаев назначения в полки «иноземного строя» русских полковников из представителей других войск, без прохождения хотя бы краткой службы в этих полках. Как правило, это было связано либо со спецификой этих подразделений (приказ Тульского драгунского строя, московские выборные полки солдатского строя), либо с нехваткой командиров непосредственно в полках «иноземного строя». Такие командиры до назначения в полки «иноземного строя» могли служить в поместной коннице[211], в стрельцах[212] либо в артиллерии[213].

2.2. Прохождение службы полковниками в полках «иноземного строя»

Одной из основных задач полковников было обучение рядовых и офицеров. О том, что «бывает им учение», регулярно упоминает Г. Котошихин[214]. Согласно записке И. Фанбуковена, поданной И. Милославскому, «по<до>бает им [«всяким урядникам» – В. К.] всяким оружием: мушкетом, и пикою […] самим <вла>дет и роты всякому ратному строю <учить>. А полковнику подобает не то<лко> роту, но и полк умет учить <подобае>т»[215]. Постоянная забота об обучении солдат хорошо известна по источникам – так, полковник Александр Гамолтон в своих заслугах отмечает в первую очередь, что солдат «учил пехотному

[209] Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом…, С. 337-339.
[210] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 34. Лл. 107, 178, 521.
[211] В. Голохвастов, Г. Косагов, Я. Колюбакин, Ф. Стремоухов, возможно, В. Кречетников.
[212] А. Шепелев, И. Лешуков.
[213] И. Кобатов.
[214] Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1884. С. 149-150.
[215] Перевод с галансково письма…, С. 8.

солдацкому строю» (а также «фетелей делат»), и теперь «ратному строю навычны… сем тысеч человек и болши»[216]. В 1649 г. воеводе И. Койсарову было велено «над иноземцы началными людми смотрить, чтоб они […] учили неоплошно» крестьян Сомерской волости[217]. Именно на полковников и подполковников возлагались основные усилия по учению – в 1661 г. псковский воевода Б.А. Репнин, наводя порядок в рейтарских полках, докладывал, что без старших офицеров в полках падает дисциплина, а майоры и младшие начальные люди «рейтарскому строю учат их худо»[218].

Как минимум в особых случаях тренировки были довольно упорными – П. Гордон сообщает, что в январе 1664 он в течение пяти дней обучал 1200 человек «от рассвета до темноты, давая лишь час в полдень на обед» – не менее 6-7 часов в день. Усиленные тренировки не прошли даром: «мы сперва выстрелили из своих шести орудий, потом из мелкого ружья, каждый эскадрон отдельно и все словно единым выстрелом; во второй и в третий раз так же. Сие настолько понравилось Его Величеству, что он приказал нам дать ещё один залп, и мы сделали это весьма успешно»[219].

Имеются сведения и о достаточно масштабных учениях на уровне полевой армии. В 1661 г. генерал Т. Далейль и полковники И. Гулиц и Р. Дукляс подали предложение, «чтоб боярин и воевода все войско, конницу и пехоту, велел ставить в лаву почасту, чтоб против неприятеля знали, в лаву ставитца как ведетца», что было одобрено царём[220].

Сам Алексей Михайлович пришёл к пониманию новой роли офицера – не отважного воина, воодушевляющего соратников личным примером, но в первую очередь командира, хладнокровно управляющего своим подразделением. Командуя армией в Государевых походах 1654 и 1656 гг.,

---

[216] Челобитная полковника Александра Гамильтона из Заонежья о неповиновении русских солдат иностранным офицерам // Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 289-90.

[217] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (далее – ДАИ). В 12 т. СПб., 1846-1872. Т. 3. 1848. С. 233.

[218] Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты…, С. 263.

[219] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 138-139.

[220] Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты…, С. 263.

он, несмотря на свой «дух воинственный», не участвовал непосредственно в боях, но руководил ходом сражений. Так, во время штурма Смоленска после подрыва одной из башен царь, опасаясь больших потерь, отдал приказ остановить атаку и отступить – что было исполнено быстро и точно[221]. Спустя несколько лет Алексей Михайлович требовал учить рейтар, чтобы «прежде полковничьего указу и его стрелбы карабинной и пистонной нихто по неприятели не палил. А полковники за помощью Божией стояли твердо». Офицерам же вменялось знать, «в какову близость до себя и до полку своего неприятеля допустив, запалить»[222].

Для обучения использовалось как отпечатанное в 1647 г. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», судя по всему, выдаваемое некоторым начальным лицам[223], так и, судя по всему, богатый опыт нововыезжих офицеров – профессионализм И. Фанбуковена подтвердили А. Лесли и иные полковники[224].

Потребность в срочном обучении войск могла заметно сказаться на карьере офицера. Так, в 1660 г. в условиях нехватки кадров в формирующийся на Белгородской черте рейтарский полк был произведен солдатский подполковник П. Скоржинский, по оценкам сослуживцев, хорошо знавший рейтарский строй[225]. Бывали и более быстрые карьеры – иноземец Я. Тур, выехавший в Россию в 1661 г. в чине капитана[226], в 1663 г. уже был произведён в полковники[227]. Причины такого стремительного скачка в чинах неясны.

Результаты обучения сказались довольно скоро. Как русские, так и иностранные источники часто отмечают высокую выучку русских войск

---

[221] Коротков В.О. Царь Алексей Михайлович как руководитель военных походов 1654-1656 // Российский исторический процесс: сборник научных трудов студентов, магистров и аспирантов кафедры истории России средних веков и нового времени / отв. ред. В.Э. Багдасарян. – Москва : ИИУ МГОУ, 2015. С. 32-33.
[222] ЗОРСАРАО. Т. 2. С. 763.
[223] Белокуров С.А. Дневальные записи…, С. 119.
[224] Перевод с галанскова письма…, С. 9.
[225] АМГ. Т. 3. № 190. С. 175.
[226] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 10. Л. 1.
[227] Веселовский С.Б. Сметы военных сил…, С.16, 20.

«иноземного строя». В 1653 г. воевода В. Б. Шереметев, констатируя значительный недобор «лучших» людей на Белгородской черте, предлагал добрать «плохих людей», отмечая, что полковник Р. Корсак «учит гораздо»[228] – видимо, воевода уже осознавал возможности регулярного обучения. Спустя 8 лет выучку солдат под командованием Шереметева высоко оценил польский хронист: «Ратные люди отчетливо исполняли все движения, в точности соблюдая ряды и необходимые размеры шага и поворота. Когда заходило правое крыло, левое стояло на месте в полном порядке, и наоборот. Со стороны эта стройная масса воинов представляла прекрасное зрелище»[229]. Польский посланник Я. Млоцкий, в 1654 г. наблюдавший выступавшую на Смоленск русскую армию, видел «70 тысяч пехоты со стрельцами: все они с мушкетами и пиками, обмундированные, как требует того обыкновенный солдатский строй, и, как сам я, смотря на это, заметил, довольно хорошо обучены»[230]. Свидетельство П. Гордона о стройной стрельбе уже приводилось выше.

Полковники ведались в Иноземском приказе, русские начальные люди, будучи служилыми по отечеству – ещё и в Разрядном. Немногочисленные артиллеристы и инженеры ведались в Пушкарском приказе. Наконец, полковники, служившие на дальних границах (Казань, Астрахань, Сибирь), ведались в приказе Казанского дворца и Сибирском. В приказах же полковники, в отличие от подчиненных, вплоть до подполковников, получали жалованье.

В Иноземском же приказе происходило чинопроизводство. Изначально воеводы имели право производства в чин до подполковника включительно, но окончательное утверждение чина и назначение соответствующего жалованья происходило в приказе. Между этими событиями могло пройти до

---

[228] АМГ. Т. 2., № 539. С. 334.
[229] Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты…, С. 262.
[230] Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира. 1654 г. // Витебская старина. Т.IV. Отд. 2. Витебск, 1885. С. 347-352

двух-трёх лет. К примеру, производство Юрьи Грабова в полковники произошло, согласно его «сказке», в 1658/59 г., «справлен» же он был в 1660/61 г.[231].

В 1672 г. последовал указ, оставлявший воеводам право производить в чины до капитана или ротмистра включительно. Производство же в более высокие чины оставалось прерогативой Иноземского приказа[232]. Отстранение от производства в чин непосредственных командиров и перенос его в Иноземский приказ тормозили выдвижение офицеров[233]. Чтобы ускорить производство, офицеры обращались с челобитными о пожаловании чина непосредственно в Приказ.

На чинопроизводство в полках «иноземного строя» заметное влияние оказали русские воинские традиции. Порядок производства в чины соблюдался не всегда – известны случаи производства через чин. В частности, Ф. Вульф, впоследствии генерал, прошёл путь от ротмистра до полковника всего за 4 года, с 1661 по 1665 г.. Его история, впрочем, была достаточно уникальной (см. ниже).

Вышеупомянутый указ 1672 г. требовал «из чину в чин перевесть […] из прапорщиков в поручики, а из поручиков в капитаны и в ротмистры»[234], но даже после этого случались прецеденты. В 1675/76 г. майор П. Мензис был произведен сразу в полковники[235], в 1688 г. ситуация повторилась с майором И. Фоминцовым (что объяснялось нехваткой начальных людей)[236].

---

[231] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 17. Л. 311.

[232] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. (далее – ПСЗРИ). Т. 1. СПб., 1830. № 529.

[233] Ещё одним традиционным объектом критики историографии является качество работы приказной бюрократии и обвинения дьяков в некомпетентности и волоките. В последнее время некоторые историки подвергли критике данный стереотип. См., напр.: Лисейцев Д.В. «Циклопические сооружения»: действительные и мнимые недостатки приказного строя Московского царства XVI-XVII веков // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — № 3(9). — С. 75-84.

[234] ПСЗРИ. Т. 1. № 529

[235] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. Лл. 124-163.

[236] Великанов В.С. Службы Севского полка в 7196 г. и строительство Новобогородицкой крепости // Studia internationalia. Материалы V Международной научной конференции

Обыкновенно производство в следующий чин следовало «за службы» или «за службы и раны», «за осадное сиденье» (формулировки иногда варьировались). Иногда чин жаловался «за полонное терпение» – таким образом русское правительство награждало офицеров за верность. Также существовала практика производства в чин «за раны» или «за службы и/или смерть отца» – впрочем, для старших офицеров она была нехарактерной. Из 40 полковников и 47 подполковников (всех – иноземцев), упомянутых в одном из смотренных списков за 1677 г., пожалование в чин не «за службу» получили по 5 полковников и подполковников (причины пожалования ещё 3 полковников и 2 подполковников не указаны)[237].

В некоторых случаях полковники меняли род войск. Но, как правило, это было связано с переводом в драгунский полк или из драгунского полка, либо же с переформированием полка из драгунского в рейтарский, каковое, в частности, массово случилось в начале 1660 гг.. Как известно, в XVII в. драгуны передвигались верхом, но воевали в пешем строю. На протяжении столетия драгунские полки неоднократно формировались и расформировывались, что отражалось и на статусе полковников.

Другим вариантом был перевод из рейтар в копейщики – элитные части конницы «иноземного строя». Копейщики, впрочем, обычно использовались в шквадронах, редко сводились в полнокровные полки, поэтому подобные переводы были единичны. Случаи перевода из рейтарского в солдатский строй или обратно также единичны и, как правило, обоснованы тем, что переводимый «рейтарский строй знает»[238].

Разумеется, когда полковнику жаловался генеральский чин, под его командованием могло оказаться «генеральство» из нескольких полков. Периодически генералы, особенно иноземцы, подавали челобитные об

"Западный регион России в международных отношениях X-XX вв." (29 июня -1 июля 2016 года). Брянск: РИО Брянского государственного университета. 2016 г. С. 63-64.

[237] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. Лл. 124-137 об.

[238] АМГ. Т. 3. № 190. С. 175.

увеличении своих «генеральств» и вступали друг с другом в конфликты за полки.

В сравнении с положением во время Смоленской войны, полковники лишились судебной и экономической власти над солдатами. Среди офицеров большинства полков отсутствуют чины, связанные с солдатским самоуправлением[239], количество рядовых, урядников и начальных людей строго регламентировалось, впрочем, не всегда достигая штатной численности. В штат полка не включаются различные нестроевые должности от мастеровых и священников до офицерских слуг, жалованье им выплачивал непосредственный наниматель. Полковники также лишались единоличного права на изготовление полковых знамен по собственному усмотрению, хотя зачастую оные делались «как полковник укажет». Сочетание на знаменах православной символики и западноевропейских элементов геральдики, привносимых иноземцами, оставалось распространенным[240].

В случае необходимости суд вершили дьяки в приказах или в Приказном шатре у воеводы, или же сами воеводы – так, в 1649 г. воеводе И. Кайсарову было «наказано» вершить суд над солдатами Сомерских полков[241]. Дьяки же выдавали жалованье. Полагалось «за очи и подставов и на убитых, и на взятых, и на мертвых, и одному человеку на двух или трех человек никому нашего жалованья не давать»[242], что пресекало злоупотребления, распространенные в западноевропейских армиях.

Иноземцы также были подсудны русским властям. Изредка возникавшие особо тяжелые ситуации разбирались на высшем уровне – так,

---

[239] Заметным исключением стал рейтарский полк Р. Дугласа, в котором числился профос. См.: Курбатов О.А. Военные реформы…, С. 115.

[240] Малов А.В. Знамена полков нового строя // Цейхгауз: военно-исторический журнал. №15 (3/2001). С. 6-10; Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686г. // Белгородский краеведческий вестник. Белгород, 2006. Вып. 6. С. 77.

[241] Курбатов О.А. Роль служилых «немцев»…, С. 285; ДАИ. Т. 3. С. 233-234.

[242] Курбатов О.А. Военные реформы…, С. 76.

налаживать отношения между поссорившимися генералом Т. Далейлем и воеводой И. А. Хованским пришлось лично Алексею Михайловичу[243].

В 1660 гг. русское правительство попыталось нанять английского генерала Ш. Эргарта с группой офицеров, который потребовал, помимо прочего, предоставить судебные права в своём полку. Требования были исполнены лишь частично; впрочем, найм так и не состоялся[244].

В некоторых случаях полковникам-иноземцам приходилось сталкиваться с нежеланием подчиненных состоять под их командованием. Рейтары полка Фанбуковена не только возмущались необходимостью подчиняться «некрещенным» иноземцам, но и отмечали, что «те сами большей частью никакой службы не знают, и те, которые были под Смоленском, более понимают, чем эти»[245].

Но возмущались не только знатные московские чины. Значительные проблемы с субординацией существовали, например, в заонежских солдатских полках. В 1653 г. А. Гамолтон жаловался, что «солдаты нас, холопей твоих, не почитают и не слушают… нас называют неверными и не крещенными»[246]. Спустя десятилетие солдаты полка Я. Трейдена присоединились к бунту горожан против, как им казалось, самоуправства полковника, распорядившегося повесить дезертира[247]. Весьма низким уровнем дисциплины и склонностью к неповиновению отличались курские драгуны[248].

Впрочем, крупные акты неповиновения непосредственным начальникам были редкими, а источники отмечают и случаи,

---

[243] Бабулин И.Б. Генерал из Шотландии // Армии и битвы. 2004. № 3.
[244] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 54-55.
[245] Поммеренинг К. Донесения…, С. 458.
[246] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 185; Челобитная полковника Александра Гамильтона…, С. 289-90.
[247] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006. С. 122-123.
[248] Соловьев Ю.П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Саратов, «Техно-Декор», 2019. – Вып. 12-13. – 484 с. С. 102-126.

свидетельствующие об уважении солдат к командирам[249]. Показательно, что участники стрелецкого бунта 1698 г., обвинявшие петровского выдвиженца Ф. Лефорта, не имевшего серьёзного опыта командования крупными соединениями, в непрофессионализме, не имели никаких претензий к П. Гордону, честно выслужившему генеральский чин долгой службой в России[250].

В отличие от известных случаев недовольства иностранными офицерами, русская власть рассматривала иноземцев как опытных военных профессионалов и, как правило, прислушивалась к ним, консультировалась и пользовалась их советами в областях их компетентности. Это выразилось, помимо прочего, в перенятии ряда западноевропейских церемониальных обычаев – например, отношения к полковым знамёнам и способах отдачи салюта[251]. Так, во время торжественного выступления русской армии из Москвы в 1654 г. рядовые стрельцы маршировали, не снимая шапок, «для того, что во всех окрестных государствах перед великими государи салдаты или стрелцы рядовые на походе шапок не снимают, а покланяютца одни началные люди»[252].

Полки назывались по именам своих полковников, например, «Солдатский Томасова полк Бойта». Название полк сохранял, даже если командование полком осуществлял подполковник[253], даже в тех случаях, когда полковник был убит в бою – так, полк С. Брынка, погибшего в апреле 1659 г. при неудачном штурме Конотопа, продолжал носить его имя даже спустя несколько месяцев[254]. Смена полковника меняла и название полка –

---

[249] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 187-188
[250] Там же. С. 206-207.
[251] Курбатов О.А. Западные воинские обычаи в русских вооруженных силах середины XVII века: пути проникновения и проблемы бытования // Война и оружие. Новые исследования и материалы.Труды VIII Международной научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 32, 35.
[252] Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах. М,: Русские витязи, 2018. С. 48.
[253] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 34. Л. 521.
[254] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 58. Л. 178.

например, «полк Ирика Андерсона Лукса, что был Миколаева полку Фанстадена»[255].

Позднее полки приобрели и имена по месту постоянного расположения. Первыми из них, видимо, были выборные солдатские полки, с 1660 гг. эта практика распространилась на обычные солдатские полки, а по указу 1668 г. и рейтарские полки получили к своему названию место дислокации, в результате чего в документе полк мог иногда быть назван даже без упоминания его полковника[256], хотя обычно полковники всё же назывались[257]. При официальном обращении к полковнику мог упоминаться воеводский полк, в которой находился его полк, например, «воеводы [кн. А.Н.] Трубецкого с товарыщи полку полковнику Герману Фанстадену»[258].

В ряде случаев полки возглавлялись не полковниками, а подполковниками; как правило, это было связано либо с «нетством» полковника, его гибелью или отъездом по другим делам, либо с невысокой численностью возглавляемого полка. Так, в 1659 г. таких полков – 5 из 58 (в т.ч. в одном из них незадолго до составления росписи был убит полковник)[259], в 1663 г. – 5 из 75. Из шести полков, возглавляемых подполковниками в 1663 г., четыре полка имели численность от 300 до 600 человек, а ещё один вообще не был укомплектован рядовыми (сведения по ещё одному полку в источнике не указаны)[260]. Возглавлявшие полк подполковники не получали каких-либо прибавок к жалованию в сравнении с теми, кто служил под началом полковников. В редких случаях полк мог возглавить майор или даже ротмистр (см. ниже) – так, один из рейтарских полков Новгородского разряда в 1662-1664 гг. возглавлялся майором А.

---

[255] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 57. Л. 56.
[256] Малов А.В. Московские выборные полки…, с.105; Бабулин И. Б. Война за возвращение Украины 1668-1669. М.: Русские витязи, 2021. С. 60.
[257] См., напр.: Ведомость войскам, бывшим в Крымском походе 1689 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858 / Приложения. № XI. С. 388-389.
[258] ЗОРСАРАО. Т. 2. С. 723.
[259] Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом…, С. 337-339.
[260] Веселовский С.Б. Сметы военных сил…, С. 8, 15, 18; Петрухинцев Н. Н. «Финансы войны»…, С. 276-280

Т. Нащокиным, поскольку положенный по штатам полковник (вероятно, А. Вод) в полк не явился[261]

Известны также случаи, когда подполковники возглавляли не полноценный полк, а отдельную шквадрону. Такими были, например, рейтарские шквадроны С.С. Скорнякова-Писарева и И.А. Шепелева, состоявшие в гарнизоне Киева в 1658-1660 гг., насчитывавшие по 600 человек[262]. Зачастую подполковник или даже майор возглавлял полк тяжелой ударной кавалерии копейного или гусарского строя, каковых за весь рассматриваемый период насчитывались единицы[263].

Какого-то определенного оружия из казны полковникам, как и иным старшим начальным людям, не полагалось, вооружались они согласно своему вкусу – саблями или шпагами, а также пистолетами. Шотландцы, по всей видимости, предпочитали носить традиционные палаши. В начальный период реформ офицеры некоторое время воспринимались как обычные служилые люди, и правительство «смотрело» их «конность, людность и оружность». На смотре в Севске в 1653 г. полковник М. Эткин явился «на коне, с саблею, пара пистолетов», кроме того, послужилец вёл запасного коня с парой пистолетов в ольстрах. Аналогично были вооружены более младшие офицеры – майоры Л. Скрымзер, В. Алент и В. Эглин явились каждый «на коне, с шпагою, пара пистолетов» и запасным конём с парой

---

[261] Курбатов О.А. Военные реформы…, С. 151.

[262] Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом…, с. 314, 316; Он же. Состав русской армии в Чудновском походе 1660 г. // Рейтар. 2006. № 4(28) С. 22-41.

[263] Гусарский полк под командованием Х. Рыльского был сформирован в 1653-1654 и принял участие в Государевом походе 1654, после чего, по всей видимости, был распущен. В 1661 в Новгородском разряде был создан Новгородский гусарский полк, просуществовавший до 1701. В 1673-1677 его командиром был К. П. Нарышкин, дед Петра I. Копейный полк существовал в Белгородском разрядном полку в 1660-х. Ещё один полк был образован в 1683. Кроме того, роты копейщиков включались в рейтарские полки – такие полки в 1670-х стали называть «полками копейно-рейтарского строя». Основным препятствием в формировании тяжелой ударной конницы было отсутствие соответствующего конского состава, что удалось преодолеть только во второй половние XVIII в.. См.: Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века // Рейтар. 2004. № 9(12). С. 27-44; Курбатов О.А. Военные реформы… С. 95-98, 181-183; Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630-1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118-131; и др.

пистолетов. О доспехах в документе не говорится, но, возможно, офицеры не сочли нужным надевать их в относительно мирное время[264].

Пистолеты во второй половине XVII в. встречались в заметных количествах как среди подношений царям, так и среди подарков офицеров друг другу (не говоря уже о вооружении рядовых бойцов) и, таким образом, стали распространенным оружием среди русских начальных людей и высшей знати[265].

Известно несколько случаев применения полковниками ручных гранат. Обращение с гранатами XVII века требовало специальной подготовки, поэтому они применялись в первую очередь унтер-офицерами. В 1663 г., во время «чёрной рады» участвовавший в охране оной полковник Я. Страсборх (видимо, не в одиночку) кидал гранаты во взбунтовавшуюся толпу казаков[266]. Страсборх был «гранатного дела начальным человеком»[267], но в 1661 г. полковник Н. Фанзален «на приступе был и гранаты в город с лестницы из рук бросал»[268].

Обыкновенным было ношение трости, что было распространено как в западноевропейских странах, так и в России. Так, генерал Т. Далейль в ходе конфликта с воеводой И.А. Хованским «многих дворян бил тростью неведомо за что»[269]. Любопытное обвинение в трусости предъявили дворяне

---

[264] Указанные сведения опубликованы И.Б. Бабулиным в сети Интернет (Русские «немцы» конно, людно и оружно: [Электронный ресурс]. // Архив разрядного приказа. URL: https://von-buddenbrock.livejournal.com/30326. Дата обращения: 12.08.2020)

[265] Гордон П. Дневник 1684-1689 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосов. М.: Наука, 2009. С. 12, 50; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – М.: 1895. С. 723, 726.

[266] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 131.

[267] Курбатов О.А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630-1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 237-340 <http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6> (16.03.2017). С. 318.

[268] АМГ. Т. 3. С. 449-450; Курбатов О. А. Западные воинские обычаи…, с. 32.

[269] АМГ. Т. 3. № 175.

Новгородского полка воеводе С. А. Урусову – «ездил без сабли и без ружья [вооружения – В. К.] с тростью»[270].

Во время службы офицеры не могли не собрать небольшой арсенал. Сохранилась роспись одного из таких арсеналов, принадлежавшего Х. Рыльскому и после его смерти описанная в Оружейной палате. В состав арсенала входили две винтовки, 16 карабинов, 7 мушкетов, 4 пищали, 9 пистолетов, меч «простой» (вероятно, традиционный польский кончар), отделанный серебром буздыган, саадак «пистольной». Часть этого вооружения была взята в казну. Общая стоимость арсенала (без учёта меча, буздыгана и одного из карабинов) была оценена в 105 рублей, 26 алтын 4 деньги[271]. На вкусах Х. Рыльского, очевидно, отразилась польская специфика, что выразилось в наличии восточноевропейского оружия – тем не менее, большую часть арсенала составляют образцы западноевропейского происхождения. Следует предполагать, что аналогичные арсеналы собирали и иные офицеры.

Очевидно, весь этот арсенал в поход не брался (либо же частично выдавался офицерским слугам). Так, в Смоленский поход «огнестрельной мудрости вымышленник» (фактически капитан) Рейнгольт Модеус взял 3 пары пистолетов, «долгую» пищаль и карабин[272].

Находясь в полевой армии или гарнизоне, полковники и генералы, как правило, подчинялись воеводам. По всей видимости, полковник мог быть назначен «товарищем», т.е., заместителем воеводы некрупного отряда или гарнизона – именно в такой роли выступал А. Гохварт. В 1660 г. он отписывал о болезни воеводы Старого Быхова, после чего был назначен «ведать город и ключи городовые и казну…»[273]. Аналогичную ситуацию отмечает П. Гордон в 1661 г. – губернатором Кокенгаузена был полковник В.

---

[270] ЗОРСАРАО. Т. 2. С. 669

[271] Малов А.В. Сквадрон ротмистра Христофора Рыльского в 1634 г. или появление гусарского строя в России // Тульский кремль и южные рубежи России. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 109-135. С. 130.

[272] Курбатов О.А. Организация осадного парка…, С. 267.

[273] АМГ. Т. 3. № 235. С. 229.

Волжинский, «при нем был немецкий полковник Иоганн Мевес»[274]. Случаи самостоятельных действий полковников, не относящихся к локальным столкновениям, довольно редки. К числу таких относится избрание П. Гордона командиром Чигиринского гарнизона в 1678 г. после гибели воеводы И. Ржевского, что объясняется критической ситуацией.

Помимо руководства полком, полковники (а также подполковники и майоры) являлись командирами первой (второй, третьей…) роты своего полка. Во время Смоленской войны за командование ротой старшим офицерам выплачивались дополнительные суммы, но к середине XVII века такая практика сошла на нет[275]. Как и в западноевропейских армиях, традиционно эта рота была наиболее укомплектованной, в ней состояли лучшие воины полка с лучшим вооружением. Если рота была рейтарской, то её зачастую использовали в представительских целях и в «посылках»[276]. В этой же роте находилось полковое знамя. Традиций почитания полковых, сотенных и ротных знамен, в отличие от « государева большого знамени», в русской армии фактически не существовало, и офицеры-иноземцы, с одной стороны, и русское правительство – с другой прилагали значительные усилия к формированию таковых[277].

Полковники, в особенности рейтарские, не только командовали полками, но и сами активно участвовали в сражениях и ходили на штурмы. Документы пестрят свидетельствами: «а ранен он [тогда ещё полуполковник С.С. Скорняков-Писарев, тем не менее, возглавлявший полк] на государеве службе, как был бой с ляхами и с татары у местечка Чюдново в нынешнем во 169-м году»[278]; «За путивльскую рану 170-го году придачи 100 четей, денег 5 рублев»; «Он [Г. Ушаков] ранен во 162-м году подо Мстиславлем да под Шкловым… за рану что он ранен на приступе под крымским городком».

[274] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 101.
[275] ДАИ. Т. 3. С. 215.
[276] Курбатов О.А. Военные реформы…, С. 174.
[277] Курбатов О.А. Западные воинские обычаи…, С. 35-36; он же. Морально-психологические аспекты…, С. 265.
[278] Боярская книга 1658 года. / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Б/и, 2004. С. 242, 103, 243

Особенно опасным были штурмы, в ходе которых полковники, как правило, находились в первых рядах – к примеру, при неудачном штурме Ляхович в 1660 г., сопровождавшимся серьёзными потерями старших офицеров, были ранены сразу четыре полковника (за что И.А. Хованский получил выговор от Алексея Михайловича)[279].

Доблесть в бою выявляется и по иным признакам – например, в Каневской битве, крупнейшей полевой победе России в Тринадцатилетней войне, полковник Ф. Вормзер пленил двух польских офицеров, а Д. Фандернисин – полковника[280].

Нередкой была и гибель в бою – так, В. Джонстон, В. Фангален и А. Г. Фанстробель погибли в Конотопском сражении, К. Яндер – в Чудновской битве, Я. Колюбакин – в сражении при Кушликовых горах, К. Фанбуковен – при обороне Чигирина в 1678 г.. Е. Цыклер попал в плен раненым при отступлении из-под Риги и вскоре скончался. Иван Шепелев, младший брат Аггея Шепелева, умер от ран в 1668 г.. Тяжелую рану под Чигирином получил А. Гамолтон. Всего за 1654-1689 гг. в бою и сразу после боя погибло не менее 24 полковников[281] и генерал Д. Фандернисин.

Общим местом в традиционной критике армии допетровской России является подчеркивание низкого уровня верности офицеров-иноземцев. Тем не менее, не зафиксировано ни одного случая измены или перехода полковника-иноземца на сторону врага[282], хотя возможности для этого были

---

[279] Курбатов О.А. Западные воинские обычаи…, С. 32; АМГ Т. 3 № 58. С. 65.

[280] Бабулин И.Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа. М.: Русские Витязи, 2015. С. 47, 51.

[281] Я. Колюбакин, А.Г. Фанстробель, В. Джонстон, К. Яндер, К. Фанбуковен, Е. Цыклер, С. Брынк, Р. Дукляс, М. Кармихель, Я. Обернятин, Я. Страсборх, В. Фандроцкий, И. Франк, Х. Юнкман, Т. Шель, Д. Лесли, В. Фангален, И. Елчанинов, И. Камал, В. Фанвизин, И. Ниротморцев, Т. Бели, Я. Трель, И. Фанбудденброк, Д. Граф, вероятно – Я. Флек, А. Барклай, Х. Мынгаус. Кроме того, А. Ливенстон погиб под Азовом в 1695 г., а Е. Кро – в Нарвском сражении 1700 г..

[282] Измены более младших офицеров (вплоть до подполковников), конечно же, случались – например, при осаде Риги и Дерпта в 1656 г. или Новогрудок в 1658 г.. См.: Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы Русско-шведской войны (1656-1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18-20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 541; Опарина Т.А.

широкие – попадание в плен было обычным делом. В плену, в частности, побывали Д. Зыбин, Ф.А. Фанбуковен (провёл в плену 7 лет), Д. Краферт. Как правило, они возвращались на службу после размена пленных, но иногда, как Ф.А. Фанбуковену, приходилось дожидаться окончания войны. В западноевропейских армиях пленные, не выкупленные в оговоренный срок, зачастую меняли нанимателя (достаточно вспомнить П. Гордона), но для русской армии это было нехарактерно. Так, Я. Ронорт, вышедший из польского плена в 1661, сообщал, что «слышал от многих людей, что они служить королю не хотят»[283].

Вероятно, начальных людей вполне устраивало достаточно высокое и регулярное жалованье, которое они вряд ли могли найти в Польше или Турции. Более того, взятый в плен в Чудновском сражении полковник Д. Краферт не терял времени и пригласил на русскую службу П. Гордона. За верность и «полонное терпение» полковники, как и более младшие офицеры, жаловались деньгами и иногда производились в чин.

Другой причиной лояльности иноземных офицеров могли быть опасения за многочисленную родню, жившую в России. Так, желавший уехать из России полковник В. Витфорт обратился за помощью к английскому правительству, поскольку опасался, что в случае его дезертирства его семья окажется в «вечном рабстве»[284]

Оживлённые дискуссии вызывает вопрос о компетентности иноземных офицеров. Имперский посол А. Мейерберг отмечал, что состоявшие на службе в России полковники-иноземцы, которых он насчитал «более ста», «едва только ползли у нас в нижних чинах, а пришедши в Московию, быстрым скачком перенеслись через все промежуточные подчиненные

Иноземцы в России в XVI-XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. С. 208; Курбатов О.А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630-1650-х гг…, С. 281.

[283] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 32. Лл. 1-2.

[284] WHITEFORD, WALTER: [электронный ресурс] // The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE). URL: https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/item.php?id=4107. Дата обращения: 12.08.2020.

должности прямо в высокую должность полковника […] и не в состоянии учить других уменью начальствовать, которому и сами не учились»[285]. Оценка барона перекочевала в историографию[286].

Между тем анализ послужных списков полковников показывает несколько иную картину. На русской службе в 1662 состояло не «более ста», а около 70 иноземных полковников и 4 генерала. Из них значительная часть выехала в Россию, находясь в чинах не ниже майора, вплоть до генеральских, хотя сверхбыстрые карьеры действительно встречались (Я. Тур, например, выехав в 1661 г. ротмистром, спустя два года числился полковником – по всей видимости, сказывалась резко возросшая потребность в офицерах после поражений 1659-1661 гг.). Тем не менее, к этому времени примерно треть полковников-иноземцев занимала должность не менее 6-8 лет.

Послужные списки старших офицеров, выезжавших в Россию, как правило, включали длительную службу в нескольких странах. Так, К. Яндер служил в армиях Империи, Дании и Саксен-Лауэнбурга[287]. Полковник Х. Мынгаус служил Империи, Польше и Дании, подполковник Ф. Ершов успел послужить в России во время Смоленской войны, после чего служил Швеции, Империи и даже Испании[288]. Майор А. Г. Фанстробель служил Швеции и Англии[289]. Майор К. Любенау фон Гинклов служил в армии Империи, Бранденбурга, Флоренции и Голландии, причём, требуя чин полковника, упирал на то, что «ни у кого под началом не был»[290].

Более младшие офицеры, позднее ставшие полковниками, также имели внушительные послужные списки. Так, капитан А. Гель успел послужить сначала в России, затем в Империи, Дании и Франции[291], капитан А. Уфорт (вероятно, впоследствии известный как А. Гохварт) и поручик М. Рец

---

[285] Мейерберг А. Путешествие в Московию…, С. 182.
[286] Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос…, С. 40; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 35.
[287] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Лл. 96-98.
[288] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1. Лл. 8-10
[289] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Лл. 82-83.
[290] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 19. Лл. 1-7.
[291] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 867. Лл. 169-179.

служили «цесарю римскому, и аглинскому, и литовскому королю»[292]. Ротмистр Я. Фанрозербах успел послужить Франции и Швеции[293]

В некоторых случаях полковники получали под командование дополнительные войска. В 1654 г. усиленным солдатским полком численностью в 15 рот (ок. 3 т.ч.) командовал А. Лесли, фигурировавший в документах как «старший полковник» (впрочем, в конце 1654 Лесли был произведён в генералы). Состоявшие в 1650 гг. в Новгородском разряде полки М. Кормихеля и А. Гамолтона насчитывали по 30 рот[294]. Рейтарский полк В. Змеева в 1660-1670 гг. имел удвоенную численность. В январе 1678 гг. соединение из двух полков получил П. Гордон[295]. В дальнейшем шотландец принял командование гарнизон Чигирина.

Довольно необычен послужной список Франца Вульфа. Он прибыл в Россию в 1661 г. и получил чин ротмистра, однако уже в 1662 г. получил под командование целый рейтарский полк и командовал им, оставаясь в том же чине. В 1665 г. Вульф, по всей видимости, проявив себя с лучшей стороны, всё же был повышен до полковника и при этом получил под командование ещё и солдатский полк[296]. Спустя десятилетие Вульф выслужил и генеральский чин.

Некоторые полковники проявляли способности к военной инженерии и даже фигурировали в документах как инженеры. Таковы были Т. Бели, Н. Фанфростен, П. Гордон и Н. Бауман. П. Гордон своим «титулом» тяготился и стремился избавиться от него, по-видимому, безуспешно[297]. Несмотря на это, при строительстве укреплений Чигирина он проявил себя

---

[292] РГАДА. Ф. 150. 1650. № 8. Л. 1.
[293] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 89.
[294] Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. Ч. II. С. 305.
[295] Гордон П. Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 33.
[296] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 67.
[297] Гордон П. Дневник 1677-1678. С. 32, 40-47.

талантливым инженером – несколько страниц его дневника посвящены описанию выстроенных им укреплений и рассуждениям на инженерную тему и дополнены рисунками габионов.

В редких случаях полковники назначались не в пехоту или кавалерию, а в артиллерию. Помимо Н. Баумана (вскоре, впрочем, произведенного в генералы), известно назначение И. Гаста командиром Пушкарского полка, сформированного в 1677 г.[298].

Особой категорией полковников стали полковники генеральских полков, в первую очередь – двух выборных солдатских полков. Генеральские полки зачастую насчитывали больше солдат, нежели обычные, и требовали более развитого командного состава. Таковыми полками командовали А. Лесли, Н. Бауман Практика формирования генеральских полков, по всей видимости, была характерна для 1650 гг. – позднее под командование генералов стали отдавать несколько обычных полков. Впрочем, по всей видимости, подобное соединение воспринималось как единое целое – в источниках, в частности, говорится про «полковников генарала Миколаива полку Болмана Альберхта Шневца да Миколая Фанзалина»[299]

Исключением стали выборые полки солдатского строя. В ходе русско-турецкой войны 1672-1681 гг. произошёл резкий рост их численности, а их командиры А. Шепелев и М. Кровков за чигиринскую службу были пожалованы в генералы. Повышение получили и подполковники В. Бюстов и другие. Не будучи командирами всего соединения, они командовали частями, по численности равными обычному полку и разворачиваемыми во время подготовки к кампаниям[300].

---

[298] Лобин А.Н. «Большой голландский наряд» во второй половине XVII века: опыт организации артиллерии по иностранному образцу // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13-17 сентября 2006 года. СПб., 2006. Ч. 3. С. 12.

[299] Курбатов О.А.. Генезис «генеральских полков»…, С. 309.

[300] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677-1678 годах // Гордон П. Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 198.

Закономерным развитием служилой иерархии стали генеральские чины, появившиеся в русской армии в 1654 г.. Однако во время русско-польской войны механизм продвижения по службе выше чина полковника фактически отсутствовал. В разгар войны с Польшей Российское государство остро нуждалось в квалифицированных кадрах, и опытные офицеры жаловались высокими чинами беспрепятственно.

Из шести генералов, пожалованных во время русско-польской войны, большинство было военными профессионалами, как правило, приезжавшими в Россию уже в генеральских чинах (Т. Далейль, У. Драммонд, А. Лесли) или же пожалованными в генералы достаточно быстро (Н. Бауман). Выслужить сколько-нибудь значительный срок на русской службе перед производством в чине успели только Ф. Фанбуковен (13 лет, 7 из которых он провёл в плену) и Д. Краферт (9 лет и 1 год соответственно).

Механизм производства в генеральские чины сложился только к русско-турецкой войне 1672-1681 гг., когда начались производства опытных командиров, как русских, так и иноземцев. В это время срок службы в чине полковника до генерала в среднем составлял 15 лет[301]. Однако нередки были случаи, когда люди оставались в чине полковников по двадцать лет и более. Так, Н. Балк, родившийся в 1635 г. и произведенный в полковники в 1664 г.[302], оставался в этом чине на действительной службе как минимум до 1689 г., когда он принял участие в Крымском походе[303]. Михайло Вестов, сын ротмистра Захарьи Вестова, произведенный в полковники ок. 1662 г., служил столь же долго и также участвовал в Крымском походе 1689 г.[304]. Некоторые

[301] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 81.
[302] РГАДА. Ф. 150. 1695. № 6. Л. 5-6.
[303] ДАИ. Т. 5. СПб., 1853. С. 211; Великанов В.С. Службы Севского полка…, С. 61.
[304] Веселовский С.Б. Сметы воинских сил…, С. 16; Ведомость войскам, бывшим в Крымском походе 1689 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858 / Приложения. № XI. С. 389.

полковники умирали от старости на службе, как в 1668 г. скончался Фёдор Вормзер[305].

В течение 40 лет рассматриваемого периода генеральский чин в России носил 21 человек, из которых «полноценно» выслужились 16 человек[306], из них пятеро русских, что составляет примерно 10% от всех, занимавших полковничью должность достаточное время, без учёта погибших в бою. Также в правление Петра I из носивших чин полковника к августу 1689 г. в генералы выслужилось ещё 6 человек, из них 5 иноземцев и один представитель смоленской шляхты[307]. Если не учитывать Ф. Лефорта – петровского фаворита, не имевшего серьёзного опыта командования полком и пожалованного сразу в полные генералы, минуя чины генерал-майора и генерал-поручика, срок их службы в чине полковника также составлял в среднем 15 лет.

У русских полковников были возможности продолжать службу вне системы полков «иноземного строя». В частности, Г. Тарбеев и С. Скорняков-Писарев, судя по боярским книгам, явно оставили рейтарскую службу. В ходе своей службы в полках «иноземного строя» переходил во дворцовую службу и К. Нарышкин, дед Петра I – впрочем, это объясняется родством с Алексеем Михайловичем.

Наиболее заслуженные полковники из русских людей достигали не только московских, но и думных чинов. Так, в 1683 г. в думные дворяне были пожалованы Ф.А. Зыков и Ф.Т. Зыков[308], а в 1686 г. – Г.Ф. Тарбеев[309]. Думными чинами были пожалованы и русские генералы.

---

[305] Бабулин И.Б. Война за возвращение Украины..., С. 159. Фёдор Вормзер выехал на русскую службу в 1563/54 г., имея чин подполковника и, видимо, уже был немолод (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 57).

[306] Помимо вышеуказанных А. Лесли, Т. Далейля, Н. Баумана и У. Дромонда, в числе выслуживших достаточный срок не учтён Д. Грэм, начавший службу в России сразу с генеральского чина.

[307] Ф. Лефорт, К. Ригимон, Х. Ригимон, Ю. Фонмендин, Б. Корсак (Корсаков), Н. Фонверден

[308] РГАДА Ф. 210. Оп. 1. Д. 7. Л. 75.

[309] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10. Л. 51об.

Формой награды и в то же время фактически почетной отставки могло стать воеводство в относительно спокойном городе. Такую награду выслужили как минимум А. Грановский, Г. Косагов и М. Кровков.

Порядки в России устраивали не всех иноземцев, и некоторые пытались сопротивляться. В условиях войны угроза «отъезда» опытного офицера была действенным средством давления на правительство.

Большие затруднения иноземные офицеры испытывали при попытках покинуть русскую службу и выехать на родину. В сравнении с другими категориями иноземцев военным было сложнее всего покинуть Россию. Помимо понятного нежелания терять ценных специалистов, русское правительство подозревало в этих желаниях попытки выдать иноземным странам важные сведения и пресекало выезд[310]. «Царь жестоко издевается над условиями, которыми они обеспечили себе увольнение на родину […] одного он останавливает щедростью, другого просьбами, третьего повышением, даже, если ему угодно, ссылкою в излучистые закоулки безвыходных трущоб; проповедует всем о неприличии увольнения от службы для военных людей в такое время, когда война в самом разгаре или когда ее опасаются» – отмечает Мейерберг[311]. И действительно, даже генералы, пользовавшиеся покровительством королей, не всегда добивались отставки. Т. Далейль, У. Драммонд и Н. Бауман смогли покинуть Россию, П. Гордон – не смог, несмотря на все свои усилия.

Иногда офицеры предпринимали попытки бегства. Так, в 1659 г. полковник В. Фанзейц попытался бежать из России, но был схвачен. В качестве наказания он был отправлен в Сибирь, где до 1666 возглавлял солдатский полк[312]. Полковник Я. Г. Фанговен после Чудновской битвы 1660

---

[310] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы… С. 112-113.
[311] Мейерберг А. Путешествие в Московию… С. 177-178
[312] Петрухинцев Н.Н. «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658-1660 гг. на южные служилые города России (по материалам городов Липецкого края) // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 106-129. С. 122; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 227-228.

г. исчез из документов. Некоторым, впрочем, удавалось выехать на время для решения своих дел. Так, полковнику К. Любенау в 1665 было дозволено на 4 месяца выехать в Пруссию, за что поручились двухгодовым жалованием 4 полковника и 2 подполковника[313]

С другой стороны, высылка из России с крупным понижением в звании могла стать наказанием для иноземцев. В 1660/61 г. за упорное «нетство» были высланы подполковник А. Кларк и капитан Г. Гамберг, причём первый был записан поручиком, а второй – прапорщиком[314]. В 1667 г. к высылке без жалования приговорили группу офицеров Гадячского гарнизона, в том числе трёх полковников, которые из-за невыплаты жалования оставили свои полки и поехали добиваться правды в Москву[315]. Впрочем, как минимум части из них, в том числе всем трём полковникам, удалось остаться на службе в тех же чинах.

Ещё одним вариантом прекращения несения службы могло стать массовое увольнение офицеров по окончании войны, каковые случились в 1667 и 1682 гг.. По указу царя Фёдора иностранцы были вольны жить «на своих проторех» или уехать за границу[316].

2.3. Денежное, поместное и иное жалование полковников

Общим местом в свидетельствах иноземцев было высокое денежное содержание, положенное офицерству, к тому же выдаваемое регулярно. Как хорошо известно, в 1630 гг. иноземным офицерам было положено совершенно безумное жалование – командирам солдатских полков по 325 р. (250 р. за непосредственно полковничий чин и 75 р. «капитанского», за командование ротой), в месяц, а рейтарскому полковнику Шарлю Д'Эберту –

[313] РГАДА. Ф. 150. 1665. № 3. Лл. 1-2.
[314] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 57.
[315] ДАИ. Т. 5. С. 208.
[316] ДАИ. Т. 3. С. 215; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 116-117.

400[317]. После Смоленской войны большая часть иноземцев была выслана из России, жалование оставшихся было урезано, но оставалось достаточно высоким – от 25 до 50 р.

В конце 1640 гг., в преддверии большой войны с Польшей правительство, оценив опыт Смоленской войны, ещё сильнее снизило жалование, что не замедлило отразиться в свидетельствах иноземцев.

Тем не менее, жалование оставалось достаточно высоким, что привлекало иноземцев, оставшихся без нанимателей после завершения войн в западной Европе. Иноземцев также удивляла система выдачи жалования – если в западноевропейских странах полковник получал деньги на весь полк и рассчитывался с подчиненными по собственному усмотрению, то в России всем чинам, от полковника до сержанта «корм» выдавали дьяки, что пресекало множественные злоупотребления[318]. Помимо жалования, офицерам полагались также выплаты на корм для лошадей из расчёта 20 алтын на лошадь в месяц. Рейтарские полковники обычно получали выплаты на 5 лошадей, солдатские и драгунские – на 4[319].

Случались и разовые выплаты – в 1661 г., по случаю рождения царевича Федора А. Шепелев получил 110 рублей[320]. В 1662 г. за участие в подавлении Медного бунта полковник Д. Краферт получил «весьма значительный дар»[321].

За различные нарушения могли последовать вычеты из «корма». Так, в 1661 у полковников Н. Фанзалена и В. Брюса, устроивших самочинный штурм г. Копоси, жалование на время следствия было урезано вполовину[322]. Впрочем, уже в 1663 г. жалование В. Брюса было на обычном уровне[323]

---

[317] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 119.
[318] Курбатов О.А. Военные реформы…, С. 76.
[319] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59. Л. 32, 49, 51.
[320] Малов А.В. Московские выборные полки…, С. 142
[321] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 120.
[322] АМГ. Т. 3. № 524. С. 450.
[323] Веселовский С.Б. Сметы военных сил…, С. 21.

В 1650 гг. солдатские полковники получали в среднем от 30 до 40 рублей, крещение в православие могло поднять жалование до 50 рублей, как было в случае с А. Гибсоном и А. Бутлером[324]. Драгунские и рейтарские полковники могли получать от 35 до 50 рублей.

В 1660 гг. жалованье оставалось на таком же уровне. Рейтарские полковники получали от 40 до 50 рублей «корму» в месяц, корм солдатских и драгунских полковников колебался от 25 до 50 рублей, составляя в среднем 30-40 рублей[325]. В конце 1670 гг. жалованье несколько выросло, составляя в среднем 35-50 рублей, разница между жалованьем рейтарских и солдатских полковников также сократилась[326]. Принципиальных различий в денежном жалованьи русских и иноземцев не прослеживается – в отличие от времён Петра I, когда жалованье иноземного полковника могло превосходить жалованье русского вдвое[327]. Патрик Гордон отмечал: «Соображения о твёрдых (по крайней мере) средствах жизни… укрепили мою решимость ехать в Москву»[328].

О регулярности выплаты «корма» оставил свидетельство А. Мейерберг: «Это жалованье у них выдаётся каждому с такой точностью в своё время, что если кто из получающих его не явится за ним в первый день по прошествии года или месяца к военному казначею, то на другой день оно посылается к нему сполна и на дом»[329]. Несмотря на очевидное преувеличение, это мнение согласуется с иными источниками.

Тем не менее, финансовый кризис 1662 г. сильно ударил по положению всех начальных людей. На безденежье жаловался П. Гордон, ожидавший принятия на службу. Из-за задержки выплат жалованья группа офицеров-иноземцев отправилась жаловаться в Москву, угрожая в противном случае

---

[324] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 34. Лл. 80; 105. По неясной причине Х. Гундертмарк, также принявший крещение, прибавки к жалованью не получил (там же, л. 64).
[325] Петрухинцев Н.Н. «Финансы войны»…, С. 283-285.
[326] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 85. Лл. 1-2, 58-62.
[327] Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 254; Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 292.
[328] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 100
[329] Мейерберг А. Путешествие в Московию…, С. 177.

уехать из России. В итоге конфликт был всё же урегулирован в том числе за счёт привлечения натуральных ресурсов – часть офицеров взяли на содержание бояре, значительные средства иноземцам завещал умерший боярин Морозов[330].

В феврале 1663 г. Гордон мрачно констатировал «малую вероятность перемен»[331]. Тем не менее, в то же время правительство занялось расчетом финансовых трат, количества войск и потребного им жалования, что привело к созданию известных смет 1662-1663 гг.. В середине 1663 г. хождение медных денег было отменено, и все начальные лица получили жалованье серебром.

Подобный случай повторился в 1667 г. – из-за невыплаты жалованья группа офицеров Гадячского гарнизона во главе с полковниками Я. Туром, А. Олофгранцем и Н. Балком отправилась добиваться правды, но в этот раз в связи с завершением войны правительство приняло решение уволить офицеров без выплаты жалованья[332]. Тем не менее, как минимум части из них, в том числе всем трём полковникам, удалось остаться в России и сохранить чины.

Война и финансовый кризис сильно ударили по казне, и после заключения Андрусовского перемирия правительство приступило к сокращению расходов. В 1668 г. жалованье полковников, бывших «за полками», было урезано вдвое, поскольку, как заметил указ, «ни в которых государствах полных кормов без службы не дают». Спустя год жалованье сократилось до трети от полноценного.

В качестве компенсации полковники получали жалованье хлебом и солью, но на практике вместо хлеба выдавался денежный эквивалент. Выдача соли также вскоре прекратилась. В итоге годовое жалованье полковников, бывших за полками, составляло из полного оклада за 4 месяца и денег за хлеб, близких к месячному окладу.

---

[330] Петрухинцев Н.Н. «Финансы войны»…, С. 268.
[331] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 128.
[332] ДАИ. Т. 5. С. 208.

Ещё во время русско-польской войны жалованье начальных людей, обладавших поместьями, также было урезано. Хотя уже в 1658/59 г. А. Фамендину было велено служить без жалования «с поместья и вотчин»[333], в целом полковников эта мера коснулась лишь в 1670 г., из расчёта по 35 копеек за крестьянский или бобыльский двор. В 1673 г. вычеты коснулись и пустопоместных начальных лиц, но теперь они производились за четверти поместной земли. Однако в 1678-1679 гг., уступив массовым челобитным, правительство отменило вычеты у пустопоместных и малопоместных дворян.

Примечательна выдача жалованья в полном объеме и деньгами в награду за верную службу.

В целях экономии в 1670 г. часть денежных выплат осуществлялась «мягкой рухлядью», соболями.

Ещё один способ экономии был связан с принятием полковниками православия. Новокрещены жаловались землями и переводились на поместный оклад, что позволяло урезать им денежное жалованье.

Когда полковник находился в дальнем походе, часть причитающегося ему жалования могло быть выдано его жене. Так, в 1657 г. полковник Юрья Закс просил выдавать половину своего жалования (30 рублей) жене Алёне, а в 1659 г. аналогичную челобитную подал И. Мевс, предоставив, однако, своей жене только 5 рублей из 35[334].

Иноземные офицеры, неспособные к дальнейшему несению службы и остававшиеся в России, а также их вдовы и дети, получали «ежемесечно, до веку их, вполы того жалованья, как им… дано»[335]. Генерал Ф.А. Фанбуковен в 1670 гг. получал «ежегодной пенсии слишком тысячу талеров»[336], что составляло около 40 руб. в месяц. Полковник Т. Краферт в 1677 г. получал 26

[333] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 909. Л.178.
[334] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 890. Л. 175-176; Д. 909, л. 216.
[335] Котошихин Г.К. О России…, С. 155-156
[336] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 61.

руб. 6 алтын в год[337]. Русские же полковники имели возможность существовать за счёт доходов с поместий.

Традиционной формой пожалования воинов в Русском царстве являлось наделение их поместьями. С начала XVII в., с появлением на русской службе заметного количества иноземцев, они наделялись поместьями на общих основаниях. Но с началом правления Алексея Михайловича русские власти, желая оградить православное население от иноземного влияния, начали ограничивать права помещиков-иноземцев. Согласно Соборному уложению 1649 г., иноземное поместье не могло принадлежать русским, а русское – иноземцам[338]. Обмен поместий между русскими и иноземцами также был запрещён. Это служило цели сохранения поместного фонда, предназначенного для иноземцев.

К началу русско-польской войны часть иноземцев обладала поместьями и вотчины, иногда довольно крупными. Полковник А. Лесли, в частности, владел поместьем в 600 четей, а Д. Краферт – в 1050 четей[339], что уже было сравнимо с боярскими поместьями. Однако в 1652 г. крестьяне из поместий полковника А. Лесли обвинили его жену в глумлении над православной верой. В ходе следствия обвинения были предъявлены и самому полковнику, в итоге его поместье было конфисковано[340].

Сам Лесли в том же году принял решение креститься в православие и в дальнейшем получил крупные подарки и новые поместья на отвоеванных западнорусских землях[341]. Тем не менее, дело Лесли получило широкую огласку, в итоге в 1653 г. под влиянием патриарха Никона иноземцам, не перешедшим в православие, было запрещено владеть поместьями, а имевшиеся вотчины – продать русским людям. Вместо этого иноземцев

---

[337] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 85. Л. 131.
[338] ПСЗРИ. Т. 1. № 1.
[339] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 164
[340] Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие. С. 150-152.
[341] Там же, с. 154.

поверстали денежным кормом[342]. Это привело к недовольству иноземцев. Часть из них, желая сохранить поместья, перешла в православие.

Впрочем, редкие упоминания о помещиках-иноземцах известны и после 1653 г.. Такие сведения де ла Невилль сообщает о П. Мензисе, выехавшем в Россию в 1661 г. вместе с П. Гордоном – впрочем, это сообщение не подтверждается русскими источниками[343].

Ещё одним новшеством в поместной системе стало ограничение максимального размера поместья площадью в 1000 четей. В случаях, когда полагавшийся помещику суммарный поместный оклад с придачами превышал эту цифру, вместо поместных придач, превышающих норму, полагались выплаты «за перехожие чети» из расчёта 1 рубль за 20 четей[344].

Что же касается русских полковников, то, как правило, они обладали довольно крупными поместьями. Венедикт Змеев и до начала рейтарской службы обладал большим поместьем в 750 четей, а в 1661 г. получил прибавку в 250 четей, дойдя до максимального размера поместья[345]. В 1660 гг., когда становится возможным говорить о русских полковниках как о заметном явлении, поместный оклад русских полковников составлял от 670 до 1000 четей, в среднем около 900 четей[346].

Боярская книга 1667/68 г. показывает, что в 1670 гг. поместья записанных в ней полковников, активно участвовавших в войнах, с учетом всех пожалований за службы составляли от 850 до 1000 четей[347]. Примерно такими же поместьями обладали заслуженные стрелецкие головы.

Как правило, причинами придач становилась верная служба. От 50 до 200 четей полагалось за «литовскую», «конотопскую», «киевскую», «чигиринскую», «крымскую» и иные службы. Так, полковники,

---

[342] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 82-83.
[343] Де ла Невилль. Записки о Московии. С. 125; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…,, С. 89.
[344] Рогожин Н.М. Боярская книга 1658…, С. 7-8.
[345] Там же. С. 60-61.
[346] Подсчитано по: Рогожин Н.М. Боярская книга 1658…
[347] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 6. Лл. 379, 380, 382 об., 384, 664 об., 665 об.

участвовавшие в битве на р. Басе, получили по 200 четей[348]; полковник Д. Бердяев за службу 1677 г. под Чигирином получил 100 четей и 7 рублей, за чигиринскую кампанию 1678 г. – 10 четей и 14,5 рублей за «перехожие», за киевскую службу 1679 г. – 7,5 руб., включая «перехожие»[349]. По итогам различных «служб» Белгородского полка 1662-1670 гг. последовал царский указ от 1676 г. «учинить придачи «копейного и рейтарского и драгунского строю полковником и головам стрелецким и головам сотенным… по 100 четей, денег по 7 рублев за поход»[350]. Солдатские полковники в документе не упомянуты – видимо, все они были иноземцами.

Придачи шли также за раны и за «полонное терпение». За тяжелые раны полагались придачи по 100 четей и 5 руб., за легкие – по 50 четей и 3 руб., кроме того, единовременно выплачивались деньги на «лечбу» – по 4 и по 3 рубля соответственно.

С 1659 г. «полоняником… рейтарского и драгунского и солдатского строю полковником, полуполковником и начальным русским людем […] за полонное терпение и за выход […] помесные придачи 50 четей, денег 3 рубли»[351].

Наконец, крупные придачи полковники получали в честь каких-либо торжественных событий, каковых в рассматриваемый период отмечается три.

1 сентября 1667 г. по случаю «объявления» царевича Алексея Алексеевича царь Алексей Михайлович «пожаловал […] своим государским жалованьем к прежним денежным окладом придачею […] полковником рейтарским, и драгунским, и солдатским […] против той же статьи, кто в каком чину в Розряде в списку написан»[352]. Будучи в основном в чинах стольников, полковники получили по 100 четей, либо денежный эквивалент, и по 12 рублей. Иноземцы же получили выплату в размере месячного

[348] АМГ. Т. 3. №152. С. 137.
[349] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 9. Л. 268 об.
[350] ПСЗРИ Т. 1. № 658.
[351] РИБ. Т. 10. С. 563-564.
[352] ПСЗРИ Т. 1 № 649

жалованья[353] Такое же пожалование состоялось и в 1674, с «объявлением» царевича Фёдора, незадолго до его вступления на престол.

Кроме того, в 1686 г. полковники получили денежные придачи «для вечного миру с полским королем» – по 30 руб.[354] Заметно, что эта придача на 70% выше предыдущих, что связано с общим ростом придач дворянству в в. п. XVII в.

Царские указы регулярно подчеркивают жаловать русских начальных людей полков «иноземного строя» как членов традиционной служилой корпорации[355].

Практиковалось также награждение полковников, как и других чинов, золотыми[356]. Так, за Крымский поход 1687 г. полковники получили, по оценке П. Гордона, золотые (шотландец назвал их медалями) в 1 дукат, а некоторые русские полковники – вероятно, в 2 дуката. Сам Гордон, будучи генерал-поручиком, был награжден золотым в 3 дуката. Такие же награды были даны и после кампании 1689[357].

Ещё одним видом награждения для полковников были материальные ценности – ковши, соболя, шелковые ткани[358].

---

[353] Письма Патрика Гордона // Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 214.
[354] РГАДА. Ф. 210 Оп. 1 д. 10 л. 534об, 540об, 552об.
[355] Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. С. 1.22
[356] АМГ. Т. 3. №297. С. 294; Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Том IV. Выпуск 2. Л., 1961. С. 92-135.
[357] Гордон П. Дневник 1684-1689. С. 152, 201.
[358] АМГ т. 3. № 152. С. 137; Гордон. П. Дневник1684-1689. С. 201

Глава 3. Полковники в русском обществе

3.1. Полковники в служилой иерархии Русского государства

В традиционной русской служилой иерархии социальное происхождение большинства полковников как отдельных лиц было относительно невысоким. Около 70% его представляли иноземцы старого и нового выезда, которые в принципе не могли обладать высоким статусом в Русском государстве, даже несмотря на собственную знатность («Фанвизины» и «Фонзалены» составляли значительную часть полковников, кроме того, среди офицеров иногда встречалась и титулованная знать) и принятие православия, что делало их полноправными подданными.

Русская же часть полковников практически полностью состояла из незнатного провинциального дворянства, которое также не могло конкурировать с боярскими родами. Единственным выходцем из достаточно знатного рода был, по всей видимости, М. Р. Беклемишев[359] – впрочем, отмечается, что в XVII в. род Беклемишевых был не особенно влиятелен. Ещё одним заметным исключением среди полковников был К.П. Нарышкин, командир Новгородского гусарского полка, тесть Алексея Михайловича, которому в 1672 г., в честь рождения царевича Петра, было пожаловано боярство. Впрочем, осуществлял ли Нарышкин реальное командование полком, не вполне ясно – согласно исследованию В. Великанова, в походах 1673-77 гг. полк возглавлялся ротмистром, затем подполковником М. Челищевым, позднее ставшим полковником, а Нарышкин вообще не

[359] До получения полковничьего чина М. Беклемишев служил в полку В. Змеева. С учётом того, что род Змеевых происходит от рода Беклемишевых, этот факт выглядит курьёзным.

упомянут[360]. Среди младших офицеров и рядовых дворян при этом иногда встречались князья[361].

Невысокий уровень родовитости полковников освобождал командный состав от местнических споров и способствовал продвижению в чинах в первую очередь за счёт личных качеств и профессионализма. За исключением иноземцев, выслуживших высокие чины в иностранных армиях, большинство полковников было произведено «за службы» после значительной выслуги лет (как показывает анализ источников, пожалования за не связанные с исполнением служебных обязанностей среди старших офицеров были распространены незначительно[362]). С другой стороны, рост численности, роли и влияния полков «иноземного строя» повышали и престиж полковничьего чина.

Первое время существования полков «иноземного строя» (начиная с 1630 гг.) «обер-офицерские» чины занимали исключительно иноземцы, русские же люди в нижних чинах и сами по себе обладали невысоким статусом, будучи в лучшем случае беспоместными и мелкопоместными дворянами. Однако с конца 1640 гг., с развитием армии «новой модели» и появлением в её рядах, особенно на офицерских должностях, русских людей, в том числе представителей московских чинов, вопрос о соотношении старых и новых чинов не мог не появиться.

Первоначально престиж службы в полках «иноземного строя» был невысок, в том числе и для самих дворян – видимо, в первую очередь, для выборных и московских чинов. В начале 1650 гг. к Алексею Михайловичу поступило множество челобитных с просьбами «в рейтарах не быть». Царь стремился поднять престиж рейтарской службы, жалуя чины в стольники, но, видимо, это не улучшало настроений дворян, вынужденных подчиняться «некрещеным» немцам.

---

[360] Великанов В.С. Службы Новгородского разрядного полка в годы Русско-турецкой войны 1672-1681 гг. // Novogardia. № 4(8) (2020). С. 180-196. С. 183.
[361] Минаков С.Т. Первый русский генерал Венедикт Змеев…, С. 325, 327.
[362] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. Лл. 124-138.

В 1650 гг., для поднятия престижа рейтарской службы правительство ввело новые дворцовые чины – стряпчий и стольник в рейтарской службе. Впоследствии эти чины исчезают, но появляется практика жаловать заслуженных рейтарских полковников чином стольника. Большинство русских полковников рейтарского строя носили чины стольников. В 1680 гг. чин стольника получил Иван Сас, единственный из иноземцев нового выезда[363].

Кроме того, начиная с 1670 гг., в боярских книгах появляются чины стольников в начальных лицах и дворян в начальных лицах, отсутствующие ранее. Это говорит о росте роли служилого дворянства. К сожалению, до разделения «начальных лиц» по родам войск мысль отечественной бюрократии не дошла.

Эволюцию места полковников в служилой иерархии показывают записи в Дворцовых разрядах и иных документах. Так, при описании встречи грузинского царя Теймураза в 1658 г. сразу после голов московских чинов записан «начальных людей полковник рейтарской стольник Венедикт Андреев сын Змеев», а в самом конце списка, после боярских людей – полковники выборных полков солдатского строя А. Шепелев и Я. Колюбакин с полками[364]. Из другого описания «посольской стойки» 1661 г. видно, что рейтары указаны после людей конюшенного чину, а солдаты – в самом конце, ниже стрельцов[365].

В 1662 г. воеводы должны были обращаться к войскам с государевым «милостивым словом» в следующем порядке: после московских чинов

---

[363] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10. Л. 545 об. Точное происхождение И. Саса пока не установлено, но немецкая расписка свидетельствует о том, что он был нововыезжим иноземцем (См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59. Л. 428).

[364] Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды). Т. 3. СПб., 1852. Стб. 496, 497.

[365] Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 534, 535.

следовали полковники и головы (видимо, как сотенные, так и стрелецкие), затем – дворяне и дети боярские и «всяких чинов ратные люди»[366].

Интересный пример служилой иерархии даёт «Обнародование о вступлении в совершеннолетие царевича Алексея Алексеевича» от 1 сентября 1667 г.. В конце документа перечисляются денежные и поместные пожалования служилым людям. После всех московских чинов указано «полковником рейтарским, и драгунским, и солдатским, и полковником же и головам московских стрельцов [придачи] против той же статьи, кто в каком чину в Розряде в списку написан». Затем упомянуты дьяки, городовые дворяне и дети боярские, дворовые и городовые, в самом конце «полуполковником и полуголовам и иных нижних чинов начальным людем и рейтаром, кто в которых московских чинех и в городовых списках в которых статьях написаны»[367].

На первый взгляд представляется, что чин полковника в иерархии стоит ниже даже чина жильца. Однако упоминание в том же ряду стрелецких голов, обыкновенно назначавшихся из дворян московских[368], говорит скорее об общем преимуществе придворных чинов над военными. В то же время написание стрелецких голов после полковников не только рейтарских, но даже солдатских и драгунских полков, то есть, априори не выборных, также показывает на рост значения полковничьего чина.

Полковничий чин, однако, с самого начала оказался привлекательным для московских стрелецких голов, явно считавших себя более знатными, чем «некрещеные» немцы и при этом имевших под началом вдвое меньшие подразделения. С 1655 г. их часто жалуют чинами стольника и полковника, а численность приказов возросла до 1000 человек[369]. Процесс пришёл к

---

[366] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 12. Лл. 56об-57, 104 об.
[367] ПСЗРИ. Т. 1. № 415.
[368] Котошихин Г.К. О России…, С. 28.
[369] Курбатов О.А. «Стрелецкий строй» XVII века? К вопросу о внутренней организации стрелецких приказов и сотен //Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М.: Древлехранилище, 2020. С. 105-133. С. 121.

логическому завершению в 1680 г., когда стрелецкие приказы были окончательно переименованы в полки, а их командиры из голов, пятисотенных и сотников – в полковники, подполковники и капитаны[370].

С течением времени новые чины становились всё более привычны и понятны, что не замедлило сказаться на их «честности». В описании посольской стойки 1673 г. московские чины – головы стольников и дворян – прерываются генералом[371], за которым следуют три полковника-иноземца[372], которые, конечно, не могли иметь какого-то московского чина. Что характерно, как минимум двое из них служили не рейтарскую, а менее почетную драгунскую службу. Далее следуют головы жильцов.

Спустя 11 лет в грамоте о пожаловании генерала А. Шепелева за службы 1676-81 гг. приводится следующая иерархия: после названных поименно бояр и окольничих (в числе которых фигурировал генерал В. Змеев) указаны размеры пожалования «столником и рейтарского и салдатского и московских стрелецких полков полковником и стряпчим и дворяном московским и жильцом и начальным людем и городовым дворянем и детем боярским и копейщиком и рейтаром»[373].

Уравнивание полковников с московскими чинами показывает постепенное врастание новой системы чинов в служилую иерархию.

Разумеется, конную службу дворяне считали единственной «честной», даже для полковничьего чина. Из документов прослеживается четкая дифференциация между статусами конных (рейтарских и немногочисленных гусарских) и пеших (солдатских и драгунских) полковников. Вторые в русской служилой иерархии оказались ниже стрелецких голов, и русские служилые люди шли в пехоту неохотно. Около 60% русских полковников

---

[370] ПСЗРИ. Т. 2. № 812. С. 253.
[371] По всей видимости, Ф.А. Фанбуковеном.
[372] Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 916.
[373] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин. С. 203.

служило в рейтарских или гусарских полках. Среди солдатских и драгунских полковников русских было менее 20%.

Как видно, основным показателем статуса служилого человека оставался его чин в традиционной служилой иерархии – при этом, судя по всему, даже вполне привычный за сто лет существования чин головы московских стрельцов оставался в этом отношении вторичен. Но с падением роли поместной конницы и увеличением значения полков «иноземного» строя (а также стрелецких приказов) увеличивалась и значимость и престижность полковничьего чина.

Примечательно, что некоторые русские офицеры полков «иноземного строя» продолжали считать нормальным «местничаться» с полковыми воеводами. Так, после Севской битвы 1668 гг. воевода С. А. Куракин жаловался царю, что рейтарские полковники вместе с сотенными головами отказались подчиняться его товарищам М. М. Дмитриеву и князю Б.Е. Мышецкому как недостаточно знатным. В результате Куракин отправил полковников и сотников в самостоятельные «посылки»[374].

Общей тенденцией в русском обществе XVII века явилось ослабление боярской аристократии и усиление позиций служилого дворянства. В царствование Алексея Михайловича среди правящей элиты появляется множество сравнительно неродовитых дворян, выдвинувшихся за счёт личных качеств или родства с царём – Стрешневых, Милославских, Нарышкиных и таких выдающихся деятелей, как А. С. Матвеев и А.Л. Ордин-Нащокин. За счёт этих лиц растёт Боярская дума. Большое значение приобретает Ближняя дума[375].

Выходцы же из старинных боярских родов часто назначаются на воеводство в крупные города (Новгород, Астрахань) – на достаточно почетные должности, но в удалении от центральных органов власти. Но

[374] Бабулин И.Б. Война за возвращение Украины…, С. 126-127.
[375] Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 34-37.

практически никогда в эти города не отправляется «новая знать»[376]. Напротив, эти лица становятся руководителями приказов.

Так, тесть царя И.Д. Милославский, талантливый администратор и обладатель прекрасной памяти[377], долгое время возглавлял Стрелецкий, Иноземный, Рейтарский и Оружейный приказы и Большую казну и фактически исполнял роль военного министра[378], невзирая на нелюбовь к нему царя[379]. Также выделяются Ю.А. Долгоруков, выдвинувшийся благодаря браку с Морозовыми, тоже возглавлявший Стрелецкий и Пушкарский приказы, Б.М. Хитрово (которого сослуживцы считали худородным[380]), руководивший Ствольным приказом, а затем, на протяжении 25 лет – Оружейной палатой, уже упомянутые А.Л. Ордин-Нащокин и А.С. Матвеев. Родовитость постепенно теряла своё значение – так, описывая князя В.В. Голицына, де ла Невилль отмечал, что «канцлер» высоко ценил неродовитых, но способных людей[381]

Следует также отметить усложнение системы государственного управления и связанный с ним рост численности бюрократии. Служба дьяком считалась ещё менее «честной», чем воинская – в Боярских книгах дьяки писались почти в самом конце, после служилых иноземцев, и без отчеств, даже будучи из дворян и невзирая на крупное денежное и поместное жалованье[382]. При этом российское «дворянство мантии» приобретало всё большее влияние и также было заинтересовано в отмене местничества. Ярким примером выдвиженца из низов бюрократии служит карьера думного дьяка В.Г. Семенова, прошедшего всю служебную лестницу, начиная с

---

[376] Светова Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013. С. 26-28.
[377] Коллинс С. Нынешнее состояние России…, С.32
[378] Светова Е.А. Двор Алексея Михайловича..., С. 29.
[379] Известен случай, когда Алексей Михайлович крепко побил тестя
[380] Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович… С. 42.
[381] Де ла Невилль. Записки о Московии. С. 135.
[382] Рогожин Н.М. Боярская книга 1658. С. 257.

подьячего, и возглавлявшего Разрядный приказ в 1676-1680 и 1682-1690 гг.[383].

Тенденция к усилению служилого дворянства заметнее всего проявилась в увеличении влияния полков «иноземного строя», ставших, наряду со стрелецкими приказами, основой русской армии, и их высшего командного состава, вставшего рядом с родовой аристократией. Закономерным итогом развития вооруженных сил стало «Соборное деяние об уничтожение местничества», принятое в 1682 г. и постановившее «никому ни с кем впредь розрядом и месты не считаться»[384]. Личные знания и профессионализм теперь официально были поставлены выше родовитости не только внутри круга служилых иноземцев, но и во всём русском обществе.

По оценке ряда историков, местничество было ликвидировано без особого сопротивления со старины боярской аристократии[385]. Показательно, что из разрабатывавших «Деяние» выборных людей пятеро были выходцами из полков «иноземного строя» – генералы В.А. Змеев, А.А. Шепелев и М.О. Кровков и полковники Г.Ф. Тарбеев и Ф.Т. Зыков. Важную роль в принятии проекта на Земском соборе сыграла критика местничества со стороны патриарха Иоакима, котоый до начала духовной карьеры несколько лет служил в рейтарском полку И. Фанбуковена, а после – в солдатском полку Ю. Гутцына, где дослужился до капитана[386].

Как отмечает Рогожин, «…полки «нового строя» и их генералы способствовали среди прочего отмене местничества и постепенному

---

[383] Новохатко О.В. Начальник Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов в делопроизводственных документах и частной переписке // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. М., 2016. С. 154-162.

[384] СГГД. Т. 4. М., 1828. С. 396 – 410.

[385] Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв., М.: Наука, 1978. С. 354.

[386] См.: Булычев А.А. О светской карьере будущего московского патриарха Иоакима Савелова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2009. — Вып. 4. — С. 33—35.

усилению служебного начала в назначениях на должность»[387]. То же самое можно сказать и о полковниках.

3.2. Служба полковников вне полков «иноземного строя»

Помимо непосредственного управления своими полками и обучения солдат, полковники периодически исполняли другие службы, зачастую далёкие от их профессиональных обязанностей.

Некоторые полковники использовались в первую очередь в качестве военных инженеров. Как следствие, подчиненные им части зачастую приобретали инженерный уклон и массово снабжались соответствующим снаряжением[388]. Инженерами являлись А. Грановский, Н. Бауман, П. Гордон (по многим оценкам, являвшийся лучшим инженером России того времени), А. Фамендин, Я. Фанфростен, Т. Бели. Трудами указанных инженеров укреплялись такие стратегические города, как Вильно, Киев и Чигирин. В строительстве Белгородской черты значительную роль играл А. Крафферт[389]. Значительную роль в упорной обороне Вильны сыграли укрепления, возведенные капитаном (впоследствии полковником) М. Бердовиком по проекту полковника Т. Бели[390]. Позднее служивший на «Орле» парусный мастер Я. Стрейс сообщал, что Т. Бели укрепил г. Терки «прекрасными валами, больверками и рвами». Во время восстания Разина Бели занимался укреплением Астрахани (где, вероятно, и был убит)[391].

Другим способом использования полковников-иноземцев, как и иных офицеров, было направление их в качестве инструкторов в стрелецкие приказы[392]. Начало этому было положено ещё в правление Михаила

---

[387] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 134.
[388] См.: Курбатов О.А. Полк Антония Грановского…, С. 322-325.
[389] АМГ Т. 2. №189. С. 121-122.
[390] АМГ. Т. 3. № 36. С. 38.
[391] Стрейс Ян. Три путешествия. С. 213, 356.
[392] Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй. / Под редакцией А. В. Арциховского. – М., 1979. С. 252.

Фёдоровича, когда полковнику А. Краферту было поручено двух московских приказов[393]. В 1657 г. полковник Ю. Инглес, которому было поручено обучать стрельцов, просил направить ему в помощь офицеров, знающих немецкий[394]. В 1657 г. в Астрахань «стрелцам для ученья» была направлена группа офицеров во главе с полковником Г. Фанстаденом. В 1661 г. П. Гордону было поручено, ещё до принятия им присяги, обучить стрелецкого голову[395].

Существует как минимум один пример назначения полковника «иноземного строя» командиром над малороссскими казаками. В 1680 г. Острогожский слободской черкасский полк возглавил заслуженный полковник Иван Сас[396]. На должности командира полка он оставался до своей смерти в 1693 г..

Сразу после русско-польской войны Алексей Михайлович озаботился созданием военно-морского флота. Действия русских стругов на Балтийском море в 1656 г., несмотря на ряд успехов[397], совершенно не могли удовлетворить царя, и он обратился к западноевропейскому опыту кораблестроения. К строительству первого русского корабля «Орел» и других кораблей был привлечен, помимо прочих, полковник Корнилиус Фанбуковен, который «на мори многия пути хаживал, и морской карабелной бой ему в обычей, и карабелное дело […] знает»[398]. На протяжении всех

---

[393] Курбатов О.А. «Стрелецкий строй» XVII века? К вопросу о внутренней организации стрелецких приказов и сотен. С. 120.
[394] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 867. Л. 354.
[395] Белокуров С.А. Дневальные записи…, С. 19; Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 111.
[396] Великанов В.С. Организация и численность Белгородского разрядного полка в Крымских походах 1687 и 1689 гг. // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: КОНСТАНТА: Изд-во Сичкаревой, 2020. Вып. 5. С. 27-37. С. 28; Иван Семенович Сасов: [электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/sasovivse.php. Дата обращения: 12.08.2020.
[397] См.: Шмелёв К.В. Казаки на Балтике и русско-шведская война 1656-1658 гг..//Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700-1762). Выпуск II. СПб, 2002. – 86 С. С. 74-76.
[398] ДАИ. Т. 5. № 46. С. 218.

работ он занимался руководством строительства и за свою деятельность получал максимальное для полковника жалованье – 50 рублей[399].

Семейство Фанбуковенов внесло большой вклад в историю России. Исаак Фанбуковен стал одним из основателей русской регулярной армии. Его старший сын Филипп Альбертус одним из первых выслужился до генерала. Младший сын мог бы стать одним из основателей русского флота, но, как известно, история пошла иным путём – «Орел» был потерян в ходе разинского бунта, и труд Корнилиуса оказался почти забыт.

Совершенно различные службы исполнял полковник выборного солдатского полка М. Кровков. В 1669 г. он занимался «разбором» в очередной раз провинившихся комарицких драгун. Разбор, по всей видимости, был проведён успешно, поскольку в 1672 г. Кровков был направлен для «сыска» злоупотреблений в Смоленском уезде, где ему пришлось, помимо прочего, разбирать дела дворцовых крестьян[400]. Он также отметился и в создании флота. В 1673 г. при подготовке несостоявшегося Государева похода на Азов, Кровков с частью солдат Второго выборного полка заготовлял лес «на струговое дело»[401].

Полковники иногда использовались для доставки сеунчей, как правило, это хорошо награждалось. В частности, доставлял сеунчи С. С. Скорняков-Писарев[402].

Некоторые полковники во время поездок за границу исполняли государственные поручения – к примеру, найм мастеров. Полковник А. Форот входил в состав посольства князя С. Прозоровского в Англию в качестве толмача, в процессе завербовал нескольких офицеров и был запечатлен на известной картине. В частности, в 1668-1669, 1670 и в 1671-

[399] Стрейс Ян. Три путешествия. С. 179.
[400] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 148-149.
[401] Малов А.В. Московские выборные полки…, С. 114.
[402] Рогожин Н.М. Боярская книга 1658. С. 240-241.

1672 гг. полковник Н. Фанстаден выезжал за границу по поручению А. Матвеева, где занимался вербовкой различных специалистов[403].

Некоторые полковники исполняли функции разведчиков. Так, в 1653 г. посольством в Польше был завербован полковник Клавдиус Деспевиль. В течение года он «проведывал всякие вести», за что при въезде в Россию в 1654 г. получил повышенные подъёмные[404]. Полковник Юрья Кит, явившийся из Риги в ставку Алексея Михайловича под взятым в осаду Смоленском и принятый на службу, вскоре после окончания кампании получил приказ вернуться в Ригу и собирать сведения, в чём преуспел благодаря соплеменникам-шотландцам[405].

На посольской службе отметился П. Гордон, в 1666-67 гг. ездивший в Англию с царской грамотой. Использование иноземца в такой роли, да ещё и без надзора со стороны русских чиновников было редким явлением и говорит о высоком доверии к шотландцу со стороны Алексея Михайловича. Помимо посольской службы, Гордону было велено «про моровое поветрее, в коих аглинских городех было, велеть сказать»[406], что и было исполнено[407].

Полковники, при сохранении командования полком, иногда назначались на воеводства в некрупных городах. Указ Алексея Михайловича от 1661 г. требовал назначать воеводой только раненых или побывавших в плену служилых людей (что во время русско-польской войны, как правило, соблюдалось[408]). Среди полковников, для которых воеводская служба не стала концом карьеры (как, например, для А. Грановского), можно отметить

---

[403] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 148; Курлаев Е.А. Участие иностранных специалистов в поисках серебряной руды на Южном Урале в 1670-е годы // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004. М., Древлехранилище, 2006. С. 119-121.

[404] РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1. Л. 29-30; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : [В 15-ти т.].-СПб., 1861-1892 (Далее – АЮЗР). Т. 10. СПб., 1878. — 470 с. С. 571.

[405] АЮЗР. Т. 14. 1889. С. 645-651.

[406] Документы о миссии П. Гордона в Лондон // Гордон П. Дневник 1659-1667. с. 223.

[407] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 207.

[408] Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVIIв. // Очерки феодальной России. — М., 2004. — Вып. 8. С. 166-167.

Г.Ф. Тарбеева, бывшего воеводой в Чебоксарах в 1670-1672 гг. и в Переяславе, Ф.А. Зыкова, воеводы в Сургуте в 1664-1667 гг.,[409] И.С. Саса в Острогорске в 1676-1679 гг.[410] и Г.И. Косагова, бывшего воеводой в Саранске в 1671-1673 гг.. Сроки их службы на воеводстве в целом совпадают с обычным двухгодичным[411]. Обязанности воеводы в занятом в 1656 гг. Кокенгаузене (переименованном в Царевич-Дмитриев) некоторое время, судя по всему, исполнял В. А. Волжинский – при постоянном отсутствии на месте воеводы А. Л. Ордина-Нащокина[412].

В 1667 г. В. Змеев был назначен воеводой в Тамбов, однако воеводство продлилось недолго – в марте 1668 г. опытный полковник понадобился для усмирения мятежа гетмана Брюховецкого и был отозван в Москву[413]. Спустя год Змеев был назначен воеводой в Вятку, где «просидел» до 1672 г. и, помимо обычных обязанностей воеводы, занимался организацией нового драгунского полка.

В 1676 г. полковник второго выборного полка М. Кровков был назначен комендантом в Чигирине, укрепления которого нашел в тяжелом состоянии. Кровков занимался их восстановлением, пока в апреле 1677 г. не был сменен генерал-майором А. Трауэрнихтом[414].

Д. Фандернисин в 1672-1673 гг. сопровождал экспедицию, искавшую серебряные и медные руды в Сибири[415]. В данной экспедиции, впрочем, он исполнял исключительно военные обязанности. За участие в экспедиции полковнику было увеличено жалованье. Экспедиция завершилась неудачно.

На начальном этапе формирования русской армии новой модели русская власть регулярно использовала иноземных специалистов в качестве

---

[409] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 138

[410] Иван Семенович Сасов: [электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/sasovivse.php. Дата обращения: 12.08.2020.

[411] Глазьев В.Н. Городовое воеводство…, С. 169.

[412] АМГ. Т. 3. №382, С. 349, №429. С. 381.

[413] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 139

[414] Малов А.В. Московские выборные полки…, С. 116-117

[415] Рогожин А.А. Генералитет…, С.68; Курлаев Е.А. Участие иностранных специалистов в поисках серебряной руды…, С. 127.

консультантов по военным вопросам. Сохранилось как некоторое число «писем» и «сказок», в которых офицеры описывали русским воеводам западноевропейские военные порядки, так и упоминания о других записках[416]. Позднее эта практика сократилась, но не прерывалась – в частности П. Гордон, уже будучи генералом, излагал свои соображения по вопросам войны с Турцией[417].

Своё слово сказали и обученные иноземному строю русские люди. Как опытные военные специалисты, генералы В.А. Змеев, А.А. Шепелев и М.О. Кровков, а также полковники Г.Ф. Тарбеев и Ф.Т. Зыков участвовали в разработке «Соборного деяния об уничтожении местничества».

Известно несколько случаев, когда полковники замещали выбывших из строя воевод. В 1660 г. князь Ю.А. Долгоруков назначил полковника А. Гохварта комендантом Старого Быхова взамен заболевшего воеводы[418]. В уникальном для иноземца положении оказался П. Гордон. В 1678 г. при обороне Чигирина погиб воевода И. Ржевский. Офицеры избрали комендантом шотландца, и в дальнейшем Гордон умело отбивал приступы турок, а во время последней атаки покинул крепость одним из последних.

По мере пребывания в Москве полковники, как русские, так и иноземцы, участвовали в придворных церемониалах, в качестве как командиров подразделений, так и представителей слоя.

Как видно, русское правительство периодически использовало полковников в иных качествах, нежели военных специалистов. Пик использования полковников «не по назначению» приходится на условно-межвоенный промежуток 1667-1672 гг., когда правительство, видимо, желало компенсировать высокие расходы на содержание военных специалистов в мирное время извлечением из них максимальной пользы. Но, как правило, с активными военными действиями полковники вновь отправлялись в полки.

---

[416] Перевод с галанскова письма…, С. 9; АМГ. Т. 2 №540. С. 335-336; №555. С. 347.
[417] Гордон П. Дневник 1684-1689. С. 7-11.
[418] АМГ. № 235. С. 229.

3.3. Вероисповедание офицеров-иноземцев

XVI и XVII века как в западной Европе, так и в России стали временем роста роли религиозного фактора как показателя идентичности и самосознания. Религиозные войны, и в особенности Тридцатилетняя война, начавшаяся как конфликт католиков и протестантов, продемонстрировали всю значимость этого фактора. Ярким примером является история Нидерландов. Из двух частей с этнически однородным населением с одинаковым уровнем общественного развития северные провинции, в которых господствовал кальвинизм, на протяжении восьмидесяти лет вели борьбу против католической Испании и добились независимости, тогда как католические южные провинции (будущая Бельгия) сохранили лояльность Габсбургам.

Особенностью же религиозной идентичности в России стала ассоциация русского подданства с принадлежностью к русской православной церкви. Представители других вероисповеданий, включая иные православные церкви, оставались в статусе иноземцев с соответствующими правами и обязанностями, безотносительно сроков службы в России и иных факторов. В связи с этим вопрос о вероисповедании офицеров-выходцев из западноевропейских стран является в том числе и вопросом статуса иноземцев и уровня их лояльности Русскому государству.

При этом одной из особенностей отношений Русского государства к иноземцам (в первую очередь – к выходцам из западноевропейских стран) была относительная веротерпимость, уровень которой с середины XVII в медленно возрастал. Среди служилых иноземцев насчитывалось заметное число религиозных диссидентов – как католиков, так и протестантов, не говоря уже о балканских православных[419].

Среди полковников-иноземцев, бывших в основном выходцами из германских и голландских земель, наиболее распространенным было

[419] Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI-XVII вв. С. 9.

исповедание различных форм протестантизма. «Элита армии демонстрировала религиозность… Полковники, наряду с купцами-промышленниками и царскими врачами составляли ядро лютеранского и кальвинистского приходов»[420]. К концу XVII в. Немецкой слободе действовали три протестантских церкви – две лютеранские и одна кальвинистская, а также существовала община пресвитериан, в 1640-1650 гг. возглавляемая полковником А. Крафертом[421]. Протестантские пасторы исполняли важную обязанность – приводили единоверцев к присяге, а также служили капелланами[422].

Некоторые офицеры-лютеране, судя по всему, отличались значительной набожностью – так, Н. Бауман «со товарищи», в основном офицерами, организовал строительство в Немецкой слободе новой протестантской церкви и на собственные средства содержал пастора. Новая кирка получила название Офицерской[423]. Некоторые другие полковники являлись активными деятелями протестантской общины.

Заметным отличием от военных преобразований предыдущего царствования стал приём на службу католиков. Если в 1630 г. при формировании полков «иноземного строя» А. Лесли получил недвусмысленный приказ «французан и иных, которые римския, папежския веры, однолично не наймовать»[424], то спустя 20 лет желание получить опытных офицеров возобладало как над религиозными соображениями, так и над опасениями перехода офицеров-католиков на сторону католической Польши.

---

[420] Там же. С. 349.
[421] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 51.; Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI-XVII вв. С. 12; Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие. С. 165.
[422] АМГ т. 2 №248. С. 156; Орленко С.П. Ук. соч.., с. 104; Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI-XVII вв. С. 349.
[423] Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 93-94.
[424] СГГД. Т. 3. С. 317.

Офицеров-католиков представляли в основном английские и шотландские роялисты, покинувшие Англию после поражения в гражданской войне. Появление их на русской службе не случайно – если представители Парламента в 1649 г. были высланы из страны, поскольку «ведомо учинилось, что англичане всею землёю учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля убили до смерти», то отношения со сторонниками Стюартов продолжались. Отношение к роялистам, среди которых было немало католиков, уже столетие подвергавшихся притеснениям в Англии, оставалось благожелательным[425]. Значительная часть роялистов, впрочем, покинула русскую службу в 1660 г. в связи с реставрацией монархии.

Другой группой офицеров-католиков стали поляки и литва, с отвоеванием западнорусских земель поступившие на русскую службу. В большинстве своём поляки формировали собственные отряды присяжной шляхты, со своими полковниками и даже генералами, но некоторые из них поступали в полки «иноземного строя». Таковыми были А. Рубцов, П. Стремичевский. Некоторые поляки крестились в православие (Х. Рыльский, Р. Корсак, позднее – тот же П. Стремичевский). Незначительное количество католиков происходило из других стран.

В целом католики составляли немногочисленную, но довольно сплоченную группу. Католики долгое время не имели своего духовенства и были крайне стеснены в оправлении таинств, вплоть до того, что для заключения браков им приходилось обращаться к протестантским пасторам. Ходатайства западноевропейских посольств успеха не приносили.

Католическая община Немецкой слободы в 1680 г. насчитывала около 80 человек, но в неё входили два генерала, в том числе П. Гордон, и несколько полковников. В 1684 г. община подала прошение разрешить

---

[425] Козулин В.Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII В.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой //Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2015. С. 100-101.

возведение католического храма, которое было проигнорировано[426]. Оказать помощь единоверцам пыталось и прибывшее в том же году имперское посольство, также безрезультатно. Тем не менее, в Москве с устного согласия В. Голицына остался прибывший с посольством пастор И. Шмидт, а для оправления богослужений был куплен дом. Духовная жизнь московских католиков значительно оживилась[427]. Полноценная католическая церковь в Москве появилась уже в 1690 г..

Резко негативное отношение к католицизму после Смуты хорошо известно. Тем не менее, длительное общение с «немцами» – католиками, а также отвоевание территорий Речи Посполитой со значительной долей католического населения, по всей видимости, способствовали некоторому смягчению отношения светских и церковных властей к «латинству». Собор 1667 г. постановил «Не должно перекрещивать латынян» – впрочем, прецеденты случались и после этого времени[428].

Находясь в православной среде, заметная часть офицеров-иноземцев принимала православие. Крещение означало закрепление связи иноземца с русским государством, что отличало их от остальных иноземцев. «Новокрещен» приобретал статус полноправного русского подданного, при этом он терял связи с родиной и возможности выезда из России по личным делам. Новокрещены были обязаны принимать русский образ жизни, носить русское платье и т.д., за чем внимательно следили духовные власти. Перекрещение зачастую негативно воспринималось бывшими единоверцами – как было в случае с А. Лесли[429]

Вместе с тем принятие православия способствовало интеграции в русское общество, обеспечению доверия со стороны властей и карьерному

---

[426] Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках : Исслед. Дм. Цветаева. – Москва : Унив. тип., 1886. С. 317.

[427] Андреев А.Н. Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь // Вестник ЮУрГУ. — 2017. — № 17. С. 10.

[428] Орленко С.П. Ук. соч. С. 144-145.

[429] Мейерберг А. Путешествие в Московию…, С. 94; Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие…, С. 157.

росту. А. Лесли и А. Бутлер, по оценке А. да Ченеды, «находятся в большой милости у Государя, не только по оказанной ими опытности в военном искусстве, но и по тому, что они не отказываются исповедывать русскую веру»[430].

Некоторые полковники были произведены в этот чин за крещение. Так, в 1654 г. подполковники Ф. Вормзер и А. Фамендин и майор И. Ниротморцев, приняв крещение, получили значительные пожалования и чины полковников. Впрочем, упомянутый в том же деле майор Я. Фангогендорф повышения в чине не получил[431]. Вероятно, свою роль сыграла и потребность государства в командирах для формируемых полков. В дальнейшем, видимо, такие случаи на уровне старших офицеров оставались единичными – так, в списке офицеров Иноземского приказа, явившихся на один из смотров в 1677 г., среди оснований для производства в чин крещение отсутствует[432] (впрочем, нельзя исключать неполноту содержащихся в документе сведений).

Значительные усилия к приведению полковников-иноземцев к православию были приняты в 1652-1654 г. – вероятно, в связи с грядущей войной с католической Польшей. Семейству А. Лесли были предъявлены обвинения в святотатстве и препятствовании крестьянам в оправлении веры, в итоге по решению суда поместье Лесли было отобрано в казну. В результате полковник, видимо, не будучи глубоко религиозным человеком, принял решение перейти в православие. Крещение одного из наиболее уважаемых иноземцев было обставлено на высшем уровне – сам обряд происходил в Чудовом монастыре в Кремле, а крестным отцом выступал И.Д. Милославский. В дальнейшем Лесли получил поместье в 1200 четей и генеральский чин.

---

[430] Курбатов О.А. Полк Антония Грановского…, С. 318.
[431] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. Л. 198.
[432] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. Лл. 124-138.

Исследователями отмечалось, что выступление Алексея Михайловича против Польши в 1654 г. имело черты крестового похода[433]. Это повлияло и на подбор командного состава полковников, возглавлявших полки главной армии – из 12 полковников-иноземцев 6 были новокрещенами (А. Лесли, А. Гипсон, А. Бутлер, Х. Рыльский, А. Грановский, В. Фандроцкий и А. Фамендин). В остальных группировках ситуация была иной – из десяти полковников три новокрещена (Ф. Вормзер, Е. Цыклер И. Ниротморцев) находились в армии А. Н. Трубецкого, по одному в Новгородском и Рыльском полках, ещё один – на Белгородской черте[434].

Впрочем, на кампании 1654 г. пристальное внимание царя к вероисповеданию полковников-иноземцев, по всей видимости, закончилось – соображения военной целесообразности взяли верх над религиозными воззрениями. Уже к 1660 гг. в фаворе Алексея Михайловича оказываются генералы-англикане У. Драммонд и Т. Далейль. Последний, не стеснявшийся конфликтовать с влиятельными воеводами и жаловаться на них царю (как, впрочем, и Драммонд), в дальнейшем прославился жестким подавлением восстания шотландских ковенантеров в 1679 г., за что заслужил у них прозвища «Кровавый Том» и «Зверь из Московии»[435].

За исключением событий 1652-1654 гг., ни светские, ни церковные власти не стремились прямо навязать иноземцам православие и не вели проповедей среди иноземцев. Вместо этого существовала практика социального давления, более сильного по отношению к младшему, чем к старшему офицерству. Переход иноземцев в православие, тем не менее, продолжался весь изучаемый период. Особенно это было характерно для

---

[433] Курбатов О.А. Ратное дело при Алексее Михайловиче в свете православной традиции // Церковь в истории России. / Отв. ред. В.М. Лавров. М., 2009. Сборник 8. С. 22-38.

[434] Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в 1654 г.: особенности формирования русского офицерского корпуса // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 40 - 51. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36230 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36230

[435] Ласкова М.В. «Московские строгости» в Шотландии: отголоски «русской службы» генералов Т. Дальелла и У. Драммонда // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17-19 мая 2017 года. СПб., 2017. Ч. III. С. 101, 103.

иноземцев «старого выезду» – вторых-третьих поколений, родившихся и выросших в России и постепенно ассимилировавшихся. К концу 1670 гг. некоторые иноземцы, как старого, так и нового выезду, настолько прижились в России, что их фамилии появились в Боярских книгах – Трауэрнихты, Ловзыны, Цыклеры, Корсаки, Стромичевские и иные.

Итогом русской религиозной политики стало то, что к концу XVII в. почти половину иноземных офицеров составляли новокрещены. На 1696 г. из 954 офицеров-иноземцев перешедших в православие было 455 человек[436].

Разумеется, далеко не всех новокрещенов прельщало православие как таковое. Часть из них, как семейство Лесли, крестилась под давлением властей, желая уйти от наказания или сохранить положение – Г. и Н. Фанстадены и К. Ригомон приняли православие, желая избежать сокращения офицерского корпуса, начавшегося в 1670 г.. Другие крестились из следовавших за крещением выгод – обеспечения доверия русских властей, продвижения по службе или назначения на выгодные должности (продвижение по службе, впрочем, следовало не всегда[437]).

Сам факт крещения не всегда означал значительной натурализации иноземца. Ярким примером тому может служить Афанасий Трауэрнихт. В первых же известных документах он называется православным именем – скорее всего, Трауэрнихт крестился вскоре после приезда в Россию. За 30 лет службы и выслуги генеральского чина Трауэрнихт, как следует из поданной на него жалобы, так и не овладел в совершенстве русским языком и держал переводчиков. К соблюдению православных обрядов генерал тоже не привык[438]. Вряд ли многие другие новокрещены, принимавшие православие в зрелом возрасте, могли оказаться усердными неофитами.

Впрочем, примеры обратного также известны. Въехавший в Россию в 1651 г. французский инженер и доктор богословия (!) Жан де Грон первым

---

[436] Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос…, С. 39; Великанов В.С. К вопросу об офицерском корпусе…, С. 339.
[437] Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI-XVII вв. С. 202.
[438] ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. № 101. С. 446.

же делом заявил, что желает перейти в православие и вскоре был крещен как Антоний Грановский (причем время оглашения он проводил в Чудовом монастыре, а крестным отцом ему стал сам царь Алексей Михайлович). В дальнейшем он написал антикатолический религиозный трактат, получил под командование драгунский полк, с которым прошел кампанию 1654 г., после чего был назначен воеводой в Уфу[439]. Подобное внимание властей к французу, до того не отметившемуся заслугами перед Россией, может быть объяснено тем, что тот выказал значительное религиозное рвение. Несмотря на то, что в своих донесениях шведский резидент оценил де Грона как авантюриста и проходимца, дальнейшее развитие событий показало, что как минимум в части своих намерений француз был искренен.

Некоторые иноземцы крестились уже под конец жизни – так, например, генерал Ф.А. Фанбуковен, католик, перешел в православие в 1674, когда, по словам своего зятя Ф. Лефорта, был уже стар и не служил, но получал большое содержание[440], успел съездить в родную Голландию и явно не испытывал материальных и политических затруднений. Пожалуй, единственной значимой причиной крещения могло быть желание оправления духовной жизни в церкви, сохранившей благодать через цепочку рукоположенных священников, чего жившие в России католики были лишены.

3.4. Нравы и быт иноземных офицеров.

До середины XVII в. иноземцы свободно селились в Москве и иных городах, но в 1652 г. все «немцы», не пожелавшие принять православие, были выселены за пределы Москвы, где образовали Немецкую слободу.

---

[439] Курц Б.Г. Состояние России..., С. 67-68.; Курбатов О.А. Полк Антония Грановского…, С. 319 и далее.
[440] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 61.

Численность населения таковой в 1660-х оценивается в 1000 человек[441]. Здесь жили не только торговые и служилые «немцы» с семьями, но и мастера, обслуживавшие Слободу. Немецкая слобода представляла собой небольшую культурную среду, находясь в которой, иноземцы могли сохранять национальную и социокультурную идентичность. Этому способствовали и последовавший в 1652 г. запрет на ношение иноземцами русской одежды, и ряд иных ограничений культурного плана. Население Слободы имело некоторую политическую автономность – при кирках существовали судебные органы, разбиравшие мелкие конфликты.

Иноземцы, не владевшие дворами, могли квартировать и внутри города, у русских хозяев[442]. Общины меньших размеров существовали и в других крупных городах. Иногда офицеры получали дворы нестандартным путём. Так, в начале 1650 гг. в московский двор служившего в Сибири дьяка Т. Васильева был поселен полковник А. Краферт, что вызвало большое неудовольствие владельца[443]. В 1658 г. полковник Е. Франзбеков по челобитью получил двор изменившего присяге шляхтича[444]

О степени ассимиляции иноземцев могут дать сведения их росписи в документах о выдаче денежного жалования. Обыкновенно нововыезжие иноземцы, даже проведя в России длительное время и имея возможность овладеть русским языком, предпочитали подписываться на своих языках. Даже при принятии нового имени при крещении иноземцы подписывались привычными старыми именами. Так, Афанасий Траурнихт продолжал подписываться как Анц[445]. Исключений немного. А. Гибсон и А. Бутлер

---

[441] Орленко С.П. Ук. соч., С. 49

[442] Орленко С.П. Ук. соч., С. 69.

[443] Переписка дьяка Третьяка Васильева // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете (далее – ЧОИДР). Кн. 9. М., 1851. С. 14-16.

[444] РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 90. Л. 270 об.

[445] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59. Л.400. В 1661 эта ситуация породила казус – в расспросных речах выехавшего в Россию брата Траурнихта, Марка, Анц/Афанасий отразился уже как Иван (РГАДА. Ф. 150. 1661. № 34. Л. 1).

подписывались новыми именами, хотя и по-английски[446]. А. Форот, выехавший в Россию в 1629 г. подростком[447], спустя 30 лет овладел русским языком настолько хорошо (и при этом не позабыл родной английский), что в 1662 г. принял участие в посольстве в Англию в качестве переводчика и в документах предпочитал подписываться по-русски. Р. Корсак, будучи выходцем из Речи Посполитой, вряд ли имел сложности в овладении русским языком. Русские подписи оставили также полковники И. Мевс и В. Шарф[448], точное происхождение которых пока не выяснено (П. Гордон назвал Мевса немцем[449]).

Иноземцы старого выезду, родившиеся в России, напротив, часто подписывались по-русски. Известны русскоязычные автографы полковников Д. Фанвисина, Я. Билса, В. Росворма, А. Выберха, П. Фрелиха, С. Вестова, М. Лицкина, И. и Е. Францбековых. Исключения, впрочем, имеются и здесь – Ю. Грабов, иноземец во втором поколении, предпочёл расписаться по-немецки[450]

Многие «немцы» приезжали в Россию с жёнами и детьми или обзаводились семьёй уже на месте. Дети и родственники офицеров, не имея особых вариантов несения службы, помимо военной, поступали в полки, продолжая дело отцов и выслуживая высокие чины. Иноземцы зачастую образовывали целые офицерские династии. Помимо Фанбуковенов, особо выделяются семейства Кро, Росформов, Трауэрнихтов, шотландцев Лесли, Гамолтонов и Крафертов и в особенности немцев Гулицов, давших России целых 5 полковников. Связь с подобной династией (не обязательно родственная) могла обеспечивать покровительство и продвижение в чинах –

---

[446] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 34. Лл. 345, 361.

[447] А. Форот сообщил, что выехал в Россию «с дядей своим родным… Я. Вымсом» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 17. Л. 294), а служить начал в 1634 г. По данным А. Малова, Я. Вымс выехал на русскую службу в 1629 (Малов А.В. Командиры частей нового строя в 1628-1636гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // Археографический ежегодник 2009-2010 годы. М., 2013. С. 126-143. С. 131.).

[448] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59. Лл. 110, 218, 403, 464,

[449] Гордон П. Дневник. 1659-1667. С. 101.

[450] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59. Лл. 100 об., 190, 358, 391, 464.

что можно видеть на примере П. Гордона, в 1660 гг. тесно общавшегося с генералами Д. Крафертом, Т. Далейлем и У. Драммондом – все шотландцы. В дальнейшем подобные связи способствовали и быстрому продвижению Ф. Лефорта. Тесноте сплочения способствовала небольшая численность иноземцев.

Подобные династии, хотя и в меньшей степени, были характерны и для русских – в чинах полковников в заметных количествах представлены Зыбины, Зыковы, Волжинские, Дубасовы, Змеевы и Шепелевы. Впрочем, здесь, в отличие от иноземцев, не всегда возможно установить степень родства.

Усиление связи иноземцев с Россией показывает существование значительного числа раненых, увечных, вдов и сирот, получавших денежный «корм» от правительства. На 1682 г. таковых насчитывается 445, на 1701 г. – 1035[451].

Дети крещеных «немцев» иногда переходили в стрелецкую службу, как минимум двое из них выслужились до полковников – Т. Х. Гундертмарк, сын Х. Гундертмарка, и И. Е. Цыклер, сын Е. Цыклера, прославившийся организацией заговора против Петра I[452].

Находясь в окружении чуждой культурной среды, иноземцы тесно общались друг с другом, по-видимому, объединяясь по национальному и конфессиональному признаку, а в периодически возникавших конфликтах активно поддерживая товарищей.

Национальная солидарность особенно была характерна для шотландцев. Дневник П. Гордона изобилует описаниями неформальных связей скоттов. Показательным примером национальной солидарности шотландцев стал конфликт генерала У. Драммонда с немецким купцом

---

[451] Котошихин Г.К. О России…, С. 155-156; Петрухинцев Н. Н. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18-20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. II. С. 232-233

[452] Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 215, 223.

К. Колем, закончившимся коллективным избиением последнего. В другом конфликте, произошедшем в 1665 г. между капитанами Х. Улманом и Ю. Смитом, на сторону последнего мгновенно встало несколько старших офицеров-шотландцев[453].

Оказываясь по долгу службы в разных городах, иноземные офицеры поддерживали общение почтой. Так, П. Гордон вёл переписку с генералом Д. Грэмом, полковниками А. Гамолтоном, Я. Ронартом, А. Фамендином, П. Мензиусом[454]. В тесном обществе иноземцев информация о делах друг друга распространялась весьма быстро, даже подробности службы офицеров в других городах – дневник шотландца содержит сообщения о пленениях, дуэлях и смертях разных офицеров.

«Стремление к сватовству и супружеству было всеобщим»[455]. Жившие в Немецкой слободе иноземцы довольно активно роднились между собой, П. Гордон в течение только одного 1662 г. упоминает о нескольких свадьбах, на многих из которых он присутствовал лично. В частности, Я. Фанговен женился на вдове М. Кармихеля[456]. А. Шель назван «brother in law»[457] генерал-майора А. Трауэрнихта[458]

Сам Гордон женился на дочери Ф. А. Фанбуковена. Фанбуковен в тот момент был в польском плену, и Гордон в течение нескольких лет хлопотал об его освобождении, задействовав даже короля Карла II Стюарта. Хлопоты успехом не увенчались – тесть возвратился из плена только по окончании войны. Второй женой Гордона также стала дочь полковника Я. Ронарта. Старшая же дочь шотландца вышла за полковника Р. Штрасбурга.

Интересно, что старшие офицеры не стеснялись быть гостями у значительно более младших в чине – по крайней мере, у соотечественников.

---

[453] Орленко С.П. Преступление и наказание капитана Христиана Улмана: происшествие 1665 // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004. М., Древлехранилище, 2006. С. 338.
[454] Гордон П. Дневник 1684-1689. С. 58, 59, 158-159.
[455] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 124.
[456] Там же. С. 121.
[457] Может означать шурина, зятя, свояка или деверя.
[458] Гордон П. Дневник 1677-1678. С. 6.

Например, на свадьбе капитана П. Мензиуса сам Гордон, тогда подполковник, был резчиком[459], а генерал У. Драммонд – посаженным отцом. Не считались зазорными и дуэли между офицерами с высокой разницей в чине – например, между полковником и ротмистром[460]. Вероятно, иноземные офицеры уже тогда осознавали себя более или менее единой общностью, внутри которой хорошим тоном считалось относительное равенство – насколько об этом уместно говорить для структуры со строгой служебной иерархией. Вероятно, фигурировавшие в документах слова «моя братия» были больше, чем формальным оборотом. Браки, впрочем, чаще заключались между более-менее равными семействами.

Иноземные офицеры привносили в Россию и элементы бытовой западноевропейской культуры. В Немецкой слободе устраивались балы, танцы, маскарады, скачки и тому подобные развлечения[461], в которых иногда участвовали и русские люди.

С течением времени русские и иноземцы, похоже, привыкают к совместной жизни. Уже около 1650 гг. дьяк Т. Васильев, недовольный тем, что в его отсутствие на его московский двор поселили полковника А. Краферта, возмущался причиненным ущербом, но отнюдь не «немецким» происхождением квартиранта[462]. Служба под одним знаменем не могла не сплотить разноплеменных офицеров. Сообщений о совместных обедах и праздниках русских и иноземных полковников в дневнике П. Гордона становится всё больше, как и об обедах, даваемых воеводами: «Я был на свадьбе у полковника Мензиса […], где были Голицыны и молодой Долгорукий», «Мы все обедали у окольничьего на именинах его сына»; «у полковников Кишкина и Капустина»; «мы обедали у боярина [Ф.П. Шереметева]»; «Мы обедали у боярина и полковника Переяславского,

[459] Почетный гость, который нарезает кушанья и распоряжается за столом.
[460] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 121, 122
[461] Рогожин А.А. Генералитет…, С. 182.
[462] Переписка дьяка Третьяка Васильева // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Кн. 9. М., 1851. С. 14-16.

кои все со своими супругами пришли ко мне»; «вечером стольник пришёл ко мне и повеселился», «мы все на пиру у боярина обильно напились и делали много визитов. Боярин и Мазепа ужинали у меня»; «мы все обедали у окольничьего, и он мучил нас здравицами»[463]. Иногда офицеров приглашали и к царскому столу[464]. Довольно высокое общество собралось на похоронах сына Гордона в конце 1684 г. – офицеры, кузнецы, студенты и преподаватели Киевско-Могилянской коллегии[465]. По всей видимости, нормальным было завещать сослуживцу какую-то ценность[466].

Интересно ещё одно свидетельство шотландца, относящееся к большому совету в 1688 г., посвященному войне с Турцией: «там патриарх [Иоаким – В. К.] поносил меня и говорил, что [русское] оружие не может преуспеть или чего-либо достичь, ибо, по его словам, «еретик имеет под своей командой лучших людей в нашей державе»[467], однако он был резко осаждён всей знатью и даже подвергся насмешкам»[468]. Даже если Гордон переоценил своё влияние, факт поддержки иноземца русской знатью весьма показателен.

Со свидетельством Гордона согласуется мнение Мейерберга: «Справедливо удивится всякий, что московский народ, привыкший ставить ни во что иноземные народы из гордого своенравия, не отказывает в повиновении иностранным начальникам»[469]. На практике, разумеется, дела обстояли не столь гладко – нежелание дворян служить в рейтарах под началом иноземцев хорошо известно по документам[470]. Тем не менее, за десять лет существования полков «иноземного строя» определённое улучшение отношения к иноземцам не могло не произойти.

---

[463] Гордон П. Дневник 1677-1678. С. 37; он же. Дневник 1684-1689. С. 48, 34, 37, 50, 52, 59.
[464] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 156.
[465] Гордон П. Дневник 1684-1689. С. 36.
[466] Там же. С. 53.
[467] Осведомленность Иоакима в военных вопросах неудивительна. Как уже отмечалось, до принятия сана будущий патриарх успел прослужить в полках «иноземного строя».
[468] Гордон П. Дневник 1684-1689. С. 178.
[469] Мейерберг А. Путешествие в Московию…, С. 180.
[470] РИБ. Т. 10. С. 484.

Интересно взаимопроникновение западноевропейских и русских традиций. Так, 26 декабря 1684 г. П. Гордон провел «у думного [дьяка – В. К.], за обычными русскими развлечениями». 1 января уже «боярин с супругой были у меня, веселились и танцевали». В церковные и престольные праздники и в честь побед давался пушечный, а иногда и ружейный салют[471]. В доме Фанбуковенов прижились русские традиции – П. Гордон, ухаживая за дочерью Ф. А. Фанбуковена, отметил, что при встрече та вынесла ему чарку водки «по местному обычаю»[472]. Ряд источников отмечатет, что на Пасху с иноземцами обменивались яйцами и христосовались, не делая различий в знатности и вероисповедании, даже женщины, что никого не возмущало[473]. По сообщению Рейтенфельса, Алексей Михайлович «предоставляет… более свободы, нежели прежде, в сношениях с мосхами»[474]

Среди множества офицеров разных наций, проживавших в Немецкой слободе и действовавших в рамках западноевропейских понятий о чести и достоинстве, периодически вспыхивали личные ссоры и служебные конфликты, иногда оканчивавшиеся дуэлями. В некоторых из дуэлей участвовали и полковники. П. Гордон описывает ряд поединков, в некоторых из которых принимал участие. В частности, он отмечает произошедшую даже не в Слободе, а в Севске дуэль полковников М. Литцкина и Я. Страсборха, закончившуюся смертью первого[475]. Каким-то образом Страсборх сумел избежать наказания и погиб спустя полтора года.

В России же развитие центральной власти вкупе со специфическими понятиями дворянства о личной чести привело к тому, что социальную функцию дуэли выполняло судебное разбирательство. К середине XVII в. исчезло и применение «поля» – судебного поединка. Русская власть не

---

[471] Гордон П. Дневник 1684-1689. С. 41. 42, 59, 72, 77, 163; Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656-1658: проблема критики военно-исторических источников // Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. С. 206.
[472] Гордон П. Дневник 1654-1667. С. 126.
[473] Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы…, С. 257.
[474] Рейтенфельс Я. Сказания…, С. 289.
[475] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 122.

признавала иноземных понятий о дуэли, квалифицировала их как уголовные преступления, и зачастую для дуэлянтов дело кончалось казнью.

В этих условиях иноземцы перенимали и русские обычаи защиты чести[476]. Освоившиеся в России «немцы» зачастую налаживали отношения с русскими властями традиционным русским способом – поисками покровителей и подарками, что в дальнейшем способствовало достижению их целей[477]. В результате конфликты между офицерами выливались в длительные процессы, иногда с участием высокопоставленных вельмож. Так, в 1658 г. полковник А.Г. Фанстробель начал тяжбу с ротмистром М. Полтевым из-за якобы нанесенного ему оскорбления. Итог дела неизвестен, но судя по тому, что в пользу Полтева дал показания ротмистр Ф. Беклемишев, тяжба кончилась ничем[478]. Известен также случай, когда власти обратились к полковнику П. Гордону для разрешения спора между генерал-майором Ф. Вульфом и полковником А. Росформом[479].

Можно констатировать, что к концу XVII в. иноземные начальные люди, как минимум, старшие офицеры, даже не будучи крещеными, воспринимались властью и сослуживцами не только как чужие люди, которых до поры до времени приходится терпеть, но как уважаемые соратники. Вероятно, благодаря этому в 1680 гг. имело место смягчение препятствий ко въезду иноземцев в Россию[480].

---

[476] Курц Б.Г. Состояние России…, С. 110; Орленко С. П. Ук. соч. С. 56-57.
[477] Гордон П. Дневник 1659-1667. С. 115.
[478] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 870. Лл. 11, 36-37.
[479] Гордон П. Дневник 1677-1668. С. 7-8.
[480] Там же. С. 107.

Заключение

XVII век стал временем кардинальных изменений в русском военном деле. Старые формы организации русского войска постепенно отступали на второй план, а на смену им приходили вооруженные, организованные и обученные на западноевропейский манер роты и полки, возглавляемые полковниками и генералами. Новшества проникали и в наиболее консервативные структуры – даже поместная конница получила ротную организацию.

Этот период стал временем формирования русского офицерского корпуса и в первую очередь – корпуса полковников, в противовес традиционной служилой иерархии, занимавших своего положение не благодаря родовитости, а за счет личных качеств и служебных достижений. На начальном этапе он состоял в основном из иноземцев, достаточно опытных, чтобы возглавить полки, но, начиная с 1660-х, начинается массовое производство в полковники русских людей. В дальнейшем русские люди, включая обрусевших потомков иноземцев, составляли значительную долю среди старших офицеров – от 20% до 30%.

Полковники-иноземцы происходили в основном из протестантских земель Германии и Нидерландов, а также из Англии и Шотландии. Будучи ветеранами западноевропейских войн, они способствовали перенятию протестантской военной школы. Численность выходцев из католических стран была довольно небольшой, причём зачастую это были религиозные диссиденты, нашедшие в России возможность относительно свободного исповедания своей веры.

При поступлении на русскую службу полковники были обязаны доказать свою компетентность, а дьяки по мере возможностей наводили о них справки. Это хотя и не полностью избавляло русскую армию от случайных людей и карьеристов, но в целом обеспечивало приемлимый уровень компетенции.

Система чинопроизводства, будучи приближенной к западноевропейской, не оставалась свободной от недостатков. Продвижение в чинах сильно зависело от Разрядного приказа и ограничивалось наличием вакансий. Распространение имело производство в чин не за выслугу лет, а за посторонние заслуги – впрочем, большинство полковников производилось именно за заслуги. Вкупе с крайне затрудненной возможностью отставки эти факторы сдерживали развитие офицерского корпуса. Некоторые офицеры пребывали в одних и тех же чинах 10, 20, а иногда и 30 лет.

Основной задачей полковников, помимо непосредственного командования полком, было обучение солдат, с чем, при должных условиях (качество личного состава, своевременное снабжение и выплата жалованья), они в целом справлялись. Для обучения использовались как военные учебники, так и личный опыт. Помимо практических приёмов, иноземные офицеры привносили в русскую армию и западноевропейские традиции, некоторые из которых сохранили актуальность по сей день. Будучи представителями служилого сословия, полковники активно участвовали в боях и нередко гибли. На поле брани погибло около 8% всех полковников и один генерал.

По сравнению с западноевропейскими нормами, полномочия полковников на русской службе были заметно урезаны. Полковники не имели судебной власти над солдатами, не участвовали в выдаче жалованья, не имели возможности создавать посторонние должности – численность офицеров в полку четко регламентировалась. Это показывает, что западноевропейские нововведения не механически копировались, а осмыслялись и дополнялись русским опытом.

Полковникам было положено довольно крупное жалованье, позволявшее поддерживать приличествующий уровень жизни. Из-за перманентных финансовых проблем жалованье не всегда выплачивалось в полной мере, что в 1660 гг. являлось причиной регулярных протестов иноземцев. Однако оно, по всей видимости, было одним из основных

факторов, обеспечивающих лояльность полковников, в том числе попавших в плен. В отличие от петровских времён, размер полковничьего жалованья у русских и иноземных офицеров практически не отличался. Кроме того, Русское государство брало на себя содержание офицерских вдов и сирот. Русские же полковники, а также новокрещены, являлись обладателями крупных поместий, сопоставимых по размерам с боярскими.

Помимо своих основных задач, полковники использовались правительством для других служб – от дипломатических до административных. Достаточно распространенным было назначение на воеводство в некрупных городах. Но, как правило, эти назначения оставались второстепенными, совершались в относительно мирные периоды, и в случае начала широкомасштабных боевых действий полковники возвращались в полки.

Появление рядом с традиционной служилой иерархией, положение в которой определялось родовитостью, новой служилой иерархии, основанной на личных способностях, и, более того, включение в неё значительного числа представителей элитных слоёв общества, поставило вопрос об их соотношении. Вопрос медленно решался в пользу последней – на протяжении всего XVII в. в правящий слой входило всё больше выслужившихся выходцев из незнатных родов. В первую очередь это связано с полковниками и генералами – их положение становится всё выше, а отдельные лица (В. Змеев, Г. Косагов и др.) даже входят в Боярскую думу, что при уровне их знатности было бы немыслимо в рамках одной только традиционной служилой иерархии. Важным шагом в усилении служилого начала стала ликвидация местничества.

Для многих офицеров военная карьера в полках «иноземного строя» стала социальным лифтом, позволившим занять в русском обществе высокое положение. Более двадцати полковников, в основном иноземцев, дослужились до генеральских чинов, некоторые же русские полковники выдвинулись по придворной иерархии, получив думные чины. Впрочем, из-

за незавершенности формирования русского генералитета для большинства офицеров чин полковника оставался венцом карьеры.

Значительное число иноземных офицеров, остававшихся на русской службе, принимало православие. По всей видимости, новокрещены мотивировались скорее практическими, чем религиозными соображениями, хотя известны и обратные случаи. Принятие православия способствовало интеграции иноземцев и их потомков в русском обществе. К концу XVII в. около половины офицеров иноземного происхождения являлось новокрещенами. Вместе с тем постепенно увеличивалась терпимость русских властей к протестантизму и к католицизму.

Находясь в России, иноземное офицерство сформировало свою небольшую культурную общность, зачастую объединяясь по национальному или конфессиональному признаку. Внутри этой среды они имели возможность долгое время сохранять свою идентичность. Внутри если не всего иноземного офицерства, то внутренних объединений, существовало относительное равенство его членов – насколько можно говорить о равенстве в иерархичной структуре. Это положение являлось одним из предшественников социально-культурного равенства внутри дворянской корпорации в России XVIII-XIX в.

Первоначально русские люди не выказывали желания служить под началом «некрещенных». Однако длительная совместная военная служба постепенно сблизила русских и иноземных офицеров, даже не принимавших православие. На протяжении XVII в. отношение власти и русских военных к иноземцам постепенно улучшалось. В русскую жизнь постепенно проникали западноевропейские обычаи, а иноземцы воспринимали русскую культуру.

Исходя из этого, можно констатировать, что к концу XVII в. в России был в общем сформирован дееспособный офицерский корпус, отвечавший вызовам времени. Вместе с тем он сохранял ряд недостатков в системе чинопроизводства, которые требовали устранения. Некоторые другие его

недостатки, скорее всего, могли быть преодолены в ходе естественного развития вооруженных сил.

Заметные изменения в составе корпуса полковников произошли в начале правления Петра I. По невыясненным пока причинам он значительно превосходил потребности армии, при этом доля русских полковников снизилась менее чем до 10%. Вероятно, сказалось благоволение молодого царя к иностранцам. В дальнейшем офицерский корпус был сокращен до разумных пределов, но иноземным офицерам было законодательно положено более крупное жалование, нежели русским.

Список источников и литературы

I. Неопубликованные источники

1. Российский Государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию.
2. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Боярские книги.
3. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Смотренные списки.
4. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Московского стола.
5. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Записные книги Московского стола.
6. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Новгородского стола.
7. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
8. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола.
9. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола.
10. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола.
11. РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ.

II. Опубликованные источники

12. «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII-первая половина XVIII вв. М., 1989. С. 8-23.
13. «Что в государстве делаетца дурно... »: «Государево дело» стряпчего И.А. Бутурлина. 1634 г. / Публ. подгот. Т.А. Лаптева // Исторический архив. 1993. № 4. С. 178-186.
14. 1647 —1650 гг. Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897
15. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. В 3 т. / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Тип-ия Императорской Академии Наук, 1890-1901.

16. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : [В 15-ти т.].-СПб., 1861-1892. Т. 10. СПб., 1878.
17. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : [В 15-ти т.].-СПб., 1861-1892. Т. 14. СПб., 1889.
18. Белокуров С.А. Дневальные записи приказа Тайных дел 7165-7183 гг. М., 1908.
19. Боярская книга 1658 года. / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Б/и, 2004.
20. Гордон П. Дневник 1659-1667. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2003.
21. Гордон П. Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 33.
22. Гордон П. Дневник 1684-1689 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосов. М.: Наука, 2009.
23. Ведомость войскам, бывшим в Крымском походе 1689 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858 / Приложения. № XI. С. 388-389.
24. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1911. Кн. 3. С. 4-53.
25. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии). Т. 3. СПб., 1852.
26. Де ла Невилль. Записки о Московии. М., 1996.
27. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848.
28. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1853.

29. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1867.
30. Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861.
31. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М. 1846. С. 13.
32. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1884.
33. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Том III. С января 1671. М.: Изд. Академии наук СССР, 1962.
34. Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 г.г. по донесениям Родеса. М., 1914
35. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. М. 1874.
36. Мышлаевский А.З. Выезд в Россию Франца Лефорта. (Современная переписка) // Русская старина, № 3. 1898. С. 640-645
37. Перевод с галансково письма... что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов — ответ / Публ. А.В. Малова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 7-9.

38. Переписка дьяка Третьяка Васильева // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Кн. 9. М., 1851.
39. Переписные книги города Москвы 1665-76. М., 1886.
40. Письма Патрика Гордона // Гордон П. Дневник 1659-1667.
41. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. Т. 1. СПб., 1830.
42. Посошков И.Т. О ратном поведении // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1911. С.126
43. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М. Фонд Сергея Дубова. 1997.
44. Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира. 1654 г. // Витебская старина. Т.IV. Отд. 2. Витебск, 1885. С. 347-352
45. Роде А. Описание второго посольства в Россию датского Посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Проезжая по Московии. М. Международные отношения. 1991. С. 301.
46. Роспись перечневая ратным людем, которые во 189-м году росписаны в полки по розрядам // Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива, с присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов / Приложения. М., 1842. С.71-92
47. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1872.
48. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. 4. М., 1828.
49. Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строю, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинен

в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Ч. 1. Кострома, 1793-1794 гг.

50. Стрейс Ян. Три путешествия. М., 1935.
51. Фабрициус Л. Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. 1. Л.: Наука. 1968.
52. Челобитная полковника Александра Гамильтона из Заонежья о неповиновении русских солдат иностранным офицерам // Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004., с. 289-90.
53. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.

III. Литература

54. Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. Брянск, 2001.
55. Андреев А.Н. Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь // Вестник ЮУрГУ. — 2017. — № 17. С. 8-11.
56. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002.
57. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
58. Бабулин И.Б. Война за возвращение Украины 1668-1669. М.: Русские витязи, 2021.
59. Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века. // Рейтар. 2005. №7(19). С. 57-88.
60. Бабулин И.Б. Генерал из Шотландии // Армии и битвы. 2004. № 3. С. 46-48.
61. Бабулин И.Б. Гусарские полки в русской армии XVII века // Рейтар. 2004. № 9(12). С. 27-44.
62. Бабулин И.Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа. М.: Русские Витязи, 2015.

63. Бабулин И.Б. От Лондона до Смоленска. Боевой путь генерал-майора фон Друшке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. IV. С. 1-38. <http://www.milhist.info/2013/03/29/babylin_2> (14.05.2015)
64. Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах. М,: Русские витязи, 2018.
65. Бабулин И.Б. Состав русской армии в Чудновском походе 1660 г. // Рейтар. 2006. № 4(28) С. 22-41.
66. Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
67. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.
68. Бочкарев А.С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года. // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42. № 8. Петрозаводск. 2020. С. 93-101.
69. Брикнер А.Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.
70. Брусницына Д.В. «Начальные люди» Олонецких полков пашенных солдат (1649—1666) // CARELiCA [Научный электронный журнал] — 2013, — № 1(10). — С. 170-185.
71. Булычев А.А. О светской карьере будущего московского патриарха Иоакима Савелова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2009. — Вып. 4. — С. 33—35.
72. Великанов В.С. К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Великой Северной войны. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции, 14-16 мая 2014 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. с. 338-354.
73. Великанов В.С. Организация и численность Белгородского разрядного полка в Крымских походах 1687 и 1689 гг. // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной

черты. Белгород: КОНСТАНТА: Изд-во Сичкаревой, 2020. Вып. 5. С. 27-37.

74. Великанов В.С. Российский гарнизон в Гадяче 1664-1668 гг. (эпизод становления российского военно-административного присутствия на Украине). // Славяноведение. № 4. 2018 г. С. 40-48.
75. Великанов В.С. Службы Новгородского разрядного полка в годы Русско-турецкой войны 1672-1681 гг. // Novogardia. № 4(8) (2020). С. 180-196. С. 183.
76. Великанов В.С. Службы Севского полка в 7196 г. и строительство Новобогородицкой крепости // Studia internationalia. Материалы V Международной научной конференции "Западный регион России в международных отношениях X-XX вв." (29 июня -1 июля 2016 года). Брянск: РИО Брянского государственного университета. 2016 г. С. 60-66.
77. Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М.: Центрполиграф, 2003.
78. Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVIIв. // Очерки феодальной России. — М., 2004. — Вып. 8. — С. 122-164.
79. Дмитриев А.В. Войска "нового строя" в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008.
80. Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII века. Ч. I / Отв. ред. А.М. Сахаров. М., 1979
81. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – М.: 1895.
82. Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярных войск, о ново и славяносербских поселениях, о полках гусарских и пандурских, и о военных школах // Сборник военно-исторических материалов Т. 16, СПб, 1904.
83. Зотов Р.М. Военная история Российского государства. Ч. I. СПб., 1839.
84. Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954.

85. Козулин В.Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII В.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой //Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2015. С. 100-101.
86. Коротков В.О. «…И всем начальным людем люб был». «Свидетельственные листы» иноземных офицеров на русской службе в середине XVII в. // Исторический архив. М., 2021. № 6. С. 162-171.
87. Коротков В.О. Жалованье командиров полков «иноземного строя» в 1650-1680 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. Орёл, 2021. № 2. С. 101-112.
88. Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в 1654 г.: особенности формирования русского офицерского корпуса // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 40 - 51. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36230 URL: https://nbpublish.com/ library_read_article.php?id=36230
89. Коротков В.О. Полки «иноземного строя» и их командиры после Государева похода 1655 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 127-133.
90. Коротков В.О. Социально-культурное положение командного состава русской армии во второй половине XVII века // Актуальные проблемы истории России [Электронный ресурс] : сборник научных трудов молодых учёных, аспирантов, магистрантов кафедры истории России средних веков и нового времени / отв. ред. В.Э. Багдасарян. – Электрон. текстовые дан. (2,30 .Мб). – М. : ИИУ МГОУ, 2018.
91. Коротков В.О. Царь Алексей Михайлович как руководитель военных походов 1654-1656 // Российский исторический процесс: сборник научных трудов студентов, магистров и аспирантов кафедры истории России средних веков и нового времени / отв. ред. В.Э. Багдасарян. – Москва : ИИУ МГОУ, 2015. С. 32-35.

92. Курбатов О.А. «Стрелецкий строй» XVII века? К вопросу о внутренней организации стрелецких приказов и сотен //Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М.: Древлехранилище, 2020. С. 105-133.
93. Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017
94. Курбатов О.А. Генезис «генеральских полков» русской армии в 1654-1665 гг. Ссора воеводы кн. Юрия Никитича Барятинского и генерал-поручика Вилима Дромонта в контексте одной из реформ русской армии второй половины XVII века // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. 304-327.
95. Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 29.
96. Курбатов О.А. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сборник статей. СПб., 2013. С. 231-249..
97. Курбатов О.А. Западные воинские обычаи в русских вооруженных силах середины XVII века: пути проникновения и проблемы бытования // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VIII Международной научно-практической конференции. СПб., 2017 г. С. 31-54.
98. Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг. Дис. … кан. ист. наук. М., 2002.

99. Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы XVII века // Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 251-252

100. Курбатов О.А. Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского // Журнал “Цейгхауз” № 19 (3/2002). С. 4-6.

101. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656 – 1658 годов // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 157-197

102. Курбатов О.А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630-1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. III. — С. 237-340 <http://www.milhist.info/2017/03/16/kyrbatov_6> (16.03.2017).

103. Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656 – 1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014 Вып. 3 С. 90-136.

104. Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иностранных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 316-335.

105. Курбатов О.А. Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654-67 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2 — Москва: Квадрига, 2011, с. 502-510.

106. Курбатов О.А. Ратное дело при Алексее Михайловиче в свете православной традиции // Церковь в истории России. / Отв. ред. В. М. Лавров. М., 2009. Сборник 8. С. 22-38.
107. Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 274-288.
108. Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656-1658: проблема критики военно-исторических источников // Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. С. 201-219.
109. Курбатов О.А. Шляхетские формирования Великого княжества Литовского царской службы в боевых действиях 1654-67гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 152-156
110. Курлаев Е.А. Участие иностранных специалистов в поисках серебряной руды на Южном Урале в 1670-е годы // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004. М., Древлехранилище, 2006. С. 117-133.
111. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010
112. Ласкова М.В. «Московские строгости» в Шотландии: отголоски «русской службы» генералов Т. Дальелла и У. Драммонда // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17-19 мая 2017 года. СПб., 2017. Ч. III. С. 100-105
113. Лисейцев Д.В. «Циклопические сооружения»: действительные и мнимые недостатки приказного строя Московского царства XVI-XVII веков // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — № 3(9). — С. 75-84.

114. Лобин А.Н. «Большой голландский наряд» во второй половине XVII века: опыт организации артиллерии по иностранному образцу // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13-17 сентября 2006 года. СПб., 2006. Ч. 3. С. 10-14.
115. Лобин А.Н. "Против недругов стоял и бился мужественно...". Датский офицер на службе у русского царя // Родина. 2006. № 11. С. 90-93.
116. Лобин А.Н. Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672-1681 годов // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12-14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 29-42.
117. Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686г. // Белгородский краеведческий вестник. Белгород, 2006. – Вып. 6. — С.75–90. С. 77.
118. Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы Русско-шведской войны (1656-1658) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18-20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. I. С. 534-549
119. Малов А.В. Земский собор 1642 года и записка Алексея Михайловича о ратном деле в контексте военного строительства в России в 40-х годах XVII века // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество "Ратник"». Белгород, 2020. С. 199-212.
120. Малов А.В. Знамена полков нового строя // Цейхгауз: военно-исторический журнал. №15 (3/2001). С. 6-10;
121. Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630-1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118-131

122. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677-1678 годах // Гордон П. Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005.
123. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006.
124. Малов А.В. Сквадрон ротмистра Христофора Рыльского в 1634 г. или появление гусарского строя в России // Тульский кремль и южные рубежи России. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 109-135.
125. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России: Выпуск II. СПб, 1891.
126. Минаков С.Т. Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной армии. М., 2017.
127. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899.
128. Новохатко О.В. Начальник Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов в делопроизводственных документах и частной переписке // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. М., 2016. С. 154-162.
129. Ноздрин О.Я. «Против недругов стоял и бился мужественно…» Клан Драммондов на службе царю и отечеству // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12-14 мая 2010 года. СПб., 2010. Ч. II. С. 154-163.
130. Ноздрин О.Я. Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16-18 мая 2012г. СПб., 2012. Ч. II. С. 434-440
131. Опарина Т.А. Иноземцы в России в XVI-XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

132. Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 141-166.
133. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004
134. Орленко С.П. Преступление и наказание капитана Христиана Улмана: происшествие 1665 // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004. М., Древлехранилище, 2006. С. 336-345.
135. Павленко Н.И. Лефорт. М.: Молодая гвардия, 2009.
136. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010.
137. Пенской В.В. Военная революция в Европе XV-XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194-206.
138. Пенской В.В. От лука к мушкету: Вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития Белгород, 2008.
139. Петрухинцев Н.Н. «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658-1660 гг. на южные служилые города России (по материалам городов Липецкого края) // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 106-129.
140. Петрухинцев Н.Н. "Финансы войны" и офицерский корпус полков "нового строя" в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263-292.
141. Петрухинцев Н.Н. К характеристике формирований "нового строя" накануне военных реформ Алексея Михайловича // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15-17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. III. С. 502-523.

142. Петрухинцев Н.Н. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18-20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. II. С. 219-240.
143. Проскурякова М.Е. «…На твоей государеве службе на Олонце … для ратного салдатцкого строю»: Биографии иноземцев полка Александра Гамильтона // CARELiCA. 2020. № 1(23). С. 62–91.
144. Проскурякова М.Е. Избранные для службы в Олонецком уезде: Иноземцы в полках пашенных солдат в 1640-е — 1650-е гг.. // Петербургский исторический журнал. СПб, 2018. № 4. С. 7-25.
145. Прудовский П.И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Ковно от польско-литовских войск в конце 1658 – начале 1659 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2 — Москва: Квадрига, 2011. С. 342-247.
146. Рогожин А.А. Генералитет полков «Нового строя» в россии второй половины XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2014.
147. Рогожин А.А. Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 132-141.
148. Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских воинских формирований и подготовка для них командирских кадров // Военно-исторический журнал. 2012. № 9. С. 21-25.
149. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.
150. Рыжков А.С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. Электрон, ст. URL: http://illmik/petrsu/ru/2006news3/ Ryzhkov2.html. Дата обращения: 05.11.2014

151. Светова Е.А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти. М., 2013.
152. Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Дис. … док. ист. наук. Воронеж, 2015.
153. Скобелкин О.В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. № 4-1. С. 212-216
154. Соловьев С.М. История России с древнейших времён // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. Т. 13. М., 1991.
155. Соловьев Ю.П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Саратов, «Техно-Декор», 2019. – Вып. 12-13. – 484 с. С. 102-126.
156. Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Том IV. Выпуск 2. Л., 1961. С. 92-135.
157. Сташевский Е.Д. Смоленская война. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.
158. Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996. С. 34-37.
159. Устрялов Н.Г. Русское войско до Петра Великого. СПб., 1856.
160. Цветаев Д.В. Генерал Николай Бауман и его дело : Из жизни Моск. Ново-инозем. слободы в 17 в. М., 1884.
161. Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886
162. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890
163. Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637-1694), СПб., 1906

164. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв., М.: Наука, 1978.
165. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954
166. Шмелёв К.В. Казаки на Балтике и русско-шведская война 1656-1658 гг..//Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700-1762). Выпуск II. СПб, 2002. С. 74-76.
167. Agoston G. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500-1800 // Kritika: Explorations in Russia and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 2. P. 281-319.
168. Davies B. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500-1700 Lnd & NY, 2007.
169. Dunning C. Were Muscovy and Castile the first fiscal-military states? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191-197.
170. Miller D. The landsknechts. London, 1994.
171. Simpson Grant G. (ed). The Scottish soldier abroad, 1247-1967. Edinburgh & Maryland, USA, 1992.

IV. Электронные ресурсы

171. Иван Семенович Сасов: [электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/ biograf/bio_s/sasovivse.php. Дата обращения: 12.08.2020.
172. Русские «немцы»: конно, людно и оружно: [Электронный ресурс]. // Архив разрядного приказа. URL: https://von-buddenbrock.livejournal.com/30326. Дата обращения: 12.08.2020
173. The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE): [Электронный ресурс]. URL: https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/. Дата обращения: 12.08.2020.

Приложения

Приложение 1.
Список полковников полков «иноземного строя», служивших в России в 1645-1689 гг..

В настоящей таблице приведены имена полковников, возглавлявших полки «иноземного строя» в России в 1645-1689 гг., сгруппированные по алфавиту. Имена полковников приводятся согласно русским документам, если в историографии не устоялось иное написание. Многочисленные «Фанвисины» сгруппированы вместе. Новокрещены и иноземцы не разделены. Период службы в чине полковников приведен по мере выявления его из источников, даты в скобках означают крайние выявленные даты, в которых полковник упоминается в этом чине. Дальнейшая служба персоналий, произведенных в генеральские чины, в таблице не учтена. Соответственно, в таблице не учтён Д. У. Грэм, начавший службу в России сразу в генеральском чине.

Сокращения:

- Статус: «И» - нововыезжий иноземец, «Н» - новокрещен, «Р» – русский, «С» - иноземец старого выезду».
- Род войск: ВС - выборные солдаты, Г - гусары, Д - драгуны, Р - рейтары, С - солдаты.
- Национальная принадлежность: Анг – Англия, Дан – Дания, Имп – Империя, Ирл – Ирландия, Лив – Ливония, Нид – Нидерланды, Нор – Норвегия, Пол – Польша, Прус – Пруссия, Рос – Россия, Св – иноземец старого выезду; Фр – Франция, Швц – Швейцария, Шот – Шотландия.
- Вероисповедание: А – англиканин, К – католик, Кв – кальвинист, Л – лютеранин, П – православный. В случае отсутствия в таблице указания на вероисповедание следует предполагать какую-либо форму протестантизма.

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Алент Вилим		И		Д	1654-1659	
Алферьев Федор	Рос	Р	П	Д	Ок. 1656	
Англер Иван				С	(1671-1676)	
Англес Юрьи Иванов с.				С	1655-до 1680	
Андреев Александр	Рос	Р	П	Р	Ок. 1671	
Аничков Петр	Рос	Р	П	ВС	Ок. 1677	Стольник
Балк Николай	Лив	И	Л	С	1664-1695	
Балман Мартин				С	Ок. 1689	
Барклай Александр	Шот	И		С	1654	Вероятно, убит под Шепелевичами
Баров Иван Алферьев				Р	(1679-1699)	
Баров Яган				С	(1676-1686)	
Бауман Николай	Имп	И	Л	С	1658-1659	Генерал с 1659; покинул Россию в 1670
Беин Самойло		И			(1661-1669)	Гранатных дел мастер
Беклемишев Моисей Романов	Рос	Р	П	Р	1668- после 1681	
Беклемишев Федор Корнилов	Рос	Р	П	Р		
Беклер Иван		Н	П	С	Ок. 1661	
Бели Томас (Baillie Thomas)	Шот	И		С	1656-1671	Погиб в восстании С. Разина
Бердовик Матвей Тимофеев (Borthwick)	Св	С		С	1671-после 1681	
Бердяев Дмитрий Андреев	Рос	Р	П	Р	1660-е	
Билс Яков	Св	С		Р	1660-1677	Генерал с 1677

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Бойт Томас Томасов (Boydd Thomas)	Шот	И		Р	(1656-1660)	
Болдвин Мартын Лаврентьев				С	(1677-1695)	
Борнет Андрей (Burnett Andrew)	Шот	И		С	(1678-1681)	
Братцев Василий Володимеров	Рос	Р		Р	1687- после 1696	
Брынк Семен				Д	1658-1659	Погиб при штурме Конотопа
Брюс Вилим (Bruce William)	Шот	И		С	1658-1680	
Буйнов Григорий	Рос			С	(1687-1689)	
Буларт Ицых				Р	Ок. 1689	
Бутлер Яган (Алексей)		Н		С	1653-1657	
Бюст (Бюстов) Василий	Св	С		В	С 1680	
Вен Юрья		И		С	1653-1654	
Вестов Михаил Захарьев	Св			С	1662- после 1689	
Вестов Самойло Захарьев	Св			С	1664-после 1681	
Витфорт Владимир (Whiteford Walter)	Шот	И	К	С	До 1662	Покинул Россию в 1662
Вод Александр	Св			Р	1660-после 1664	
Вод Иван	Св					
Воейков Семен Евстратов	Рос	Р		С	(1677-1679)	Стольник
Волжинский Василий Антонов	Рос	Р		С	(1661-1662)	
Волжинский Василий Дружинин	Рос	Р		С	1661 - после 1674	
Володимеров Василий	Рос	Р		С	Ок. 1687	
Вормзер Федор (Wormser Theodor)	Имп	Н		Р	1654-1668	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Военков Семен	Рос	Р	П	Вс	Ок. 1677	
Воронин Борис Анофриев	Рос	Р		С	(1663-1677)	
Вреде Яган				Р	Ок 1689	
Вульф Франц	Имп	И		Р	1665-1675	Генерал с 1675
Выберх Олферей Олферьев				С	1662-после 1686	В плену в 1662-1674
Вяземский Любим Игнатьев	Рос	Р	П	Д	(1662-1676)	
Газениус Петр				С	Ок. 1689	
Гамолтон Александр (Hamilton Alexander)	Шот	И		Д	1646-после 1659	
Гамолтон Александр Александров (Hamilton Alexander)	Св	С		Р	1673-после 1677	
Гамолтон Андрей (Hamilton Andrew)	Шот	И		С	1654-после 1678	
Гамолтон Андрей Андреев (Hamilton Andrew)	Шот				До 1689	
Гаст Иван Иванов	Св	С		С	1662-после 1695	
Гаст Петр Иванов	Св	С			(1671-1677)	
Гейс (Гез) Томас			Л	С	1655-после 1665	
Гейс Эрдан				С	Ок 1665	
Гель Адам (Gulle (?) Adam)	Имп	И	Л	Д	1660-после 1665	
Гипсон Рычерт (Александр) (Gibson Richard)	Шот	Н		С	1651-1658	
Гогольшин (Огольшин) Крестьян Павлов				Р	Ок. 1664-1665	
Голохвастов Василий Яковлев	Рос	Р	П	Д	1650-1653	Из поместной конницы
Голст Петр				С	(1681-1684)	
Гопт Иван	Св			Р	Ок. 1689	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Гопт Михайло	Св?			Р	1660- после 1688	
Гордон Патрик (Gordon Patrick)	Шот	И	К	С	1665-1678	Генерал с 1678
Готфрид Яков				С	Ок. 1687	
Гохварт Адам (Urquhart Adam)	Шот	И		С	1655-после 1665	
Грабов Юрья	Св	С		С	1659-после 1671	
Грановский Антоний	Фр	Н	П	Д	1654-1655	
Грановский Иван	?			С	Ок. 1686	
Граф Дирик (Graum (?) Diedrich)	Лив	И	Л	С	1662-1668	Умер в плену в Гадяче
Гулиц Андрей	Имп			Р	До 1681-1689	Генерал с 1689
Гулиц Иван	Имп			Р	(1677-1689)	
Гулиц Индрик Андреев	Имп			С	1658- после 1679	
Гулиц Кашпир Андреев	Имп			С	1676-после 1688	
Гулиц Яган Андреев (Gulix Johan)	Имп			Д	1661- после 1677	
Гундертмарк Яган (Христофор)	Дан	Н	П	Д	1654-1660	
Гурик Мартын Федоров				С	1665-после 1681	
Гутцын Юрий	Анг	И		С	1653- после 1659	С 1659 в плену
Далейль Томас (Dalyell Thomas)	Шот	И	А	С	1656	Генерал с 1656; покинул Россию в 1666
Данилов Алексей	Рос	Р		Р	Ок. 1660	
Дей Даниил				Р	Ок. 1689	
Делсон Андрей Семенов				С	(1685-1695)	
Деспевиль Клавдиус Францискус Рекольдин (de Speuille)	Фр	И		Д	1654-1655	Покинул Россию в 1655

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Дефром Юрья				С	(1658-1663)	
Джонстон Вилим (Jonston William)	Шот	И		Р	1657-1659	Погиб в Конотопской битве
Дренар Яков Абрамов/Андреев		Н	П	С	1676-после 1677	
Дромонт Вилим (Drummond William)	Шот	И		С	1656	Генерал с 1656; покинул Россию в 1666
Дромонт Никита Петров	Рос	Р	П	Р	1668- после 1681	Стольник
Дубасов Иван Болшой Силин	Рос	Р	П	С	Ок. 1681	
Дубасов Иван Меншой Силин	Рос	Р	П	Д	Ок. 1677	
Дукляс Роборт (Douglas Robert)	Шот			Р	1661	Погиб при Кушликовых горах
Ельчанинов Иван Дорофеев	Рос	Р	П	Р	1659-1660	Стольник; погиб в Чудновской битве
Ердан (Иордан) Давид				С	1660-после 1663	
Ершов (Эршов, Эршхофф) Фредерик	Имп	И		С	1661-после 1668	
Жилин Василий Степанов	Рус	Р	П	Р	Ок. 1671	Стольник
Жданов Иван	Рос	Р	П	Вс		
Закс Юрьи	Имп	И		С	1654-1658	Из плена
Захаров Иван	Рос	Р	П	Вс	Ок. 1677	
Зборовский Федор Данилов	?			С	Ок. 1689	
Змеев Венедикт Андреев	Рос	Р		Р	1654-1674	Генерал с 1674
Змеев Илья Андреев	Рос	Р		Р	1676-1682	
Золотарев Яков Иванов	Рос	Р	П	С	До 1677	
Зубов Афанасий	Рос	Р	П	Р	Ок. 1669	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Зубов Степан Офонасьев	Рос	Р	П	Р	(1668-1674)	Стольник
Зыбин Давыд Иванов	Рос	Р	П	Р	1661-1671	
Зыков Михаил Андреев	Рос	Р	П	Р	(1675-1689)	Стольник
Зыков Федор Андреев	Рос	Р	П	Р	1659-после 1677	Думный дворянин
Зыков Федор Тихонов	Рос	Р	П	Р	1660-1682)	Думный дворянин
Игнатов Петр	Рос	Р	П	Вс		
Инглес Юрья Иванов (Inglis George)	Шот			С	1656- после 1677	
Инвалт Яган (Enwaldt Johann)		Н		С	1658-ок. 1664	
Калбрехт Иоган (Galbraith Johan)	Шот			Р	Ок. 1676	
Калбрехт Тобиас (Galbraith Tobias)	Шот			С	(1679-1686)	
Камал Иван				С	1656	Погиб под Дерптом
Кармихель Вольтер (Carmichael Walter)	Шот	И		С	1656-1662	
Кармихель Мунг (Мартын) (Carmichael Mungo)	Шот	И		С	До 1647-1655	Погиб под Брестом
Кегелкин Иван				С	До 1671-1682	
Кемен Ирик		И		С	1659-после 1671	
Кинкет Александр	Имп	И		С	1661-после 1665	
Кит Юрьи (Keith George)	Шот			С	1655-1660	
Кобатов Иван	Рос	Р	П	С	Ок. 1688	Из пушкарских голов
Колюбакин Яков Максимов	Рос	Р	П	В	1658-1661	Из поместной конницы; погиб в битве

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
						под Кушликовыми горами
Копнин Леонтий Алексеев	Рос	Р	П	Р	Ок. 1662	
Корсак Рофайло	Пол	Н	П	Д	1653-после 1677	
Корсаков Богдан	?			Р	(1689-1700)	Генерал к 1700
Косагов Григорий	Рос	Р	П	Р	Ок. 1668-1677	Из поместной конницы; генерал с 1677
Кох Федор Петров				Р	(1679-1689)	
Краферт Александр (Crawford Alexander)	Шот	И		Д	1636-1655	
Краферт Данило (Crawford Daniel)	Шот	И	К	С	1654-1663	В плену в 1660-1661; генерал с 1663
Краферт Карл	Шот	И			Ок. 1655	
Краферт Томас (Crawford Thomas)	Шот	И		С	1654-до 1677	
Краферт Юрья Юрьев	Шот			С	1674- после 1677	
Краферт Яган (Crawford John)	Шот	И		С	(1650- 1665)	
Кречетников Василий Васильев	Н/о	Р/Н	П	Д	1646-1657	
Кро Елизарий	Св			С	(1671-1681)	
Кро Захарий Елизарьев	Св			Р	До 1689-1700	Убит под Нарвой
Кро Христофор	Св			С	(1686-1689)	
Кровков Любим	Рос	Р	П	Вс	Ок. 1677	
Кровков Матвей	Рос	Р	П	В	1661-1677	Генерал с 1677
Крыгел Виган	Имп			Р	1664-1676	
Кулак Долгомир Иван	Рос	Р	П	Р	Ок. 1689	
Кунимган Василий Романов	Св	Н	П	С	1656-после 1687	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Купер Яган Иванов (Cooper John)	Шот			С	(1663-1682)	
Лексин Вилим				Р	Ок. 1689	
Лерент Иван	Св	Н	П	Д	(1663-1677)	Стольник
Лесли Александр (Авраам) (Leslie Alexander)	Шот	Н	П	С	1647-1654	Генерал с 1654
Лесли Джон/Яган (Leslie John)	Шот	И		С	1653-1655	Убит в бою под Ягельницей
Лесли Яков (Leslie Jacob)	Шот	И		С	(1657-1668)	
Лефорт Франц Яковлев	Швц	И	Кв	С	1687-1693	Генерал с 1693
Лешуков Иван Сергеев	Рос	Р	П	С	С 1688	Из стрельцов
Ливестон Александр (Livingston Alexander)	Шот			С	1678-1696	Погиб под Азовом
Лим Юрий Степанов		И		С	Ок. 1688	Инженер
Линстор Ефим/Юхан				С	(1687-1689)	
Литензон Юрий Юрьев				С	1676-после 1689	
Литцкин Михаил (I)	Имп?	И		С	1661-1662	Убит на дуэли полковником Я. Страсборхом
Литцкин Михаил (II)	Св				Ок. 1679	
Ловзын Яков Гаврилов	Св	С		С	(1682-1689)	
Лукин Иван Денисов	Рос	Р	П	Р	До 1668 - 1687	Стольник; Генерал в 1687.
Лукс Ирик Андерсон		И		С	1655-после 1669	
Любенов Крестьян фон Гинклов	Прус	И		С	1661-после 1677	
Малеев Константин	Рос	Р		С	(1688-1689)	
Марлет Еремей				Р	(1676-1679)	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Мартот Лоренц	Фр	И		Р	1653-1655	Покинул Россию
Мевс Иван	Св			С	(1657 -1671)	
Мейер Федор				С	Ок. 1687	
Мейн Якуб (Main Jacub)	Шот				(1659-1671)	
Менезиус Павел (Menzies Paul)	Шот	И	К	С	1674-1689	Генерал с 1689
Минстерман Иван	Св	С		С	(1681-1695)	
Мынгаус Христофор (Christoph Munchhausen)	Имп	И		Р	1661- после 1665	В 1663 в плену; возм., убит во время восстания С. Разина
Нарышкин Кирилл Полуэктов	Рос	Р		Г	1673-1677	Боярин
Нелидов Афанасий	Рос	Р	П	В	Ок. 1688	
Нибут Крестьян					Ок. 1661	
Нильсон Василий				С	Ок. 1689	
Ниротморцев Иван Юрьев (I)	Св	Н	П	С	1654-1655	Умер во время обороны Могилева
Ниротморцев Иван Юрьев (II)	Св	Н	П		Ок. 1660	
Ниротморцев Федор Иванов	Св	Н	П	С	1659-1662	
Обернятин Яков (Abernethy James)	Шот	И		Р	До 1663-1664	Убит под Киевом
Одоров Яков	Ирл?	И		Р	1662-после 1668	
Олофгран Анц	Нор			С	1664-после 1681	
Отмустов Левонтей Артемьев	Св	Н	П	Р	1660-после 1671	
Отфелдер (Фелдер) Федор		И		С	1656-1658	
Палмер Рычерт	Анг	И		Р	1660-после 1665	
Пальт Юрья					Ок. 1671	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Петикрут Степан	Рос	Р	П	С	Ок. 1660	
Подымов Гаврило Антонов	Рос	Р	П	Р	Ок. 1668	
Полтев Григорий Семенов	Рос	Р	П	Р	(1668-1676)	
Полуехтов Дмитрий Ильин	Рос	Р	П	С	1663-после 1667	
Полуехтов Иван (Леонтьев?)	Рос	Р	П	Р	1660-после 1668	
Пульт Даниил	Св			Р	1676-после 1689	
Рей Якуб (Jacoub Ray)	Св			Р	1661-1663)	
Рейтар Вилим Романов				Р	(1679-1685)	
Рец Мартин	Имп			Р	(1659-1661)	
Ригиман (Рингман) Карлус Андреев				С	1676-1696	Генерал с 1696
Ригиман (Рингман) Христофор Андреев				Р	1676-1696	Генерал с 1696
Ронорт Варфоломей	Нид	И		С	1676-после 1689	
Ронорт Яков Григорьев (Roonar Jacob)	Нид	И		С	1655-1688	
Росформ Артемий	Св	С		С	1661-после 1688	
Росформ Вилим	Св	С		С	(1656-1665)	
Росформ Еремей Валентинов	Св	С		С	1656-после 1660	
Рубков Антон Яковлев	Св	С			1673 – после 1677	
Рыдер Петр Гедионов				Р	(1681-1689)	
Рыльский Христофор	Пол	Н	П	Г	1647-1654	
Сас (Сасов) Иван Семенов (Saßong Johan)		Н	П	Р	1662-1693	Стольник; с 1680 ком-л черкасскими казаками

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Сван Иван		Н	П	Д	1654-после 1664	
Сербин Владислав Иванов	Серб			С	1671-после 1681	
Скоржинской Петр Григорьев	Пол?			Р	1660-после 1681	
Скорняков-Писарев Семен Семенов	Рос	Р	П	Р	1660-после 1671	
Соманов Афанасий Борисов	Рос	Р	П	Р	Ок. 1689	
Спешнев Осип Богданов	Рос	Р	П	С	(1662-1663)	
Сторм Иван	Св				1665-после 1673	
Страсборх Яган (Stroßburg Johan)	Имп	И		С	1660-1664	Погиб при штурме Чигирина
Стремичевской Петр Дмитриев	Пол?	Н	П	Р	1668- после 1681	
Стремоухов Федор Иванов	Рос	Р	П	С	1687- после 1696	Из поместной конницы
Тарбеев Григорий Федоров	Рос	Р	П	Р	1660- после 1682	Думный дворянин
Трауэрнихт Афанасий (Анц) Федоров	Имп	Н	П	Р	1655-1675	Генерал с 1675
Трауэрнихт Дорофей Афанасьев	Имп			Р	Ок. 1689	
Трауэрнихт Марко Федоров	Имп			С	1675- после 1681	
Траферт Франц	Анг			С	1653-1657	
Трейден Иван Христофоров	Св				1676- после 1677	
Трейден Яган				С	1659-после 1677	
Трель Яган (Trail John)	Шот			С	Ок. 1660	Убит в 1660
Тур Индрик (Гендрик?)	Бранд	И		Р	Ок. 1662	1662-после 1678 в плену

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Тур Яков Бансырев				Р	1662-после 1679	
Тургенев Тимофей Васильев	Рос	Р	П	Р	(1667-1668)	
Уваров Степан Ефимьев	Рос	Р	П	Р	(1660-1677)	
Урвин Яков (Irwing Janus)	Шот?	И		Д	1654-после 1660	
Ушаков Григорий Анофриев	Рос	Р	П	С	1661- после 1677	
Фамендин Арист	Св	Н	П	Р	1653-1660	
Фанблументрост Крестьян				С	1661-после 1665	
Фанбуденброк Иван (von Bunnenbrok Johan)	Лив			Р	1661-1668	Погиб под Черниговым
Фанбуковен Исаак	Нид	И		Р	1649-1654	
Фанбуковен Корнилиус	Нид	И	К	Р	До 1659-1678	В 1661-1662 в плену. Погиб под Чигирином
Фанбуковен Филипп Альбертус	Нид	И	К	С	1650-1667	В 1660-1667 в плену, с 1677 генерал. Перешёл в православие в 1670 гг.
Фанвисин Владимир Денисов	Св			Р	Ок. 1656	Убит под Ригой
Фанвисин Денис Денисов	Св			Р	1655-после 1671	
Фангален Вилим Еган				Р	1658-1659	Убит под Конотопом
Фангалененброх Трофим				С	Ок. 1663	
Фанговен Яган Иванов	Имп			Р	1660-после 1687	
Фанговен Яган Гевиш	Имп			Р	1654-1660	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Фанголстен Яков Францев				С	1662-после 1681	
Фандергейден Яган	Св			Р	С 1662	
Фандернисин Давыд Филиппов	Св	С		Р	1660-1677	Генерал с 1677; погиб под Чигирином в 1678
Фандроцкий Иоганн (Василий)	Имп	Н	П	Р	1654	Погиб при штурме Смоленска
Фан-Егерат Индрик				Р	1661-после 1668	
Фанзагер Яган (von Sagner Johan)				С	(1658-1665)	
Фанзален Николай Яковлев				С	(1659-1688)	
Фанзейц Вилим Филипп				С	1658-1666	
Фанкалтох Сейболт				Р	Ок. 1660-1663	
Фанрозербах Яган	Лив	И	Л	Р	(1658-1660)	
Фанстаден Герман	Лив	Н	П	С	1653-после 1677	
Фанстаден Николай	Лив	Н	П	С	1653-1675	Генерал с 1675
Фанстробель Анц Георг	Имп	И	Л	Р	1657-1659	Погиб в Конотопской битве
Фанфеник-Бир Яган				Р	(1681-1686)	
Фанфростен Яков	Прус	И		С	1676-после 1688	Инженер
Фаншеин Готлип		И		Р	1661-после 1666	
Фаншмаленберг Антон					Ок. 1684	
Флек Яков	Анг			С	1653-1654	
Фливерк Иван Михайлов	Св			С	1660-после 1663	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Фливерк Матвей Иванов	Св	С		С	Ок. 1689	
Фливерк Николай Иванов	Св	С		С	1676- после. 1681	
Фоминцов Иван	Рос	Р		С	С 1688	
Фон-Верден Николай Григорьев				Р	До 1689-1702	Генерал с 1702
Фонгонстен Франц				С	(1687-1689)	
Фондервидин Тимофей Андреев				С	(1681-1689)	
Фонзален Вилим				С	(1677-1689)	
Фонмендин Юрий	Св			С	До 1684-1696	Генерал с 1696
Фонпадберх Корнилиус					Ок. 1659	
Фонтурнер Гаврил	Св			С	(1677-1689)	Инженер
Форот Александр Андреев	Св	С		С	(1671-1689)	
Форот Андрей Иванов (Forrat Andrew)	Шот	И		С	1659-после 1665	В 1661-1662 в плену
Франзбеков Андрей	Св				Ок. 1665	
Франзбеков Ефим	Св	Н	П	С	1655-после 1663	
Франзбеков Иван Романов	Св			С	(1663-1689)	
Франк Иван	Св			С	До 1663-1664	Погиб под Витебском
Франк Юрья Юрьев	Св			С	1660-после 1679	
Фрелих Петр Петров				Р	1661- после 1681	
Цей Андрей	Имп			Р	До 1670-1682	Генерал с 1682
Циммерман Иван Иванов		Н	П		1676-после 1677	
Цыклер Елисей		Н	П	С	1654-1656	Попал в плен под Ригой, умер от ран

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
Челищев Михаил Тимофеев	Рос	Р	П	Г	1677-после 1696	
Челюсткин Василий Алексеев	Рос	Р	П	Р	1660-после 1674	
Чернышев Иван Григорьев	Рос	Р	П	Р	(1677-1679)	Стольник
Чубаров Андрей Алексеев	Рос	Р	Р	Р	1660-после 1677	Стольник
Шак Томас				Р	Ок. 1660	
Шарф Андрей Вилимов	Св	С		С	Ок. 1689	
Шарф Вилим (Shairp William)	Шот	С		С	Ок. 1681	
Шварт Василий Еремеев	Св				1674-после 1677	
Шель Томас/Александр Васильев (Sheal Tho)		Н	П	Р	1660-после 1686	
Шепелев Аггей Алексеев	Рос	Р	П	В	1656-1678	Из стрельцов; генерал с 1678
Шепелев Иван Алексеев	Рос	Р	П	Р	1661-1668	
Шишков Григорий Иванов	Рос	Р	П	Р	1677-после 1696	
Шкот Юрья Андреев				С	(1685-1689)	
Шневенц Альбрехт				С	(1659-1668)	
Шниттер Андрей Родионов				С	1676-после 1681	
Шниттер Ульрих				Р	1667-после 1677	
Эглин Вилим		И		Д	1654-после 1659	
Энес Лаврентий				С	(1663-1665)	
Эрлант Петр				С	(1688-1689)	
Эрнст Яков				С	(1686-1689)	
Юнгор Томас	Св	С		Р	(1681-1699)	
Юнкман Иван Христофоров		И		Д	1661-после 1681	

Имя	Нац.	Статус	Вероисп.	Род войск	Период службы	Примечания
(Yngman Johan)						
Юнкман Христофор		И		Д	1655-1660	Погиб в битве на р. Басе
Юрьев Сила	Рос	Р	П	С	1661-1663	
Языков Федор	Рос	Р	П	Р	Ок. 1661	
Яндер (Гандер) Кашпир	Имп	Н	Л	С	1654-1660	Погиб в Чудновской битве

Таблица составлена на основе следующих источников и литературы:

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 150. Дела о выездах иноземцев в Россию. 1647. № 27; 1649. № 5; 1650. № 8; 1652. № 6;1654. № 1, 2; 1655. № 2, 3; 1656. № 11; 1661. №1, 10, 19, 33, 34; 1695. № 6.
2. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Боярские книги. №№ 6-10.
3. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Московского стола. №№ 34, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 65, 85
4. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Новгородского стола. № 17.
5. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Московского стола. №№ 862, 867, 870, 907, 908.
6. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. №№ 597, 989.
7. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. № 250.
8. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. В 3 т. / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Тип-ия Императорской Академии Наук, 1890-1901
9. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
10. Бабулин И.Б. Война за возвращение Украины 1668-1669. М., 2021.
11. Бабулин И.Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичах. М., 2018.
12. Бабулин И.Б. Состав русской армии в Чудновском походе 1660 г. // Рейтар. 2006. № 4(28) С. 22-41.
13. Белокуров С.А. Дневальные записи приказа Тайных дел 7165-7183 гг. М.: Тип-ия Штаба Московского военного округа, 1908. 346 с.
14. Брусницына Д.В. «Начальные люди» Олонецких полков пашенных солдат (1649—1666) // CARELiCA [Научный электронный журнал] — 2013, — № 1(10). — С. 170-185

15. Ведомость войскам, бывшим в Крымском походе 1689 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858 / Приложения. № XI. С. 385-389.
16. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1911. Кн. 3. С. 4-53.
17. Гордон П. Дневник 1659-1667. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2003.
18. Гордон П. Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 33.
19. Гордон П. Дневник 1684-1689 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосов. М.: Наука, 2009.
20. Дмитриев А.В. Войска "нового строя" в Сибири во второй половине XVII века Новосибирск, 2008.
21. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды). Т. 3. СПб., 1852.
22. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1853.
23. Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017
24. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. / Отв. ред. С.С. Ермолаев. М., 2007. С. 157-197.
25. Пенской В.В. От лука к мушкету: Вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития Белгород, 2008.
26. Переписные книги города Москвы 1665-76. М., 1886.
27. Петрухинцев Н.Н. "Финансы войны" и офицерский корпус полков "нового строя" в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263-292.
28. Проскурякова М.Е. «…На твоей государеве службе на Олонце … для ратного салдатцкого строю»: Биографии иноземцев полка Александра Гамильтона // CARELiCA. 2020. № 1(23). С. 62–91.
29. Роспись перечневая ратным людем, которые во 189-м году росписаны в полки по розрядам // Иванов П. Описание Государственного Разрядного архива, с

присовокуплением снимков со многих хранящихся в оном любопытных документов / Приложения. М., 1842. С.71-92.

30. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1872.
31. Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Дис. … док. ист. наук. Воронеж, 2015.
32. Скобелкин О.В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2011. № 4-1. С. 212-216
33. Список гусарского, копейного, рейтарского и солдатского строю, полковникам, подполковникам и иных чинов начальным людям русским, с кормовыми их месячными оклады и с их службами. Сочинен в 1696 г. в Иноземном приказе при сидении думного дьяка Автамона Ивановича Иванова с товарищи. Ч. 1. Кострома, 1793-1794 гг.
34. The Scotland, Scandinavia and Northern European Biographical Database (SSNE): [Электронный ресурс]. URL: https://www.st-andrews.ac.uk/history/ssne/. Дата обращения: 12.08.2020.

В результате исследования было выявлено 305 полковников.

Приложение 2

Национальное происхождение полковников

Национальная принадлежность	**Всего, ч.**	**Всего, %**	**Всего от известных, %**
Русские	69	23	32
Иноземцы старого выезду	53	17	25
Шотландцы	40	13	19
Германские земли	34	11	16
Другие	17	6	8
Всего западноевропейцы (без старовыезжих)	93	30	43
Поляки и литва	4	1,3	2
Западноевропейцы неопр. национального происхождения	90	30	-